

A312954

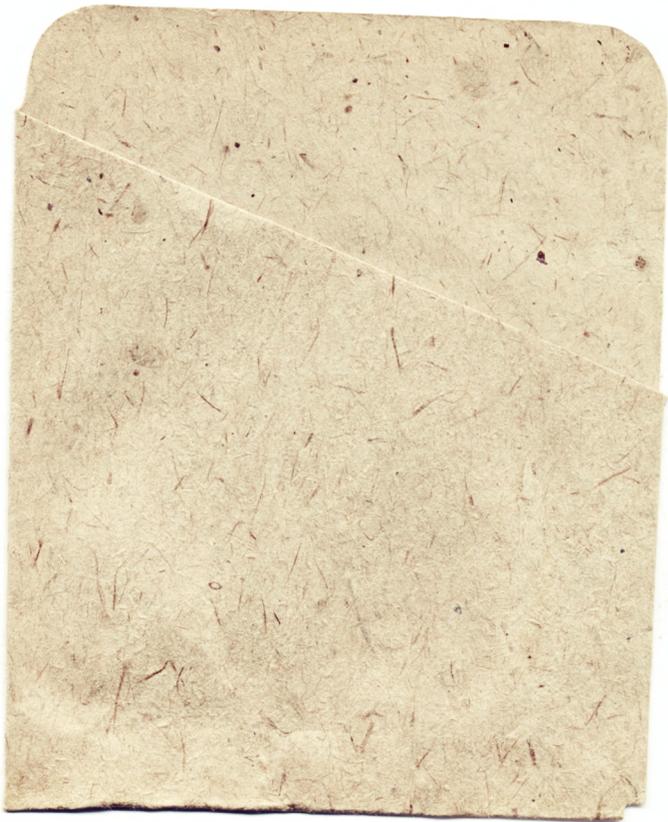
Иван Соловьев

КРАСНЫЕ

ЛИНИИ

RX

Иван Соловьев

A312954

КРАСНЫЕ ЛИНИИ

Орловская областная
научная библиотека
им. И.А. Бунина
на заданную тему
Ушаков

г. Орел.

Москва
2023

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)
С60

Соловьев И. Н.

С60 Красные линии. — Москва : Блок-Принт, 2023. — 328 с.

ISBN 978-5-6049918-4-8

Военно-приключенческая повесть «Красные линии» посвящена мужеству и отваге российских военнослужащих, проявляемых в ходе проведения специальной военной операции на Украине, их готовности пожертвовать собой ради спасения жизни боевых товарищей, безопасности и процветания Родины.

Отдельной детективной линией сюжета является противостояние российской разведки и контрразведки попыткам украинских спецслужб и их агентов похитить оружие нового поколения и завербовать военнослужащих Вооруженных сил РФ для работы на противника.

Настоящими красными линиями для героев книги станут испытания, через которые им придется пройти: победить страх, не поддаваться искушениям, проявить твердость и цельность характера, сострадание и великодушие.

Читатель узнает о дальнейших судьбах уже полюбившихся по фильму «Пункт пропуска» героев: адмирала Елагина, офицеров Алексея Филатова и Максима Шаляева, их бывшего друга капитана ВСУ Тараса Комко и его отца и др.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)

Редакторы-корректоры:

О. В. Соловьева, К. П. Шереметьева.

Текст публикуется в авторской редакции.

Изображение на обложке с ресурса Photogenica.ru

Литературно-художественное издание

СОЛОВЬЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

КРАСНЫЕ ЛИНИИ

Подписано в печать 03.08.2023. Формат 60×90¹/₁₆.

Печать цифровая. Печ. л. 20,5. Тираж 1000 (2-й завод 500) экз.

ISBN 978-5-6049918-4-8

© Соловьев И. Н., 2022

О край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Ф.И. Тютчев

1

**Май 2012 года,
Севастополь.**

Эта на удивление большая, белого цвета собака уже три недели как обживала территорию рядом с КПП, через который курсанты, — будущие военные моряки, проходили в расположение своей части. Когда она появилась там первый раз, то с трудом наступала на заднюю лапу и при ходьбе держала ее в подвешенном состоянии. Она вела себя так, как будто извинялась за свою немощь, но вместе с тем была очень приветливой. Она всегда дружелюбно виляла хвостом, когда мимо проходили курсанты мореходки и их командиры.

На следующий день ее уже щедро одаривали пирожками и сосисками, а из закровов родины выписали старый матрас для комфортного отдыха. Лакомства были ей по душе, что-то ела сразу, а что-то закапывала в земле, рядом с КПП.

За свой окрас и близость к морю, ее прозвали Чайкой, и она почти сразу стала отзываться на это имя. Не прошло и недели, как Чайка выздоровела и стала охранять

КПП и подходы к нему. Людей в морской форме она пропускала без всяких вопросов, а вот штатским приходилось объясняться с ней. Чайка смотрела на дежурного и, если тот кивал, то пропускала беспрепятственно.

Был у нее и свой любимец — курсант Алексей Филатов. Мама всегда передавала ему бутерброды с докторской колбасой и сырники со сгущенкой. И Леша каждый день с удовольствием делился своей едой с Чайкой. Когда та видела своего кормильца, с ней происходило что-то невообразимое. Она то неистово виляла хвостом, то кружилась на месте, то лаяла, то подпрыгивала, пытаясь лизнуть Лешу в нос, делая для этого невероятные кульбиты. Потом, правда, успокаивалась, ложилась на спину, и с умилением ждала, когда ей почешут живот.

Конечно, она бы очень хотела подпрыгнуть и поставить передние лапы ему на грудь и попытаться дотянуться до плеч, но знала — лапы у нее грязные, а форма чистая. А за неаккуратный внешний вид ее Леше еще как влететь может.

Но был у нее и недоброжелатель. Фамилия его была Гулько, капитан третьего ранга. Он был переведен в Севастополь из Киева, из Министерства обороны Украины, где, скорее всего, по каким-то причинам не прижился. Сама Чайка относилась ко всем морякам ровно, с уважением и ни на кого даже рычать не думала. Но этот... Сначала он подходил и просто материл ее. Суть его брани заключалась в стенаниях относительно причин ее появления, мол, не положено, только грязь разводит около КПП. Не дай Бог, кого покусает, а ему — заму по хозяйности за все отвечать.

Потом он несколько раз ударил ее ногой в живот. После этого Чайка перестала подпускать его к себе. Она скалила зубы при его приближении и пряталась в своей на-

скоро сколоченной курсантами конуре. Через несколько дней ее враг кинул ей хороший и аппетитный кусок мяса. Понюхав его, Чайка решила оставить удовольствие на потом и отнесла его в укромное место. А вечером, вместо мяса Чайка обнаружила шесть больших дохлых крыс.

В тот день кап три* Гулько заступил дежурным офицером по училищу, получил в оружейке ПМ и пошел проверять посты. У КПП как всегда наткнулся на Чайку.

— Ну шо с тобой делать, подлюка ты этакая? Ничего тебя не берет, вот ведь! Но ничего, ща посмотрим, кто кого, — вслух сказал Гулько и пошел на территорию искать подходящий для расправы с собакой предмет. На пожарном гидранте он увидел ведро и лом, покрашенный красной краской.

— О, то шо надо! Поглядим теперь, кто кого, — Гулько взялся за стальной наконечник лома, специально вышел с другого КПП, обошел территорию по периметру и приблизился к Чайке с тыла, надеясь быть незамеченным.

Однако Чайка инстинктивно почуяла его. И вообще, она почувствовала все, что сейчас произойдет, поэтому сначала начала лаять, пытаясь привлечь внимание и отпугнуть врага, а потом выть.

Подойдя чуть ближе, Гулько начал со злостью размахивать ломом. Но собака уворачивалась, поэтому орудие расправы с завидным постоянством попадало мимо цели то в цементный забор, который огораживал территорию училища, то в землю, да так, что его приходилось с трудом оттуда вытаскивать.

Все это привело Гулько в состояние дикой ярости. Схватив лежавший у КПП с зимы кол, он порвал им себе рукав на гимнастерке. После чего вынул ПМ и трижды

* Кап три (*воен.морск.*) — капитан третьего ранга.

выстрелил в Чайку. Две пули прошли мимо, а одна попала ей в бедро. Она утратила способность двигаться и скуля завалилась на бок.

— А-а-а, что, получила, тварь? Нету у тебя супротив меня силы. Поняла? — проскрежетал сквозь зубы Гулько и, подойдя вплотную, посмотрел в полные боли и мольбы о пощаде глаза Чайки, выстрелил ей в голову.

2

Курсант Алексей Филатов со своими друзьями Максимом Шалаевым и Тарасом Комко о ночной стрельбе узнали утром. По училищу прошел слух, что ночью на дежурного офицера Гулько напала Чайка, порвала рукав, после чего ее пришлось застрелить.

Отбыв положенные занятия, после обеда, друзья рванули к месту гибели своей любимицы. Первым там оказался белый как полотно Алексей. Чуть поодаль встали Максим и Тарас. Филатов стал тщательно осматривать все вокруг.

— Макс, Комок, смотрите! Вот земля чем-то истыкана вся. И на заборе сколы. Не было же их раньше...

— Да, похоже тут чем-то железным покорябано все, — предположил Шалаев.

— На железный прут похоже, только тяжелый очень. Лом, скорее всего. Тут на заборе и следы от красной краски, — подтвердил догадки Тарас Комко.

И тут Алексей увидел на заборе брызги собачьей крови. Молча он развернулся и быстрым шагом направился в сторону жилого дома, где жили офицерские семьи и где, судя по всему, после ночного дежурства должен был находиться Гулько.

— Макс, держи его, сейчас кирдык будет! — нервно сказал Тарас.

— Леха, стой,
Ребята бросились за ним.

— Да стой же, тебе говорю!
Шалаев нагнал его и резко повернул к себе.

— Леха, охлонись...

На лице Филатова блестели две крупные слезы, подбородок и руки дрожали.

— Сейчас пойдешь туда и в два счета из училища — пытался урезонить друга Тарас.

— Сука, сука, с-у-у-ка, — заорал Филатов.

На его крик из здания КПП выглянул дежурный офицер с красной повязкой на рукаве, но оценив ситуацию, просто сделал жест рукой, чтобы ребята вели себя потише.

— Ты, Леха, это.... не кипятись сейчас. Погодь. Поостынь. Придумаем, как отомстить ему, — чуть приобняв за плечо друга с уверенностью сказал Тарас.

— Даже не сомневайся, — кивком подтвердил Шалаев.

Идея пришла к друзьям неожиданно быстро.

— Лех, меня в детстве на хутор дальний в Закарпатье отправляли. Так вот, там одному мужику, который на своих односельчанах наживался, под утро к двери хаты поросья-переростка привязали. Предварительно самогоном его изрядно подпоив. Ну, в дверь постучали и айда за забор смотреть. Мужик спросонья дверь открыл, порось пьяный вовнутрь и давай у него по хате шариться. Все перевернул, орал, обгадился сам и все вокруг обгадил. Так вот он его почитай часа два гонял, пока тот сам чудом дверь не открыл и из горницы не выскочил. Смеху было. А мужик хату два дня мыл, но урок строго вы-

учил, — поведал во всеобщей тишине под одобрительное хмыканье Шалаева Тарас.

— Где порось взять? — серьезно спросил Филатов.

— Знаю я тут пару-тройку хозяйств, что салом торгуют, — протянул Тарас.

— Кто бы сомневался, Комок. Ты и сало — близнецы-братья! — поддержал беседу Макс.

— Ладно, чуть стемнеет, пойдем животину в аренду брать, — загорелся Тарас.

— А самогон мы, как всегда, у Мироновны возьмем, и все ингредиенты на месте будут, — заметил Филатов.

— Ну, вот и ладушки, — подытожил Макс Шалаев.

Операция превзошла все даже самые смелые ожидания парней. Довольно грузный порось с удовольствием откушал самогона возле подъезда дома Гулько, после чего даже не без определенной резвости поднялся с ребятами на второй этаж, к квартире номер 6, где был наскоро привязан к входной двери.

Алексей дал три протяжных звонка в дверь и ребята спустились вниз. На втором этаже раздался недовольный голос Гулько.

— Ну кого еще в такую рань черти носят?

При этом он резко рванул входную дверь на себя, а вместе с ней в небольшой квартире оказался и порось, который с испугу сорвался с веревки и рванул метаться по комнатам. Все получилось почти как в далекой закарпатской деревне. Гулько даже несколько раз ловил порось, но обезумевшее животное вырывалось и продолжало свой разрушительный марафон по квартире.

Конечно, разбужен был весь дом, так как визжали и порось и Гулько. Последний, в конце концов, схватил большой кухонный нож и бросился с ним на незваного гостя. Однако порось прекрасно знал, что такое нож

и чем он грозит его соплеменникам, поэтому в безумном порыве, спасая свою жизнь, он забрался на стул, оттуда на кухонный стол, а уж с него сиганул в приоткрытое окно, на радость собравшимся внизу соседям. Приземлившись на зад, он некоторое время катался на земле, видимо, от боли, потом вскочил и засеменял прочь.

Потом друзья постоянно вспоминали эту историю, в том числе, в воинской части, куда попали служить после окончания училища, хотя и сама атмосфера службы, была, мягко говоря, разухабистой. Уже потом, став офицерами российской армии, Филатов и Шалаев вспоминали, что по прибытии на свое первое место службы они не смогли попасть ни к командиру, ни к его заместителю. Дежуривший в тесной и обшарпанной приемной капитан-лейтенант сказал, что еще вчера все уехали разбираться с каким-то ЧП и сегодня никого не будет. А молодежи посоветовал привыкать к службе и знакомиться с тем, что и где у них на территории «стоит, лежит и висит». Кстати, командиры появились в части только через три дня, и по их помятому и отечному виду было понятно, что главным ЧП за последние дни для них стало — истребление всех запасов самогона.

3

**Октябрь 1998 года,
Москва, Россия.**

— Аня, я пошел, закрой за мной дверь, — звук голоса эхом раздался в просторном доме.

— Сейчас иду, Юленька проснулась, кушать просит, — ответила женщина. Она подошла к мужчине и, встав на цыпочки, чмокнула его в губы.

— Виталечка, ты сегодня поздно или поужинаем вместе? — с надеждой спросила она.

— Как получится, ты же знаешь, время напряженное, ответил мужчина и, подняв с пола довольно увесистую дорожную сумку, взялся за ручку двери.

— Что это у тебя, ты куда-то собрался?

— Ну что ты, это мои старые вещи, спортивный костюм, пальто. Решил избавиться от хлама. У нас на работе уборщица это все в деревню родным отправляет. Так что пусть в своем Кукуево ходят модными.

— Какой ты у меня молодец, правильно, людям надо помогать.

— Ну так я пошел? — неуверенно спросил мужчина.

— Конечно, до вечера! — радостно ответила Аня.

— До вечера...

Аня Филиппова в который раз вспоминала эту сцену прощания и пыталась угадать, где же в то утро 3 октября 1998 года прозвучала фальшивая нотка в их разговоре. И никак не могла ее уловить. Тем не менее ее любимый Виталечка в тот вечер домой не пришел. Не пришел и на следующий день. Через неделю он тоже не объявился, при этом телефон его был отключен.

Аня обращалась в милицию, но там сначала ее заявление не приняли под обычным в таком случае предлогом: «девушка, нагуляется ваш муж и вернется. Тем более, что и не муж он вам, а так, сожитель. Ну и что, что отец ребеночка вашего... мало ли...».

У них было заведено, что каждый понедельник Виталик давал ей деньги на покупку продуктов и всего необходимого для ребенка. Не ахти как можно было разгуляться, но Аня знала, как и где купить любимые стейки для мужа, и оптом подгузники, и детское питание.

Себя она особо не баловала, любимое сладкое было отправлено под жесткий запрет. В общем, Аня старалась держать себя в форме и не разочаровывать Виталика лишними килограммами, поэтому быстро вернула идеальную стройность фигуры, так что тратиться на новый гардероб ей не пришлось — старый подходил как нельзя лучше.

Аня плакала практически все ночи напролет. Наведывавшаяся два раза в неделю убирать большой дом добродушная Галя успокаивала ее как могла. Через две недели все запасы истощились, да и Гале за работу стало нечем платить. Та предупредила, что готова помочь безвозмездно в последний раз, а дальше возможности нет — двое взрослых детей, внуки и попивающий муж-

военный пенсионер, которого она все время от чего-то лечила.

Аня перерыла весь дом в надежде найти хоть что-то ценное, но ничего, кроме техники, нескольких картин и ваз под старину не нашла. В столе у Виталика все было «прибрано как после ленинского коммунистического субботника» — так любил говорить ее отец, любуясь на идеальную чистоту, которой он называл полное отсутствие вообще каких-либо предметов на своем столе после маминой уборки.

В небольшом, но очень тяжелом сейфе тоже ничего не было, лишь несколько пустых конвертов да резинки, которыми скрепляют пачки купюр. Раньше Виталик тщательно прятал ключ от сейфа, а сейчас Аня нашла его в массивной настольной пепельнице.

По прошествии еще двух дней Аня засобиравлась к отцу в Мурманск. Честно говоря, ей не очень-то этого хотелось. После смерти мамы, ее отец сначала замкнулся, стал нелюдим и практически не выходил из дома, но через два года встретил женщину — Ларису, которую и привел жить в их бывшую семейную квартиру. Аня все понимала, но ничего с собой поделывать не могла — не лезла у нее душа к такому решению отца. У Ларисы была однушка, ее они сдавали, а жили в отцовской, довольно просторной, по мурманским меркам трешке с двумя комнатами, которых Лариса притащила с собой.

Аня позвонила отцу, рассказала все как есть и тут же получила отцовский наказ — немедленно брать весь скарб и лететь в Мурманск. Отдохнуть, прийти в себя, а потом уже заниматься домом и всеми остальными московскими вопросами. Такая категоричность и готовность принять ее с дочерью тронули Аню, и она в тот же день взяла билеты и стала собираться.

4

**Сентябрь 1999 года,
Москва, Россия.**

В дверь позвонили. Раньше оригинальная трель их входного звонка вызывала у Ани приятные эмоции, это могли быть гости, доставка еды или детский массажист для Юли. В последнее время звонок в дверь стал символом надежды. Сейчас она откроет дверь и... там окажется Виталик, который ее обнимает и все расскажет, и объяснит. И жизнь опять войдет в прежнее русло. А сегодня Аня подумала, что это такси приехало чуть раньше положенного времени.

— Иду, иду, сейчас, — взволнованно проговорила она, открывая дверь.

На пороге стояли трое мужчин. Рослые, довольно дорого одеты, но почему-то во всем темном. В руках у одного из них были длинные каменные четки. Не здороваясь, мужчины прошли в дверь и остановились около собранных сумок и коляски.

— И куда это мы собрались? — спросил у Ани коротко стриженный блондин.

— Вы кто? — спросила Аня.

Мужчины переглянулись.

— Ну раз не понимаешь, пошли, поговорим, — очень тихо сказал мужчина с четками.

— Идемте в гостиную, — чужая недоброе пригласила Аня.

После того, как все расселись за столом, все тот же мужчина с четками спросил:

— Где твой муж?

— Я не знаю, он уже восемнадцать, нет девятнадцать дней назад ушел и все. Я о нем ничего не знаю.

— А собралась-то ты куда? — спросил молчавший до этого третий гость, поразивший Юлю странными, вроде как поломанными ушами.

— В Мурманск, к папе. У меня деньги кончились и ребенка вот кормить нечем, — Аня посмотрела на лежавшую в переноске Юлю.

— Билет, — тихо сказал мужик с четками.

— Что билет? — спросила Аня, понимая, что это старший из трех незваных гостей.

— Билет покажи мне, коза драная, быстро! — привстав, сказал он.

Аня вся сжалась и достала из сумочки билет.

Блондин встал и как на шарнирах подошел к ней и театральным жестом вырвал билет из рук. Потом подошел к старшему и отдал ему. Тот развернул билет и внимательно его изучил.

— Действительно, не свистит, в Мурманск собралась, — сказал он и аккуратно порвал билет на мелкие кусочки.

— Сейчас отвечай мне честно, тебе же лучше будет, — к Ане подсел мужчина со сломанными ушами.

— Тебе крендель твой звонит? Ну? Говори, сука, звонит или нет? Где он знаешь?

При этом он легко приподнял Аню за шиворот и швырнул на диван.

От страха Аня потеряла дар речи, только отрицательно замотала головой. От громких звуков проснулась Юлия и захныкала.

Блондин взял со стола ее телефон и стал внимательно просматривать.

— Иваныч, нет звонков тут от него. Или стирает сразу, — прокомментировал он результаты осмотра главному.

— Отправь ментенку нашему, пусть пробьет побыстрому ее номерок, — приказал он главному.

Чуть подумал и пристально посмотрел на Аню.

— Паспорт свой давай.

— Он в сумочке, — чуть заикаясь, ответила Аня.

Блондин взял со стула Анину сумку и кинул ей на диван. Аня дрожащими руками стала рыться в сумке, нащупала паспорт и протянула его старшему.

— Я что вставать к тебе и идти должен? — с насмешкой спросил он. Давай, поднимай задницу свою и неси сюда свой документ.

Аня встала, подошла к столу и протянула паспорт. Старший взял его и стал внимательно изучать.

— Так, Морозова Анна Владимировна, 1971 года рождения, Мурманск, так. Дочь Юлия. А где штамп о замужестве?

— Мы не были женаты, — чуть увереннее ответила Аня.

— Как не были? О, падла, он мало того, что на бабу свою все записал, так еще и не женился на ней, — швырнул паспорт на стол главный. Потом посмотрел на него, аккуратно взял и убрал в свой карман.

— Ты в курсе, что двумя заводами и складами владеешь? — спросил Аню немного подобревший с виду главарь.

— Я подписывала какие-то бумаги. Виталик сказал, что так надо. Что б к нему претензий у налоговой не было, — затараторила Аня.

— Ты, это, не так быстро. И вола не води, какая тут налоговая у него, прикалываешься что ли? — снова стал раздражаться главный.

— Ну как какая, у него же бизнес, какие-то микро-схемы собирали. А там налоги очень большие. Вот он и хотел, чтобы часть бизнеса на мне была, чтобы к нему меньше претензий было и выездных проверок, — уже медленнее стала рассказывать Аня.

— Микросхемы говоришь... Хм. Да-а-а. Похоже, пацаны, он бабу-то свою за лохушку держал. Про какие-то там микросхемы фуфло гнал, — даже заулыбался главный.

В общем так, Анна Владимировна. Слушай сюда. Виталик твой с нами работал. Но че-то вдруг соскочить решил. Ушел и досвидос не сказал никому. А мы скучаем по нему, понимаешь, очень скучаем!

— Понимаю, — тихо сказала Аня.

— Да ни хрена ты не понимаешь, дура. Киданул он нас. В час трудный ноги сделал. В стране его нет, сдриснул. А раз так, то надо нам все по справедливости уладить. Дом мы этот забираем. В квартиру нашу попроще пока переедешь. Переоформим все с тебя на наших людей, должок с неустойкой вернешь и можешь валить в свой Мурманск, к папаше. Усекла?

— Какая квартира? Какая неустойка? Заберите все и отпустите меня, — взмолилась Аня.

— Конечно, заберем, это ты даже не сомневайся, — усмехнулся мужик со сломанными ушами. А вот отпустить... отпустим, если сама захочешь. И он бесстыжим раздевающим взглядом окинул Аню с головы до ног.

5

Аня уже вторую неделю жила в небольшой, малоуютной, довольно потертой временем и постоянной сменой жильцов квартире в Медведково. Паспорта у нее не было, все бумаги она подписывала почти не читая, надеясь таким способом ускорить свое освобождение из плена.

Но шло время и, несмотря на то, что вчерашние «партнеры» Виталика убедились в том, что она была не в курсе ни его дел, ни места его нынешнего обитания, перспективы уехать и забыть все произошедшее как страшный сон с каждым днем таяли, как дым сигарет, которые совершенно нахально курил в квартире Равиль — так звали того мужика со сломанными ушами, который приезжал на квартиру, то с нотариусом, то привозил каких-то людей, которым показывал Аню.

Но хуже всего дела обстояли с Юлей. Молоко у Ани пропало на второй день после исчезновения Виталика. На простые и недорогие смеси у Юли оказалась довольно сильная аллергия. А поскольку Ане было запрещено выходить дальше небольшого дворика, вокруг которого стояли несколько серых девятиэтажек, то выпрашивать детское питание ей приходилось через того же Равиля, который довольно часто путал смеси и привозил совершенно не то, что нужно.

Аня видела, как мучается Юля. Помимо перебоев с едой, малышке передавалась частичка того чудовищного нервного напряжения, в котором находилась ее мама. Ребенок стал капризным, плохо спал, покрывался непонятной сыпью, отчего паника Ани становилась просто невыносимой.

В тот день она вышла во двор на прогулку с Юлей, так как в квартире катастрофически не хватало свежего воздуха. По сравнению с затхлыми ароматами квартиры это действительно был воздух во всех смыслах этого слова. Девочку она держала на руках, так как в кроватке и коляске она больше не засыпала. Где-то через час малышка уснула под колыбельную, которую тихо напевала ей Аня.

Теперь Аня могла чуть расслабиться и осмотреться. Ничего нового. Те же качели, сохранившиеся с советского времени с вытертой землей под седушкой, проржавевшая шестерка у подъезда дома напротив и местная алкашня — асоциальные элементы, постоянно выясняющие друг у друга непонятно что. «Господи, сколько же это еще будет продолжаться», — прошептала Аня и горько заплакала.

Она научилась плакать практически без рыданий, чтобы не разбудить Юлю.

— Девушка, у вас все в порядке? — совсем рядом раздался мужской голос.

Аня вздрогнула и подняла глаза. Перед ней стоял военный в черной морской форме с пакетом, в котором была видна бутылка водки Распутин и банка иностранной ветчины.

— Все нормально, спасибо, — ответила Аня.

Военный смущенно убрал пакет за спину.

— Вы не смотрите, что я со всем этим... просто к товарищу иду, боевому, он тут рядом где-то живет. Пригласил вот. Не с пустыми же руками идти.

Оправдания показались Ане такими милыми, что она стала всматриваться в лицо военного. Странно, но ничего в этом лице ее не отталкивало и не пугало. Добрые глаза, открытый взгляд и в то же время какая-то уверенность и сила.

— А у вас есть пять минут? — спросила она с надеждой.

— Для вас, хоть целая вечность, — серьезно ответил военный.

— Меня, кстати, Александром зовут. Капитан третьего ранга Елагин, — представился он.

— А меня Аня.

После этого Аня, не останавливаясь, рассказала Александру всю свою историю, начиная с переезда из Мурманска, поступления в медицинский и до сегодняшнего дня. Сколько это заняло времени, она не поняла, только почти к концу ее рассказа проснулась Юля.

— Вы простите, дочка проснулась. Надо идти ее кормить. Спасибо, что выслушали. Пойдем мы, — проговорила Аня вставая. Она знала, что у нее есть минут пять для того, чтобы подняться и приготовить ей смесь, после чего Юля закатит голодную истерику и успокоить ее будет очень трудно.

— Куда это вы пойдете? Отставить. Значит так. Сейчас поднимаемся в вашу квартиру, забираем вещи, быстро заходим к капитан-лейтенанту Теряеву, отдаем горючее и закуску, хотя нет, только горючее, берем такси, и... милости прошу ко мне на постой. Возражения не принимаются. Все остальное потом.

6

— Проходите, проходите, Аня, вот моя берлога. Располагайтесь. Завтра поедem и купим все для ребенка. В любом случае, пока я не порешаю ваш вопрос с этой непостоянной публикой из числа бывших коллег вашего мужа, уезжать не стоит, — Александр Елагин говорил о планах, параллельно подогревая чайник и доставая раскладушку с антресолей.

— Комнат сами видите немного. Так что я тут, на кухне обустроюсь, а уж вы с Юлей извольте в комнате. Мне, конечно, время понадобится, чтобы все разрулить. Так что вы мне, когда созреете, еще раз все подробнейшим образом расскажете. Хорошо?

Аня молча сидела на диване, осматриваясь на новом месте своего обитания. Обстановка в квартире была довольно простой, но при этом был в этой простоте какой-то уют, который внушал спокойствие и желание остаться. На душе наконец-то воцарилось долгожданное спокойствие.

— Ну что вы такая грустная, давайте я вас развеселю. Хотите, историю расскажу из нашей гарнизонной жизни? — не унимался Елагин.

— Нет, нет, все в порядке. Это я с непривычки просто. А историю, Саша, расскажите, конечно, — ответила Аня.

— Ну что ж, устраивайтесь поудобнее и слушайте. Было это на Северном флоте, где я службу начинал, еще при Советском союзе, в нашем военном городке. Семья моего старшего товарища, капитана первого ранга, занимавшего должность заместителя командира дивизии, была в отъезде, гостили у родственников. В один из дней, ближе к вечеру он вернулся из дальнего похода, вошел в пустую квартиру, не переодеваясь, поставил на плиту вариться пельмени, выпил 50 грамм для аппетита, разговорился и подошел к окну покурить в форточку.

Вдруг видит, внизу, по улице легким зигзагом передвигается незнакомый капитан третьего ранга под шафе. Не раздумывая, мой товарищ бежит в шкаф, достает большой расписной шерстяной платок своей супруги, одевает его на голову и плечи и по пояс появляется в окне. Поймав взгляд капитана третьего ранга, он изображает жеманный жест плечами и машет рукой, мол, заходи.

Подвыпивший коллега, проходя мимо дома, замедлил шаг, машинально шаря взглядом по окнам. Вдруг видит, из окна третьего этажа ему призывно машет женщина в платке. Как офицер мог отказать даме?

— Никак, — уже слегка улыбаясь ответила ему Аня.

— И тут вы абсолютно правы, дорогая Анечка. Так вот, вычислив приблизительно квартиру, в предвкушении приятного свидания, он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру каперанга*.

— Кого? — переспросила Аня.

— Каперанга. В переводе с нашего флотского — капитана первого ранга. Только сокращенно.

— Поняла.

* Каперанг (*воен.морск.*) — капитан первого ранга.

— Так вот, дальше. Каперанг скидывает платок и в форме открывает дверь. Не ожидавший ничего подобного офицер пялится на него округлившимися глазами и от безысходности говорит: «Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга». А тот ему отвечает: «Здравия желаю, что случилось?». «Ничего, обознался, извините», и сильно смутившись, спускается вниз.

Каперанг снова идет к окну, надев платок. И правильно делает, так как почти сразу там появляется и недавний гость. Он снова шарит глазами по окнам в поисках дамы. Ну и чтобы уточнить, не привиделось ли ему эта вся красота с пьяных глаз.

Видит, нет, не ошибся. Снова женщина в платке делает пригласительные жесты рукой. Да еще и бутылка водки в руке, и «она» так призывно рюмкой о бутылку постукивает. Он снова, теперь уже наверняка пытается вычислить квартиру и бегом направляется к подъезду.

Елагин с удовлетворением отмечает, что Аня немного оттаивает и начинает довольно широко улыбаться.

— Как же вам улыбка идет, Анечка! Я постараюсь сделать так, чтобы вы всегда улыбались, — заверил ее Александр.

— Саша, что было дальше? Не терпится узнать, — ответила ему слегка покрасневшая от такого смелого обещания Аня.

Воодушевленный оказываемым вниманием, Елагин превратил свой рассказ в театральное действие, стараясь произвести максимальное впечатление на Аню.

— Итак, быстрые шаги по лестнице, и офицер на крыльях надежды взлетает на ту же лестничную площадку. Остановившись перед квартирой, в которой уже был, он уверенно звонит в соседнюю. Долго и настойчиво.

А в соседней квартире жил капитан второго ранга, служивший по технической части и тоже вернувшийся в этот день из похода. Права он был строгого, жена и дети у него по струнке ходили. Вел здоровый образ жизни, читал книги и гонял всю семью на лыжах по окрестным лесам.

Этот звонок не на шутку взволновал любившего порядок капитана второго ранга, и он поспешил открыть дверь. И каково же было его удивление, когда в дверном проеме нарисовалось одухотворенное лицо капитана третьего ранга, который практически влетел в квартиру, окутывая всех сомнительными ароматами.

Что было потом, понятно, все подозрения пали на ничем не запятнанную репутацию жены. Хотя справедливости ради, надо сказать, что она его видела первый раз в жизни.

Наслушавшись этих разговоров, каперанг вышел на лестничную площадку, чтобы внести ясность в этот конфуз.

— А что ловелас ваш? — со смехом спросила Аня.

— А что ловелас, он так ничего и не понял и ретировался в сторону своего дома, а замкомдив потом все же восстановил семейную идиллию, рассказав о своем экспромте.

— И много у вас таких историй припасено? — спросила Аня.

— В избытке. Это только со стороны кажется, что служба у нас суровая и однообразная. А на самом деле, все как в жизни. И смешное и грустное. Все есть.

Но дело к ночи уже. Вы располагайтесь с Юлей. А с завтрашнего дня начнем работать по вашему вопросу. А то у меня в течение месяца может поход дальний нарисоваться. Надо все решить, чтобы вы спокойно могли дальше жить.

Как захотите и с кем захотите.

7

**Октябрь 2013 года,
Сумская область, Украина.**

Полковник Григорий Леонидович Комко стоял у окна своего кабинета и нервно выбивал пальцами по подоконнику мелодию одной из песен Верки Сердючки.

Раньше он очень любил эту песню. Особенно ему нравились слова «Льются песни, льются вина, и стучат, стучат, стучат бокалы в такт, ще не вмерла Украина, если мы гуляем так...». Сколько горилки было выпито под эти слова, сколько раз до дыр заслушана эта песня на офицерских посиделках и праздниках!

Но сегодня вся гуляночная залихватскость мелодии куда-то делась. А слова растягивались как жвачка, которую в детстве так любил вытягивать изо рта его сын Тарас.

На дворе была поздняя осень 2013 года. 25-я воздушно-десантная бригада сухопутных сил Украины, которой он уже 4 года командовал, занималась военной и физической подготовкой в штатном режиме. Конеч-

но, с новым вооружением дела обстояли не лучшим образом, но и старое не подводило.

Однако произошедшая вчера встреча полностью выбила полковника из привычной колеи. Он к ней готовился и был изрядно сбит с толку словами и предложениями, которые сделал ему незваный гость. Накануне на него вышел старый товарищ Миша Опанасенко. Он отрекомендовал ему Андрея Парубия, мол, хороший парень, прими его, у него интересное предложение. Расскажет, как в свежей струе остаться.

Что это за струя и почему ему надо где-то оставаться, полковник не совсем понимал. Ровно до того момента, пока его новый знакомый довольно картаво не выговорил:

— Ты, полковник, мозг свой включай, мы Янека так и так убирать будем. И в прямом и в переносном смысле. Это вопрос решенный. А вот кто нам поможет, совсем на другие орбиты выйти сможет. А может, и в тираж или вовсе на помойку. И это в лучшем случае. Так что решай сейчас, с кем твои десантники будут. С теми, кто за реальную независимость, европейскую интеграцию и Украину для украинцев или станут предателями, пойдут против народа и попытаются защитить тех, кто москалям прислуживает и в рот им смотрит.

Допустим, кто такой Янек, полковник догадался, да и слышал раньше прозвище действующего президента страны и верховного главнокомандующего. Он не понимал, почему гость, который был значительно моложе, называл его на «ты». Андрей Парубий сел, фамильярно закинул ногу на ногу и не удосужился даже вынуть выдавшую виды зубочистку из своего рта, отчего его и без того невнятная речь начала не на шутку раздражать. «Как мухи во рту сношаются», — вспомнил Комко сло-

ва российского президента Ельцина об одном из своих чиновников.

Но от этого Андрюшеньки, как про себя окрестил его Комко, веяло такой уверенностью и силой, что полковник подавил в себе настойчивое желание дать ему хорошую затрещину и спросил:

— А мы это кто?

— Тебе что, фамилии сказать? Ты не обнаглел, а? Ты лучше о сыночке своем думай, который в Севастополе летехой служит. Вот сделаешь все правильно, и поедет он помощником нашего военного атташе куда-нибудь в Европу. Чем плохо? А нет, так все нищими станете и валите вон отсюда. Может, вон соседи тебя и подберут. Хотя на хрен ты им нужен, а, полковник? А сейчас твой шанс. Ты пойми, тебе особенно и делать-то ничего не надо. Просто, если из Киева вдруг приказ придет в столицу выдвигаться или еще куда, твоя задача бойцов своих в казармах оставить. И все!

— Вы мне предлагаете приказ не выполнить? — попытался строгим голосом спросить Комко.

— Ой, да не смей ты меня. Какой приказ? А может, и не будет никакого приказа. Может, мы так все порешаем, — начал терять терпение Парубий.

— А вы не бойтесь, что я сообщу куда надо о вашем приходе? — продолжал хорохориться генерал.

— Куда ты сообщишь? В СБУ? Давай, сообщай. Во-первых, хрен кто тебе поверит. А во-вторых, почти все СБУ уже за нас. Их же, сам знаешь, кто в последние годы учил. Или ты не в курсе, кому там, в центральном здании, целый этаж был отдан?

— В курсе, в курсе, — как-то сник Комко.

— Ну вот, сам курс и определяй. Хочешь хорошей жизни себе и сынку своему, меня слушай. А решишь

за Янека вписаться, — гость мотнул головой в сторону висящего над столом портрета, — покрошим твоих десантников и тебя заодно с ними. Ход мыслей понятен?

Полковник в упор смотрел на Парубия, пытаясь поймать его взгляд, но глаза собеседника нервно бегали по всему кабинету. Этот безумный взгляд напомнил ему Анфиску, соседку в Сумах, где он рос. В коммуналке она занимала одну комнату, но казалось, что она везде: и на кухне, и в коридоре, и в туалете. При этом она также могла выпучить глаза, а если что не нравилось, то и толкнуть мощными вихлявыми бедрами.

Анфиска скандалила по поводу и без, воровала еду, а с течением времени она становилась все невыносимее. Когда Грише исполнилось уже 8 лет и он ходил во второй класс, Анфиска подожгла квартиру, но вернувшийся с дежурства отец вовремя это заметил, вызвал пожарных, скорую и милицию и сам начал тушить огонь. В итоге крупного пожара удалось избежать, но соседи ополчились против Анфиски, да так, что скорая вынуждена была увезти ее в местную психиатрическую больницу, откуда та уже не вернулась.

«Дать бы тебе в нос, чтоб грамм 200 крови вылилось», — мечтательно подумал полковник, все еще разглядывая Парубия. «А потом выкинуть прям из окна кабинета. Благо второй этаж», — продолжал не без удовольствия представлять эту картину комбриг.

— Эй, вояка, ты чего завис? Удумал че? — довольно беспокойно спросил гость.

— Я подумаю, — ответил Комко.

— Ну, думай, думай. Только не долго. Смотри, за мной стоит помощник мой — Петя. Он к тебе заедет дня через два-три. Или сам набери нам. Вот телефон, там в памяти один номер. И я тебе позвонить смогу,

ежели что. Смотри, чтоб заряжен был. И не вздумай вы-
бросить. Ты не представляешь, Жоржик, насколько все
серьезно. Хотя и сам скоро поймешь. Смотри телек по-
чаще и не скучай, полковник. А может, и генерал буду-
щий? А?

8

Октябрь и ноябрь прошли относительно спокойно и полковник Комко начал уже забывать неприятного гостя. Однако в ночь на 30 ноября 2013 года, Комко понял, что Парубий не шутил. Беспорядки в стране стали началом Майдана.

В течение трех месяцев с декабря 2013 по февраль 2014 года Парубий звонил Комко раз в неделю, точно по расписанию. Он настойчиво советовал подумать о своем будущем, о детях и родителях.

По телевидению показывали, насколько тяжелой была обстановка на улицах Киева. На экране то и дело мелькали пожарные машины и кареты скорой помощи. Толпы людей, собравшиеся у административных зданий, не расходились. Митингующие там же разбивали палаточные лагеря и на кострах варили себе еду, запивая ее горячительными напитками.

В какой-то из дней Комко набрал своему другу Мише Опанасенко, работавшему в МВД, тому самому, который звонил ему насчет Парубия. Тот не стал говорить по открытой связи и только вечером набрал ему с незнакомого номера.

— Леня, у нас до хрена оперативной информации об убийствах и неопознанных трупах на улицах Киева. Тут больницы и морги работают круглосуточно. А трупы, Леня, не пойми куда деваются потом. Один так вообще мы на елке новогодней нашли, висел как игрушка, так митингующие его обозвали.

А Беркут, Леня, Беркут без оружия выставляют на улицы. С другой стороны, вернее у другой стороны, там всего до хрена: и денег, и стволов. Приказа нормального никто отдать не может. Власти уже нет, Леня. Той власти нет. Она совсем у других людей сейчас. Ты думай, думай хорошо. Геройства твоего тут никто не оценит. Некому. Побегут они скоро, ой, побегут. А если не побегут, то живыми не уйдут отсюда. Все к этому идет.

Комко положил трубку и впервые за последние три года закурил. Он понял, что на его родине наступила совсем иная реальность.

А через месяц, 19 февраля 2014 года был введен режим контртеррористической операции на всей территории страны. Полковнику Комко пришел приказ из Киева поднять по тревоге его 25-ую воздушно-десантную бригаду и срочно передислоцироваться в Киев. Тут же раздался и телефонный звонок от Парубия.

— Ну вот и твой час истины настал, генерал, — с некоторым пафосом, но также картаво проговорил собеседник.

— Я полковник, — решил поправить его Комко.

— Да брось ты, принимай правильное решение, и максимум через 10 дней будешь генералом здесь, в Киеве. Понял меня?

— Понял, понял.

— Мы на тебя можем рассчитывать?

— ...

— Не слышу!

— Да, — чуть сдавленно ответил Комко.

— Не слышу!

— Можете, — более уверенно и твердо ответил полковник.

— О, это уже дюже добре. Ну, бывай, генерал.

— До свидания, Андрей Владимирович, — уже повоенному ответил ему Комко.

В приемной его ждали начштаба, замы и командиры подразделений. Немного подумав, Комко опять закурил, подошел к сейфу, открыл, налил себе три четверти стакана водки, махнул не закусывая и нажал на старенький советский селектор.

— Леня, зови всех ко мне, нехай заходят.

9

Когда все расселись на стульях за длинным приставным столом, Комко хотел было занять свое привычное кресло, но не мог сидеть на месте и начал ходить по пятачку за своим столом, изредка поглядывая на висевшую на стене карту.

— Товарищ полковник, разрешите доложить? — начал его зам.

Комко кивнул.

— У нас все готово к немедленной передислокации в Киев. Поднимаем бригаду по тревоге, получаем боекомплект, соляра есть. Ночью, максимум под утро будем в столице и можем с ходу брать под контроль все ключевые объекты, которые нам укажут.

Личный состав настроен по-боевому, всем уже надоело, что по телевизору показывают с Майдана этого. Пора порядок наводить. Да и офицеры наши, сами знаете, уже почитай три месяца не понимают, почему нас до сих пор в Киев не перебросили.

Там пригасим всех, и вся страна успокоится сразу. Все эти недоумки картавые по норам залягут. Людям-то что нужно? Чтобы все мирно, тихо и спокойно было, чтобы порядок везде. Весна на носу, рассада, дачи, море. Люди

быстро всю эту историю забудут и с евроинтеграцией и с грошами. Вон, москали нам дали 3 миллиарда. Хватит же людей поддержать! Когда выступаем?

— Ты, Василич, погодь выступать-то, осадил зама Комко. Вы че-то товарищи офицеры ни хрена текущего момента не понимаете? А?

От его тона все вмиг притихли.

— Что тебе эти три миллиарда? Ты из них хоть гривну увидишь? Потырят все донецкие. Первый раз что ли? А вы вот, дорогие мои, смотрите, с кем народ? Куда он глядит?

— Народу до одного места, Леонидыч, не видишь, что ли? Там, на площадях сброд один, да молодежь обдолбанная. Все бомжи революционерами стали, ты не понял еще? А Беркута стоят без оружия, со щитами. Их жгут, жгут коктейлями Молотова, не видел? И тихо все. Такое впечатление, что там, в Киеве своя жизнь какая-то, странная. Я и слов-то таких подобрать не могу, — встрял в разговор командир полка Родион Скоробогатов, служивший в Афгане, и, единственный, кто в бригаде имел сразу два ордена Красной звезды.

— Ты, с одной стороны, прав. А с другой. Давай смотреть, что в стране творится, почему, как ты говоришь, тихо все? А потому что хапают и остановиться не могут. Потому что люди везде только свои. Потому что альтернативы им нет никакой, только через революцию, через кровь можно их сковырнуть. С детишками ихними, которые такими бизнесами уже управляют, что тебе и не снилось. Что не деятель великий, то у него офис теневой, а там сынки или дочки сидят и рулят, рулят денежными потоками. А вместе с этим и людей на должности расставляют, что делать с неугодными решают. Ихняя пар-

тия уже как КПСС стала. Только в КПСС еще совесть кое у кого имелась, а здесь нет ее. Просралась куда-то.

— Тут ты прав, Леонидыч, но они законные. Избраны вроде как народом. А мы ему присягали, продолжил размышлять Скоробогатов.

— Ой, брось ты. Кому мы только не присягали... — сморщился Комко. Когда Союз развалился, ты сколько в запое был, две недели?

— Нет, месяц...

— Ну. Видишь, месяц. А потом-то все равно Незалежной присягнул?

— Присягнул. А что делать, если я без армии не могу, а здесь у меня все: и жена, и дети, и дом. Что мне надо было делать?

— Вот я тебе и сейчас говорю, Родион, хочешь дальше служить, меня слушай. Я же не просто так тоже тут разных гостей принимал и нос по ветру держал. Не надо нам сейчас в Киев. Пока дойдем может быть поздно или приказ другой получим, сто процентов.

А ежели телодвижение сделаем — считай все. Враги мы новой власти.

— Токо че-то от новой власти подванивает, — неожиданно вступил в разговор начальник спецчасти Мищенко.

— А-а-а, подванивает тебе, Витюша... А от этой, значит, ландышами пахнет? — не на шутку разошелся Комко, на удивление себе даже веря в то, что говорил.

— Не боишься командир, что мы скоро вместо «здравия желаю» бандеровские приветствия выкрикивать будем? — сделал заход на новый круг Мищенко.

— Ну это ты загнул, это уж совсем... не, это вряд ли. А вот денюжек нам от евроинтерграции подкинут, потом безвизовый обмен обещают, ездить куда хочешь сможем, товаров всяких заморских завались будет, к нам

отдыхать поедут, вон у нас морей-то сколько, — стал описывать все возможные плюсы Комко.

— Каких морей? Уж не Крым ли имеешь в виду, Леонидыч? — решил уточнить Скоробогатов.

— И Крым, и херсонщину, — отозвался Комко.

— А не зря Родя-то спрашивает, не зря, — довольно рассудительно заметил начальник спецчасти, — в Крыму-то посмотри, нашей власти вроде как и нет уже.

— Ты, это..., прекрати эти разговоры. Никуда Крым не денется. Он наш. Да и друзья не дадут нас в обиду. Так что и Крым и области восточные, всех утихомирим сейчас. Вот для этого высокая боевая готовность и нужна, уже гораздо смелее стал выводить смысловые контуры комбриг.

Но Мищенко довольно быстро осек его.

— Э, как! Это, значит, ты сброд всякий наркоманский утихомирить не считаешь нужным? Не их ли ты за народ считаешь? А в Крыму и в восточных областях, значит, кто, по-твоему, живет?

Комко не находил, что ответить. Но отвечать надо было, ох, как надо было. Ведь если сейчас не ответить, так может дойти до того, что они и выступить на Киев решат. А это нельзя, нельзя допустить.

— Вы это чего это, паны дорогие, приказ мой исполнять не будете? — постепенно повышая голос начал Комко. — Совсем оборзели? Что такое принцип единоначалия забыли? Вы в армии или где? Совсем мозги пропили? Ну-ка, дыхните-ка на меня, решил под конец чуть разрядить обстановку полковник.

— Мы-то дыхнем, да сдается, что это ты, Гриша, горилки перебрал, раз приказ законного верховного главнокомандующего выполнять отказываешься, — нахмурился Скоробогатов.

Комко бессмысленно смотрел на своих офицеров. Все сидели молча. Но по их взглядам он понимал, что большинству надоел бардак, происходящий в столице, и они считают правильным выдвинуться и прекратить это безобразие. Машинально он схватил пульт и через секунду сбоку на стене заработал телевизор. Шли новости. Незнакомый диктор довольно эмоционально вещал:

«Установлено, что вчера, 22 февраля 2014 года, генеральный прокурор Пшенка отбыл в неизвестном направлении из города Киева. На наши запросы пресс-служба надзорного ведомства не отвечает. Место нахождения министров обороны и внутренних дел также установить не удастся.

Ситуация на улицах столицы не контролируется. Общественный порядок охраняется добровольцами из числа граждан, собравшихся на Майдане. Есть случаи нападения на сотрудников дорожной милиции...». Комко выключил звук.

— Все. Все-е-е! Побежали, видели? Слышали, идиоты? Побежали они. Все, это конец их, — возбужденно запричитал Комко.

Он вскочил с места, выбежал в приемную и приказал дежурившему там офицеру:

— Вызови-ка мне офицера и двух солдат с дежурки.

— Есть товарищ полковник вызвать офицера и двух солдат, — отозвался тот.

Через три минуты в кабинет вошел старший лейтенант с красной повязкой и двое бойцов. Комко встал и четко отдал приказ:

— Полковника Скоробогатова и подполковника Мищенко под арест, до моего особого распоряжения. Ну, чего стоите, выполняйте.

Солдаты остались на месте, а старлей сделал шаг вперед.

Белый, как полотно, Мищенко встал и направился к выходу.

— Не устраивай клоунады, Гриша, дорогу на гауптвахту я знаю. Ты идешь, Родион?

25-ая воздушно-десантная бригада так никуда не выступила, лишь для прессы было сказано, что в столь трудный час испытаний украинские десантники остаются со своим народом. Дальше таких пафосных заявлений, понятное дело, не пошло.

А уже 20 марта 2014 года полковник Комко получил генеральские погоны из рук исполняющего обязанности Президента Украины. Он был переведен для прохождения дальнейшей службы в Киев в должности заместителя командующего сухопутными силами страны.

10

16 марта 2014 года,
Украина.

Полковник Комко поймал радиостанцию, вещавшую из Крыма. Из динамика послышался незнакомый голос какого-то нового диктора, говорившего на русском: « ...с раннего утра в центре Севастополя, на площади возле дворца пионеров собралось огромное количество людей. Все находятся в приподнятом настроении, так как идут к пунктам голосования на референдуме по возвращению Крыма и Севастополя в состав России. Всюду раздают российские флаги, за которыми выстраиваются большие очереди. Но люди спокойно стоят, а незнакомые люди говорят друг с другом, как будто давно знакомы много лет...».

— Да, вот куда двигать-то нас надо было, — практически вслух подумал он. — А то они пока власть в Киеве брали, Крым от них и уплыл и, судя по всему, навсегда уплыл. Как там мой Тараска в Севастополе? Сейчас, поди после их референдума начнут гражданство российское всем скопом давать. Надо настрого предупредить его,

чтоб не смел и думать. А то за компанию с дружками своими может ведь и попереться заявление писать.

Обеспокоенный отец достал телефон и стал набирать номер сына:

— Тарас, что там у тебя делается?

— Та ниче, батя, мы тут с Лехой и Максом сидим по-человечески, трошки горилку пьем, службу вспоминаем, — ответил в трубке не совсем трезвый голос Тараса.

— Что? — взревел Комко-старший, — какую горилку он попивает? Ты с ума сбрендил? Там уже власть другая. А ты — офицер вооруженных сил Украины.

— Бать, ну че ты начинаешь, — послышалось в трубке.

— Я, мать твою, не начинаю, я заканчиваю уже. Ну-ка быстро ноги в руки и домой, в Киев, час тебе на сборы. Я понятно сказал? — кричал в трубку полковник.

— Ну так быстро не получится. Час, батя, это фигня какая-то. Мы еще не про все с ребятами поговорили, потом я хотел еще с девчатами местными проститься...

— Я с тобой сейчас прошусь навсегда, хренота безлошадная, кому сказано, марш домой! — снова сорвался Григорий Леонидович.

— Бать, ты че орешь-то так? Тут никто никому никаких вопросов не задает. Тихо все, — пытался смягчить отца Тарас.

— Это сейчас тихо, а потом возьмут тебя пьяненького под белы рученьки и отведут в ихнюю военную разведку. Что делать будешь? Положат тебе бланк перед мордой. Так ты с пьяну все и подпишешь. Так что немедленно домой. Я не шучу. Если сегодня не выедешь из Севастополя, можешь вообще не возвращаться. Понятно тебе?

— Понял, батя, ладно, собираюсь, — ответил начавший трезветь от отцовского голоса Тарас.

11

**16 марта 2014 года,
Севастополь, Россия.**

Коротко стриженный молодой человек подошел к хвосту очереди, которая вливалась в парадный вход дворца пионеров.

— Кто тут крайний? Вы? — оглядываясь по сторонам, спрашивает молодой человек у пожилой женщины.

Его вопрос вызывает небывалое оживление в очереди.

Под одобрительные улыбки женщина отвечает ему, немного передразнивая.

— Кто крайний? Сокол ранний.

И все опять улыбнулись ее каламбуру.

— Вон дедушка стоит, за ним будешь.

— Понял, — ответил молодой человек. И все же решил уточнить у более старших товарищей:

— Как думаете, долго ползти будем?

— Шестьдесят лет ждали, так что постоим, сколько надо, главное на участок попасть, — уже серьезно отвечает женщина.

Неожиданно встрепенулся дед, на которого указала женщина, как на крайнего:

— Это, ешкин-матрешкин, без вариантов, я голос свой, почитай, как двадцать годков никому не отдавал. А сейчас время пришло, без результата не уйду.

Прежняя веселость и жажда побалагурить возвращается к женщине и она напустив на себя немного обиженный тон, спрашивает на всю округу:

— Дед, ты кого матрешкой-то обозвал? А? Результаты ты у врача спроси, когда он твои анализы посмотрит.

Любой другой может и обиделся бы и даже ответил даме что-нибудь резкое, но настроение у всех было добродушным и поэтому дед, не сбавляя темпа и копируя ее манеру говорить, ответил:

— Нервическая ты женщина, ну на кой ты мне сда-лась? Присказка это. А ты не беспокойся, у меня анализ вмиг как у молодого стал аккурат после того, как над Севастополем русский флаг подняли. Ешкин-матрешкин.

Отовсюду раздались одобрительные слова, мол, а дед-то молодец, и тонкость момента чувствует и ответить достойно может. Женщине ничего не остается как продолжить беседу, не может же последнее слово остаться не за ней...

— Ты, дед, особо-то не хорохорься, лучше помоги себе долг свой гражданский исполнить, — сделав акцент на слове «исполнить», вновь отправляет разговор на новый виток женщина.

Но дед уже поймал кураж.

— Не извольте беспокоиться, ваше благородие, надо будет, я любой долг на высшем уровне исполню. И гражданский, и воинский, и супружеский.

Все дружно смеются, а дамочка замолкает, понимая, что дед эту дуэль выиграл, и все симпатии на его стороне. Рядом стоят трое друзей, на вид им около 25 лет. Двое офицерской выправки — это лейтенанты Алексей Фила-

тов и Максим Шалаев и еще один, с легкой щетиной — их друг Руслан, который докуривает сигарету и глазами ищет, куда бы можно было выкинуть окурок. Взглядом находит урну в нескольких метрах у скамейки и направляется туда. Оставшиеся друзья вполголоса начинают переговариваться, прислушиваясь параллельно к разговорам в толпе.

Услышав знакомое слово, один из них обращается к деду:

— Воинский... Дедуль, а ты не забыл, как стрелять-то?

Но дед и тут оказался на высоте:

— Ты, внучек, не волнуйся, стрельну как надо. Ешкин-матрешкин.

— Руслан, ты куда бегал-то? — спросил только что задававший вопрос деду молодой человек.

— Да, окурок выбрасывал. Чего-то неловко под ноги бросать. А вы чего тут смеетесь без меня? А, Леха, колись в чем дело?

Двое молодых людей переглядываются и самый молчаливый из них отвечает:

— Да вот, Алексей Юрьевич здесь решил уточнить у ветерана про воинский долг.

— А он? — спросил Руслан.

— А он дал достойный ответ Чемберлену, то есть мне, — радостно сообщил друзьям Алексей, поглядывая в сторону девушки, стоявшей неподалеку.

— Леш, ты уже глаза все поломал, иди познакомься, — решил подначить друга молчун.

— Макс, да стремно мне, вдруг пошлет, — с сомнением ответил другу Алексей.

— Не пошлет. Ее, кстати, Олеся зовут. Я когда ходил окурки выбрасывать слышал, как к ней подруга обратилась, — подмигнув, сказал Руслан.

— Ты вот что, ловелас, на тебе блокнот, нарисуй портрет и попроси автограф. Уже в этом-то ни одна девушка не сможет тебе отказать, — предположил Максим.

— Даже если она стройная блондинка? — решил уточнить Алексей.

— Даже если она стройная блондинка, уверяю тебя, — ответил за друга Руслан.

Именно эту сцену сотни раз прокручивал в своей голове Алексей Филатов, оказавшись через несколько месяцев в украинском СИЗО. Все испытания, которые приготовила судьба двум друзьям, были еще впереди.

12

**15 мая 2021 года,
Севастополь, Россия.**

Адмирал Елагин сидел в комнате отдыха своего кабинета, в штабе Черноморского флота. Вещи он уже вывез, осталось только содержимое сейфа, в котором он хранил самые важные и дорогие для себя бумаги — дипломы, письма мамы, семейные фотографии и еще одну, очень дорогую для него вещь — ежедневник его покойной жены Ани. Она вела его довольно долго, а последнюю запись сделала незадолго до своей смерти.

Именно эта запись в дневнике, адресованная ее дочке Юле, и стала одним из поворотных моментов в формировании ее личности в сложное время испытаний — непонимания с отцом — адмиралом Елагиным. Тогда, в 2014-м она только окончила школу, поступила в ВШЭ, где вдоволь напилась зарубежными ценностями пополам с пренебрежением к ценностям своей же страны.

Елагин по полной испытал эти метаморфозы подросткового характера на себе. Сначала приемная дочь отказалась ехать с ним в Севастополь, куда он был назна-

чен командовать Черноморским флотом, потом захотела уехать на слишком заманчивую для первокурсницы стажировку за рубеж, а когда отец запретил ей это делать, прекратила общение.

Затем и вовсе по не менее удивительному стечению обстоятельств на нее вышел ее биологический отец, возглавлявший тогда европейский фонд содействия демократии, штаб-квартира которого располагалась в Варшаве. Его уговоры уехать в «свободную» Европу легли на благодатную почву семейного конфликта «отцов и детей».

В Варшаве Юля сначала писала «душещипательные» посты и снимала видео для своего канала о несвободе российской молодежи, о проектах отцовского фонда, о новой интерпретации истории, о свободе выбора пола и ориентации, о необходимости поддерживать ФБК Навального (запрещенная в РФ организация), пыталась по своему интерпретировать происходящие в российской политической и экономической жизни события. Апофеозом этой деятельности стало ее признание Крыма и Севастополя аннексированными территориями и посыпание собственной головы пеплом за действия России по возвращению этих территорий.

После этого адмирал Елагин посчитал единственным возможным выходом из создавшейся ситуации написание рапорта об увольнении из вооруженных сил по собственному желанию. Масла в огонь подлил и его заместитель Баринов, который с маниакальной настойчивостью строчил в Москву доносы на нового командующего. Тогда у адмирала оставалось одно важное дело — вернуть из украинского плена двух офицеров Черноморского флота — Филатова и Шалаева. Поэтому рапорт без подписи

и даты дожидался своего часа в верхнем ящике рабочего стола командующего.

После состоявшегося обмена, Елагин с чистой совестью подписал рапорт и направил его по команде. Однако в какой-то момент все поменялось. Юля вернулась в Россию и переехала к нему в Севастополь. Как она потом рассказывала, решающую роль в ее возвращении сыграли требования отца подготовить серию постов о том, что нацизм имеет и положительные стороны, а немецкая армия во время второй мировой войны несла свободу народам Европы и России. Кроме того, в минуты раздумья, Юля наконец-то добралась до дневника своей матери. В спешке сборов и под воздействием отказа приемной дочери ехать с ним, Елагин забыл эту дорогую для него вещь в московской квартире. А когда Юля позвонила ему для того, чтобы сообщить о своем отъезде, адмирал сказал ей взять эти записи с собой, надеясь на то, что девушка все же разберется со своей уже взрослой жизнью, опираясь на мнение и видение мира глазами своей мамы.

Он не ошибся. Юля оказалась совестливым и порядочным человеком, который не пошел на компромиссы со своей совестью. В этом случае юношеский максимализм как раз дал обратный эффект. И решимость, с которой Юля покидала «тирана» Елагина обернулась против ее биологического отца и олицетворяемых им свободных европейских ценностей.

И вот теперь дневник Ани лежал перед Елагиным. Он бережно взял его в руки, пролистал и, как водится, остановился на последней записи. Как в первый раз вчитывался в выученные наизусть за годы слова, адресованные Юле.

«Дорогой мой котенок! Сейчас ты еще совсем маленькая, но зато уже очень трогательно играешь со своим любимым большим матерчатым котом. Ты не сидишь на месте, и временами я называю тебя Юлой.

У тебя не должно остаться вопросов относительно твоего отца, поэтому начну с того, что мы познакомились с Виталием, когда я только приехала из Мурманска и стала студенткой. Я полюбила его, и он предложил мне жить вместе в его доме в Снегирях. Несмотря на то, что Виталий так и не сделал мне предложения, я стала хозяйкой большого дома и нескольких фирм, которые Виталий оформил на меня, убеждая, что так надо. Я безгранично верила ему, тем более уже носила тебя под сердцем.

Все было хорошо, пока в один из дней Виталий не пришел домой. Его телефон был отключен. Он не появился ни через месяц, ни через три. Деньги стали заканчиваться, и я продала почти все свои украшения. Поэтому оставить на память мне тебе нечего.

Мы как-то справлялись, но вскоре начался настоящий ад. К нам пришли люди — внешне вежливые, но на самом деле страшные. Они сказали, что Виталий жестоко обманул их, заставили переоформить все и дом тоже на них. Но и после этого я осталась должна им огромную сумму.

Нас поселили в небольшую квартиру в Медведково и мы с тобой каждый день гуляли во дворе. Я тогда много плакала. Плакала и в тот день. Неожиданно ко мне подошел военный моряк — статный, красивый и уверенный в себе. Его звали Александр. Оказывается он приехал навестить своего товарища, который был уволен по ранению и жил рядом.

Не знаю почему, но я все ему рассказала, и он больше не отошел от меня ни на шаг. Он был настолько ласков

и трогателен, что я не раздумывая взяла тебя, и мы переехали в его служебную квартиру. Нашу квартиру.

Саша окружил нас теплом и заботой. Не знаю как, но он решил все мои вопросы — принес расписки, что ни у кого из тех людей ко мне больше нет никаких претензий. Наша жизнь стала спокойной и счастливой. Мы поженились, и Саша удочерил тебя.

Я пишу тебе это, ибо как врач знаю, что мне осталось совсем немного. Мамина наследственность... Сегодня Саша в командировке на Тихоокеанском флоте. Должен вернуться через 27 дней. Я не знаю, дождусь ли я его. Он верит, что дождусь....

Милая моя девочка. Я знаю и чувствую, как он искренне любит нас обоих. Этот человек — наш настоящий защитник, муж и отец.

Когда ты будешь читать эти строки, меня не будет с тобой. Зато будет Саша, твой папа — Александр Николаевич Елагин. Мое сердце кричит от боли, что я вынуждена оставить вас. Но вы будьте всегда вместе, потому что он никогда не предаст тебя.

Прощай моя Юла. Я тебя очень люблю и буду любить всегда. Твоя мама Аня».

Закрыв дневник, адмирал Елагин убрал его в свой портфель, встал, оглядел помещение, которое практически стало его домом на протяжении последних нескольких лет, слегка поклонился, выключил свет и решительно вышел. Завтра с утра его ждала Москва и новое место службы.

13

**26 ноября 2021 года,
Москва, Россия.**

Адмирал Елагин не очень хотел идти на эту встречу бывших одноклассников. Но две не растерявшие былого задора активистки из класса (хотя, конечно уже далеко не юного возраста) Марина Новосельцева и Маша Трубникова раздобыли телефон его мамы и последние три недели буквально бомбили ее телефонными звонками с информацией о предстоящей встрече и о том, как все ждут Сашу Елагина.

Встреча предусмотрительно была назначена на пятницу, на семь вечера, чтобы все работающие точно успели сделать все дела, а грядущий выходной день не подталкивал бы бывших одноклассников к скорому отъезду.

Елагин решил для себя так: будут дела на службе, торопиться не станет, все сделает и только потом, если останется время, заедет ненадолго. Но дела, как назло, закончились к шести вечера и до восьми он перечитывал нужные бумаги и ставил подписи на подготовленных резолюциях, изредка их поправляя. В начале девятого он

закрыл кабинет, спустился вниз и сказал водителю ехать в зеркальный зал ресторана Ярь, где и была запланирована встреча с ушедшей молодостью.

Оставив пальто в машине, Елагин поднялся по ступенькам и дернул на себя массивную входную дверь. В фойе стояло чучело медведя с подносом, на котором стояли рюмки с разными настойками — аперитив перед весельем.

Зал встретил адмирала смесью запахов оливье, крепкого алкоголя и женских духов, а также глядящими на него вроде как знакомыми лицами. Елагин специально оделся по гражданке, не желая давить на своих сверстников большими звездами на погонах. Он на пару секунд задержался на входе, затем медленно двинулся вперед, ища глазами свободные места за довольно длинным столом. Тут же несколько дам переглянулись и, встав со своих мест, довольно быстро кинулись к нему.

— Саша, Саша, Елагин! — на ходу громко причитала темная дородная женщина, в которой адмирал, как ни силился, так с ходу и не смог узнать одноклассницу.

— Ребята, смотрите, кто пришел, сама гордость российского флота! — довольно театрально и на публику воскликнула Марина Новосельцева. Не узнать ее было невозможно — те же внушительные формы, тот же цвет волос и даже прическа.

Мужская часть некогда 10Б смолкла и уставилась на Елагина. Кто-то сразу отвернулся, а кто-то с любопытством рассматривал его. Адмирал постарался как можно шире улыбнуться, поднял в приветствии руку и сказал:

— Всем привет!

— Ну что же ты стоишь, проходи за стол, мы тут давно уже сидим, вспоминаем наш класс, — затараторила

Марина, — мальчики, ну что вы сидите, налейте Саше штрафную.

Из-за стола привстал Леша Макеев и потянулся за бутылкой водки. Елагин узнал его по характерно оттопыренным ушам.

— Ща, обслужим по полной программе, — с наигранным весельем сказал он и, взяв стакан, предназначенный для морса или минеральной воды, почти до краев наполнил его водкой.

— О, все готово. Пасмо-о-о-трим, как адмирал справится, — с нарастающей громкостью и нарастев сказал он.

Почти с другого конца стола к нему подошла стройная и ухоженная блондинка — Лена Дейнеко и, поставив стакан на пустую тарелку, двинулась к Елагину, довольно громко напевая на цыганский манер «к нам приехал, к нам приехал... Александр Николаевич до-ро-гой».

Встав напротив адмирала, она выжидательно смотрела на него. Елагин взглянул на стакан водки. Вспомнил, что крайний раз залпом выпил такую дозу в Сирии, когда поминали погибшего командира спецназа морской пехоты Андрея Малышева. Он был фартовый мужик, положил немало террористов, их главарей и иностранных инструкторов, но в тот день его ангел-хранитель точно взял выходной.

А первый раз махнуть стакан разом ему пришлось в пору юности, в 1988-м, на первом курсе военного училища. Были среди его товарищей и те, кто служил в Афганистане. Первоначально он смотрел на них, как на людей с другой планеты. Это были уже абсолютно взрослые и сформировавшиеся люди, которые не особенно любили бывать, а тем более задерживаться на «заднике» — заднем дворе котельной, где собирался весь курсантский

«бомонд» для того, чтобы покурить, поболтать и показать себя.

Афганцы держались обособленно и вполне заслуженно считали невоевавших маменькими сынками, по какой-то непонятной причине оставшихся в Союзе и не державших в руках оружия. Поэтому вечерами они первыми шли в душ, жили отдельным углом в казарме, законно пили водку и приглашали на свои посиделки приглянувшихся им местных девушек. Конечно, с ними никто не спорил, признавая их право сильного.

Но жизнь шла своим чередом и отчуждение не могло быть вечным. Уже ближе к осени, Елагин был приглашен «посидеть» в компании отслуживших коллег. Конечно, они тщательно присматривались к молодой поросли, думали с кем общаться, а с кем лучше держаться на расстоянии.

Тогда для курсанта Елагина первая часть того вечера закончилась достаточно быстро. Сидевшие на койках ребята в тельняшках налили ему стакан спирта «за знакомство». Запить его полагалось стаканом воды и закусить «черняшкой» — черным хлебом с рыбными консервами. Подкачать было нельзя и он махнул стакан, как говорят, не глядя. Ему тут же поднесли стакан с водой — запить. Но что-то в ней показалось Елагину немного странным. Только потом ему сказали, что вместо воды там была водка. Он успел съесть бутерброд и даже закурил дорогой «Космос». Дальше последовал вполне логичный провал в сознании.

Очнулся он часа через два. Все были на своих местах и уже оживленно разговаривали. Как ни в чем не бывало, но уже довольно дружелюбно, ему дали поесть и угостили холодным пивом.

С тех пор у Елагина проблем с «афганцами» не было. От нахлынувших воспоминаний адмиралу стало тепло на душе, он вспомнил товарищескую поддержку в трудные моменты, взаимовыручку и скупые, но такие важные жизненные советы, которые получал тогда и помнил до сих пор.

Как только воспоминания оставили Елагина, он тут же сфокусировался на лице Лены, перевел взгляд на поднос, взял стакан и, пригубив, поставил его на место.

— Друзья, штрафовать меня не за что, так что позвольте уж растянуть удовольствие. Кроме того, я бы хотел успеть пообщаться. А принять на грудь мы же и в другой день можем. Ведь так?

— Ну ты, Саша, хитер, так и в школе было, если чего не хочешь, фиг тебя заставишь, — подметила Лена Дейнеко.

— Так и ты, Лен, тоже не все просьбы исполняла. Так что тут у нас паритет с тобой, — наклонившись к уху собеседницы, сказал Елагин.

— Ну что ж, и тут ты прав, также тихо ответила она. И развернувшись к столу громко сказала:

— Ну что, мальчики, кто готов выручить одноклассника? Кто из моих рук примет этот грааль? В награду — поцелуй.

Отозвался уже весьма подвыпивший Витя Молодцов. В школе он не пользовался особой популярностью у прекрасного пола, а Ленка и вовсе была его несбыточной мечтой. Он театрально встал, проследовал вдоль стола и, подойдя к Лене, двумя пальцам, оттопырив мизинец, взял стакан и медленно выпил его. Все ахнули и зааплодировали, а Лена, как ни в чем не бывало, чмокнула его в щеку и проследовала на свое место.

В последующий час Елагин получил четыре просьбы об освобождении любимых чад одноклассников от армии, две просьбы с пожеланием перевода срочников поближе к Москве и даже одно предложение — свести Борю Ривкинда с тыловиками, так как у Бори был товар, «без которого российская армия просто-таки задыхается».

Отбившись от многочисленных просителей, пожалевший о своем приходе на этот «праздник» детства, Елагин вышел в фойе и стоял, рассматривая портреты известных посетителей ресторана, среди которых были Пушкин, Шаляпин, Распутин, известные меценаты и промышленники, политики и актеры конца XIX века.

14

— Какой-то зловещий иконостас, — Елагин услышал за спиной давно забытый голос. Он чуть повернул голову. Позади него стоял Сережа Анюхин, его закадычный друг в школьные годы.

Они подружились еще классе в седьмом, и почти четыре года были не разлей вода. Но после окончания школы Сергей познакомился с девушкой Катей, влюбился. Катя была барышня целеустремленная, поэтому через три месяца ухаживаний Анюхин уже держал в руке приглашение в магазин для новобрачных «Гименей», дающее право на покупку всякого дефицита в преддверии свадьбы.

Очевидно Елагин чем-то не приглянулся будущей жене своего друга, так как на свадьбу его не пригласили, а на заданный потом резонный вопрос, что случилось, Сергей прогнал чепуху про какие-то не те взгляды и шутки своего тогда еще друга. Елагин был еще юн и долго не мог смириться с предательством и потерей друга. Но время шло, стремительно менялась страна и люди, а новые жизненные события отодвинули первое серьезное юношеское разочарование на второй или даже третий план.

Елагин, не вынимая рук из карманов, спокойно ответил:

— Люди тут разные, вон Пушкин, например. Ничего зловещего в нем не вижу.

— Это квинтэссенция заветревшегося русского исторического винегрета, когда рядом висят вовсе не русские поэты и мошенники типа Распутина. Вот уж воистину этой фамилией тут можно всех отметить.

— То, что люди ходили в ресторан еще не делает их мошенниками или распутниками, — ответил Елагин.

— Да в этом вся суть так называемой русской души — безудержная гулянка и тунеядство, какое-то языческое поклонение ведьмам и колдунам и при этом неоправданное ощущение себя богоизбранным народом, — довольно жестко сказал Анюхин. Адмирал в некотором удивлении обернулся к бывшему однокласснику:

— Ты это, я смотрю, слегка перепил что ли?

— Нет, я абсолютно трезв, эти плебейские напитки я не пью, да и компания представляет из себя жалкое зрелище — молодящиеся тетки и куча бодрящихся неудачников.

— Серега, что ты злой такой? — пытался свести все к шутке Елагин.

— Я не злой, я вижу и понимаю все убожество современной жизни в этой стране, — с некоторым вызовом парировал Анюхин.

— Убожество... в этой стране... знакомый лексикон. А что же ты живешь тогда здесь? Бери свою Катю (Елагин не сомневался, что они до сих пор вместе) и езжайте туда, где нет убожества, где все хорошо и ничего не раздражает.

— Ну кто-то должен во всем этом копаться... и потом, я здесь неплохо зарабатываю. Родители у Катюхи

уже старенькие, бросить не можем, а с нами они не поедут — квасными патриотами оказались, — усмехнулся Анюхин.

— Я насколько помню, папа у твоей Кати в войсках химзащиты служил, в 1987-м подполковником был? — решил перевести тему Елагин.

— Да уж, под занавес распада Союза полковника получил, а потом вышибли его, с тех пор на своих шести сотках и сидит. То так перекапает, то в другую сторону. Все огурцы с вареньем нам дарит, ставить уже некуда хрень эту. А вот теща моя молодец, сетевым маркетингом занялась, до сих пор косметику и Бады всякие толкает, — улыбнулся Сергей.

— А твои родители? Папа, я помню, у тебя секретарем Кировского райкома партии был? — гнул свою линию Елагин.

— Папы нет уже, руководящая работа здоровье у него и забрала. А мама жива, в дедовой квартире живет. А в их квартире мы с семьей обитаем, купили соседнюю, сделали достойно все, дом хороший, кирпичный, отец еще там жилье получал, лично по распоряжению товарища Гришина, — гордо сказал Анюхин.

— Вот видишь, как все хорошо у тебя, работа, небось вполне, упакован по полной, чего не живется спокойно? — все же спросил Елагин.

— Работа действительно у меня нормальная. Замам директора департамента в одном из министерств служу. В каком, не скажу, а то вдруг, мстить мне будешь? За взгляды мои свободолюбивые и справедливые. Вам ведь только дай над свободой поглумиться, разом втопчете сапожищами любой росток инакомыслия в грязь, — снова начал распляться Сергей.

— Слушай, да на кой ты мне нужен, а? Живешь и живи, коптишь небо и копти дальше, — ответил Елагин.

— Не скажи. Вы «охранители — путиноиды» всю страну под себя подобрали за последние семь лет. Сначала с Крымом своим носились, потом террористам этим на Донбассе помогать начали. Душите свободу прессы, творчества, поправки эти гребанные в Конституцию продавили. Вы куда страну ведете, со всем миром воевать решили? Так мир задавит вас, камня на камне не оставит потом от России.

Ведь это же какая несправедливость: такие территории, такие запасы всего! И принадлежит это все кучке гребешников и вояк. Правильно говорят, нечего этой стране такой большой быть. Надо было еще в 91-м ее разделить. Не настояли тогда американцы, а можно было.

— И как же ты Россию разделить хочешь? — хладнокровно спросил Елагин, чувствуя, что желваки на скулах уже начинают ходить ходуном.

— Да все просто это. По Уралу. Дальний Восток отдельно, Сибирь отдельно, Уральская республика отдельно. Кавказ вообще не русский. Черноземье пусть с Москвой останется. А вот запад — Питер и Карелия должны отойти «нормальной» Европе. Вот тогда природные ресурсы и территории будут гармонично распределены. Проще будет их отцивилизовать и привести к гармонии с остальным миром, — твердо заключил Анюхин.

— Отцивилизовать, по-твоему, колонизировать получается? — все еще сдерживаясь решил уточнить Елагин.

— Да хоть и колонизировать. Сейчас на территории России натъкана куча разных национальностей. А надо, чтобы они в полной мере почувствовали свою национальную идентичность, жили бы обособленно на своих

исконных территориях, развивали свои национальные традиции. В современной России это невозможно. Все размывается и нивелируется. Недовольство затыкается поглубже. А людям надо дать свободу, понимаешь, настоящую свободу. А не империю. Миру больше не нужно противостояние двух центров силы. Пусть центр будет один. Там финансы и печатный станок, лучшие в мире мозги и культура, которой живет сегодня 2/3 земного шара...

— Хорошо тебя сейчас дед твой не слышит, который всю войну прошел фронтовым корреспондентом..., — Елагин полез в карман в поисках сигареты.

— Ой, только не начинай эти реляции и нотации про дедов, великую победу и еще всякую хрень. Что было, то было. Положили ваши маршалы кучу народа, чтобы перед Сталиным выслужиться, а вы сейчас «акулиарды» бабла тратите на празднование. Но ничего, вечно это все продолжаться не будет. И царь ваш не вечный, дождемся лучшей жизни. А вы готовьтесь, придется перед народом отвечать за диктатуру. Столбов вон сколько в городах, на всех приспешники этого режима болтаться будут, — раскраснелся Анюхин.

— Ты точно в российском министерстве служишь?

— В российском, не переживай. Нас много, кто так думает. И мы-сила, размер и величину которой никто не может оценить. Это мы — истинные патриоты, оппоненты вашего режима. Ты понял, Елагин? Не вы — патриоты, а мы, те, кто хочет для России лучшего будущего. Справедливого с точки зрения глобального миропорядка.

Вы уже всех задолбали со своим 1812-м и 1945-м годами. Вам покоя не дают эти победы. Да лучше бы французы так и остались в Москве тогда. Вот точно ничего дурного из этого не получилось бы. А может и уберегло

бы в дальнейшем от множества войн. Однозначно не все в истории на пользу этой стране шло. И уж точно не вы потомки той России. Вас раз десять купили и столько же раз продали в 90-х. Так что ваше смрадное средневековое обречено. Это законы развития цивилизации. Против них не попрешь, хоть ты адмирал, хоть вечный президент — диктатор.

— Лучше тот, который оркестрами дирижировал, из самолета выйти не мог и всех трехминутными паузами удивлял, да? Или тот, который чуть раньше просто распродал огромную страну, сдал все, что можно было сдать? Да слава Богу, что у нас сейчас такой президент. За которого не стыдно и который по-настоящему работает, попросту пашет. И выстроить все смог так, что такие мерзоты как ты, рты открывают только в ресторанных предбанниках, — Елагин вплотную приблизился к Анюхину.

— Да вы все одного поля ягода. Вам подавай великую державу снова. Но этого не будет, помяни мои слова. Очень скоро вы останетесь одни, презираемые всем миром и тогда этот самый народишко, которого лишат привычного комфорта и вкусной жратвы, сметет вас с лица земли навсегда. А мы станцуем веселый танец на ваших костях и, наконец, сделаем эту страну частью нормального мира.

Перед Елагиным вдруг возникло лицо его тренера по боксу, олимпийского чемпиона Кошкина, который его когда-то учил: «Саня, нырок, апперкот, нырок, апперкот, работай!». Рука сама потянулась вниз, чтобы потом в молниеносном движении взлететь вверх и попасть в нижнюю часть подбородка противника, где сосредоточено много нервных окончаний. Адмирал знал, если бьешь кулаком — стопроцентный нокаунт, а если человек не спортсмен, то и нокаут обеспечен. Но в последний

момент что-то удержало его. Он придвинулся вплотную к Анюхину, сгрэб в ладонь воротник его модной рубашки и сказал:

— Запомни, гаденыш, никогда не будет по-вашему. Откуда только вы беретесь? Хуже бесов. Ты, Сереженька, больше никогда мне на глаза не попадайся. А то лечиться долго придется. И пузо свое береги.

Елагин отпустил воротник Анюхина, одернул его смятую рубашку, разгладил пиджак, похлопал бывшего друга по щеке, молниеносно, коротко и сильно ударил его в солидный живот и вышел из ресторана в промозглый ноябрьский вечер.

15

**12 июля 2021 года,
Ялта, Крым, Россия.**

Капитан-лейтенант Филатов гулял со своим сыном Сашей и женой Олесей по набережной Ялты. Он щурился от яркого солнца и радовался морским брызгам, которые изредка долетали до идущих вплотную к парапету прохожих.

После их с Максимом Шалаевым счастливого возвращения домой из киевского СИЗО, в котором они ждали этап во львовскую колонию, прошло уже довольно много времени. Уже потом командующий Черноморским флотом адмирал Елагин познакомил их с адвокатом Яковом Соломоновичем, благодаря авторитету и усилиям которого им удалось выиграть такие драгоценные дни и недели. Именно они и позволили состояться обмену.

Вообще, все, что произошло с ним и Шалаевым на пункте пропуска «Чонгар» и впоследствии в николаевском СИЗО, и на суде в Киеве, казалось уже дурным сном.

Он каждый раз вспоминал Тараса Комко — их третьего друга, однокашника по училищу, который после

возвращения Крыма в Россию принял решение уехать в Киев. Там у него был отец, который недавно получил генеральское звание и высокую должность. Он торопил сына вернуться, но тогда три друга по простоте душевной немного загуляли. Они понимали, что прежняя жизнь закончилась и наступают совсем другие времена.

В итоге Тарас опоздал на три дня, за что ему здорово попало. Кроме того, сотрудники СБУ стали подозревать его в том, что он был завербован российскими спецслужбами. Вот и звонил он своим бывшим друзьям, жалуясь на сложные отношения с отцом и постоянный прессинг со стороны новой украинской власти.

Поэтому, когда Тарас позвонил Филатову по поводу встречи на границе, рассказав о готовности перейти на российскую сторону, Алексей даже не удивился. Он свято верил в дружбу, гордился своей службой и был уверен в чистоте намерений своего друга. Чуть осторожнее и подозрительнее отнесся к этому Макс Шалаев, но Филатов переубедил его — какие могут быть сомнения, когда другу нужна помощь!

Но, реальность оказалась совсем другой. В тот день все приметы указывали на то, что молодым офицерам лучше было остаться дома. И паспорт забыли, и ключи не могли найти, и кошка Шаланда со странным мяуканьем выбежала из квартиры. Кроме того, они опоздали на маршрутку и пришлось ловить частника. И пограницы на пункте пропуска четко предупредили их, чтобы далеко от нашего КПП не отходили.

Так нет, увидев Тараса, который приветственно махал им рукой, ребята потеряли всякую бдительность и рванули навстречу — хотели поскорее передать другу

крымский сувенир — большой и спелый арбуз. Но вдруг к ребятам подскочил черный микроавтобус, из которого выскочили люди в камуфляже и после проведения серии болевых приемов, затолкали российских офицеров в машину. Та рванула на украинскую сторону.

— Ну вот вы, хлопцы, и приехали... — радостный гогот украинских сбущников свидетельствовал о том, что их захватили и они находятся теперь в другом государстве.

Потом были бесконечные допросы, уговоры признать вину и получить условный срок. Когда это не получалось, в ход шли угрозы и выстрелы из ПМ над ухом, а также обещания сделать плохо оставшимся в Крыму родственникам. Приглашенный адвокат по назначению даже умудрился вымогать у матери Филатова деньги за то, чтобы ребят не перевели в камеру к бывшим военнослужащим ВСУ и нацбатальонов, которые совершили преступления в так называемой зоне АТО. Именно так киевский режим называл узаконенное убийство граждан ДНР и ЛНР.

Кстати, Филатов и Шалаев не раз добрым словом вспоминали своих соседей по камере в СИЗО. Именно там, от смотрящего они получили и местные «погремухи» — клички, которые были у всех сидельцев. Филатов стал «Русским», так как плохо понимал невнятную речь их «продольного» по фамилии Сахно, постоянно дежурившего у их камеры возрастного украинского вертухая. А вот Шалаев стал «летчиком», так как однажды лихо соскочил с верхнего яруса к закричавшему во сне Алексею.

С адвокатом по назначению им прогнозируемо не повезло. Он ничего не делал, а только уговаривал их признать вину, а потом и вовсе попытался тянуть деньги с матери Алексея Филатова. После замены адвоката оп-

тимизма у них прибавилось, стали поступать передачи и обнадеживающие новости о перспективах обмена. Они не знали тогда, что Верховный главнокомандующий дал указание любыми способами вернуть их домой. И над этим поручением работает огромное количество людей.

Именно тогда украинская сторона настояла на том, чтобы в отношении Филатова и Шалаева побыстрее завершился судебный процесс и был вынесен приговор. По утверждению СБУ, только после этого они становились лицами, пригодными к обмену.

Новый адвокат ребят Яков Соломонович со своей командой пошли на это единственно прозвучавшее предложение украинских властей. Однако после вынесения приговора, власти «незалежной» потребовали отдать им террористов и диверсантов. Поскольку обмен был точно неравнозначным, все срывалось раз за разом. Ребята находились в ожидании этапирования в одну из исправительных колоний львовской области, где им заранее обещали «веселую жизнь и не менее веселую смерть».

Но все же вариант нашелся. И с запросом на обмен вышла сама украинская сторона — уж больно нужен им был накуролесивший в России сын одного очень влиятельного украинского чиновника. Не захотела Украина терять такого ценного гражданина. И вот ночью, на том же пункте пропуска ребят передали российской стороне.

У КПП их ждал адмирал Елагин, который впоследствии и познакомил офицеров с Яковом Соломоновичем, который рассказал им о том, как они встретились с командующим в одном из ялтинских кафе. Именно там «дядя Яша», как называл его Елагин, взялся без всякого гонорара защищать русских офицеров. За вкусный кофе и ялтинский лук.

И вот теперь, гуляя по той же самой набережной, Филатов скользил взглядом по многочисленным местным кафе, гадая, в каком же из них, начала в лучшую сторону меняться их судьба. К тому же они и с Олесей ни секунды не спорили о том, какое имя дать своему сыну. Имя Александр для них означало и победитель, и спаситель одновременно.

16

**22 декабря 2021 года, штаб-квартира
Службы внешней разведки Российской Федерации,
Ясенево, Москва, Россия.**

Генерал-полковник Макаров нервно поглядывал на часы. Уже совсем скоро он должен был принести директору все самое дельное, что у них есть по украинскому направлению и после небольшого обсуждения и выработки предложений, ехать на доклад в Кремль.

Начальники подразделений принесли аналитику, но он ждал самого главного — актуальной агентурной информации. Без нее ехать к Верховному главнокомандующему не имело смысла, аналитику и прогнозы он читал и без них, причем прекрасно помнил все детали. Поэтому мямлить общеизвестные вещи и повторять одно и то же было делом бесперспективным.

Наконец он услышал зумер внутреннего вызова и нажал на громкую связь:

— Товарищ генерал-полковник, к вам Михайлов, — прозвучал голос адъютанта.

— Пусть заходит, — ответил генерал и выключил связь.

В дверь постучали, потом она приоткрылась, послышался голос полковника Михайлова.

— Разрешите, Станислав Евгеньевич?

— Давай, Коля, проходи, время в обрез. Садись, рассказывай. Без прелюдий.

— Есть без прелюдий, — ответил Михайлов.

— Только что получили от нашего источника «Клен»: «в последние дни значительно активизировались контакты военного руководства с представителями министерства обороны США, ЦРУ и администрации. В период с 17 по 19 декабря в Киеве побывала делегация высокопоставленных военных советников, которые обсуждали вопрос развертывания наступления украинских войск по всей линии соприкосновения на Донбассе в первых числах марта 2022 года.

При этом для того, чтобы добиться значительных успехов на этом направлении и не допустить полномасштабного включения вооруженных сил России в военные действия, планируется совершение ряда акций с веществом, выработанным в биологических лабораториях под контролем американских специалистов». Вот такие новости, — закончил Михайлов.

— Молодец, «Клен»! С этим можно и к верховному ехать, — оживился Макаров. Как наш агент под прикрытием, вокруг него спокойно все?

— Да, вроде, работает, мы кое-какие отвлекающие вбросы делаем периодически, где тонко стараемся отвести от него возможные вопросы.

— Ну старайтесь, старайтесь. Он нам сейчас ох как нужен, — Макаров провел ладонью у себя по горлу. До за-

резу. Берегите его, чуть что, доклад мне незамедлительно. И готовьтесь, если что эвакуировать его оперативно.

— Есть быть готовым ко всему, разрешите идти? — спросил Михайлов.

— Иди Коля, иди, работайте. Чует мое сердце, скоро у нас такой аврал начнется, ночевать здесь будем. И все интересное по этому направлению сразу мне на стол, не жди приглашений, сразу выходи на меня и докладывай.

Макаров дождался пока Михайлов выйдет и поднял трубку прямой связи:

— Товарищ директор, готов доложить. Есть, иду.

В 21.50 машина директора СВР въехала в Кремль.

17

**31 декабря 2021 года,
Севастополь, Россия.**

По не самому благоприятному для него стечению обстоятельств Максим Шалаев дежурил в эти предновогодние сутки. По этому поводу у него с Милой случился очередной сеанс недопонимания.

Они познакомились почти сразу после их с Филатовым возвращения из украинского плена. Она привлекла его искренней улыбкой и восхищением, с которым она отнеслась к их поступку и счастливому возвращению домой.

Потом она как-то исподволь стала незаменимым человеком в его холостяцкой квартире, привнесла туда элементы нехитрого декора, а вместе с ним и уют.

Сначала Макса раздражали мягкие тапочки и вазочки, цветастая клеенка на небольшом обеденном столе, а также постельное белье с розовыми кустами, но было во всем этом что-то непосредственное, домашнее, трогательное и притягательное, так что «коготок заядлого скептика семейных ценностей увяз».

Когда он приходил со службы или с дежурства его всегда ждал горячий и вкусный ужин, объятия и поцелуи. Шалаев не очень любил все эти нежности, но искренность, с которой Мила все это делала, его умиляла и не оставляла шанса остановить ее или увернуться от объятий.

При этом Максим порой не понимал, как и когда Мила все успевала. Она работала воспитателем в детском саду, а потом стала и заместителем заведующего, что значительно добавило ей административной работы. Мила очень любила детей и постоянно придумывала новые способы работы с ними, выбивала средства на приобретение новой мебели, оборудования и озеленение территории.

Вполне логично через некоторое время возникли разговоры о совместном ребенке. Шалаев видел, как Мила хочет этого, но сам еще не был готов к тому, чтобы привнести в свою жизнь многочисленные хлопоты, связанные с появлением в доме маленького человека. После их откровенного разговора Мила больше не возвращалась к этому вопросу, однако Шалаева все устраивало и в обозримом будущем виделось неизменным.

Все изменила его командировка в Сирию. Он сам написал рапорт с просьбой направить его сначала на обучение, а затем в военную разведку и, когда на нем появилась положительная резолюция, сказал Миле, что уезжает на полгода. Сначала она восприняла это трагически, однако, видя, как Максим каждую ночь по нескольку часов просто сидит на кровати, устремив взгляд в окно, приняла эта за твердую решимость, и стала потихоньку собирать его вещи.

После изнурительной и плотной подготовки, стартовали с Чкаловского. Предполетный досмотр и сверку всех документов прошли довольно быстро. До базы Хмеймим

долетели без приключений, предвкушая знакомство с новой для себя страной и местом службы. Еще раз прослушали сотое «китайское» предупреждение о запрете пользования смартфонами всех моделей. У Шалаева оставалось несколько кнопочных телефонов, два из них он захватил с собой — так что связь с Милой, Филатовым и его мамой была обеспечена.

Мария Федоровна, мама Алексея Филатова, уже давно считала Максима своим вторым сыном, а он и не возражал, помня ее заботу о них еще в курсантские годы. Да и когда украинский адвокат объявил за их безопасность сумму в 5 тысяч долларов, Мария Федоровна, не раздумывая начала собирать деньги для обоих. Хорошо тогда Олеся встретила их общего друга Руслана, который не постеснялся сходить на прием к Елагину, в результате чего зарплатные банковские карты офицеров были перевыпущены и Мария Федоровна смогла регулярно собирать им посылки в николаевское СИЗО. А самого Максима, помимо очередного звания дома ждала и солидная сумма, которая набежала за время их плена.

Дни в Сирии тянулись достаточно медленно — было много событий, служебной и физической подготовки, проведения специальных операций, которые требовали ежедневной учебы, повышения уровня своих знаний и навыков. Максим по установленному им самим графику раз в неделю говорил с Милой и Филатовым и чуть чаще с Марией Федоровной. Она набирала ему сама и он всегда отвечал ей, стараясь выкроить время даже когда был занят.

Эта история случилась за две недели до его предполагаемого отъезда. Командировка заканчивалась, и Шалаев уже приглядывался к местам, где можно купить подарки: наборы сирийских сладостей и кофе с кардамоном. Миле

он присмотрел много красивой одежды, а также изящную вазу и подсвечники, которые, точно, по замыслу Максима, должны были ее порадовать.

В тот день, группе военных разведчиков, в которую входил Шалаев, было поручено высадиться в квадрате, марш-броском скрытно преодолеть более 12 километров и, устроив засаду, захватить одного из полевых командиров, который по полученной агентурной информации, должен был приехать в небольшой сирийский город.

Сначала все шло как по маслу. Они успешно высадились в заданной точке, довольно бодро сделали 12 километров. Колонна машин террористов появилась чуть позже запланированного времени. Впереди шли две Тойоты с пулеметами, закрепленными на открытых задних площадках, дальше белый Ленд Крузер Абу Аль-Анбари, следом шел «автомобиль джихада» с ракетной установкой, а замыкала колонну еще одна Тойота Хайлюкс с сидящими в кузове боевиками, вооруженными ручными гранатометами MGL.

Первая машина, как и планировалась, была взорвана заложенной на дороге миной, вторую убрал Федя Чесноков из РПГ. Внедорожник главаря пытался на скорости проскочить горящие передние машины, но наткнулся на воронку от взрыва и замер в нелепой позе на дороге.

Согласно заранее распределенным ролям, снайпер Юрка Кормилицын двумя выстрелами «задвухсотил» водителя и сидевшего рядом с ним охранника. А Шалаев с Серегой Цыганковым метнулись к машине, вырубил сидевшего на заднем сиденье бородатого дядьку и, одев ему на голову мешок, потащили в сторону от дороги.

В это время их задних машин открыли шквальный огонь. От командира группы по радиации пришел приказ «Русскому» с «Цыганом» брать добычу и отходить

к месту, где их должен был забрать вертолет. Оставшиеся бойцы брали огонь на себя и обеспечивали отход бойцов с пленным.

Максим и Сергей с трудом передвигались по пересеченной и израненной войной местности. Пленный Аль-Анбари сначала не хотел нормально идти, но после того, как Шалаев применил пару болевых приемов, заковылял, временами даже обгоняя наших офицеров.

— Макс, вот ты домой вернешься, что будешь делать? — на ходу спросил Цыганков.

— Служить дальше буду, — мимоходом ответил Шалаев.

— А у тебя жена или девушка есть? — решил продолжить беседу напарник.

— Есть, но я не ставлю цели жениться на ней. И не принуждаю жить со мной. Все-таки жена офицера — это сложный выбор для девушки.

— А у меня есть жена, и дочка маленькая, и собака шпиц, тоже девочка, — с улыбкой на лице сказал «Цыган».

— Серег, тебе это, хоть одного мужика надо в помощь. Поговори с супругой, может, сына тебе родит. Или хоть кобелька возьми себе, будет с кем пивом чокнуться, — решил пошутить Шалаев.

— Попрошу, обязательно попрошу, вот вернусь и сразу попрошу. Хотя нет, даже спрашивать не буду, — уверенно ответил Цыганков.

За полтора километра до места посадки в вертолет, они должны были перейти местную дорогу. Хорошо, что проявили осторожность и сразу не вывалились на трассу. Из-за разрушенной автозаправки офицеры увидели большую группу боевиков, которая минировала дорогу.

Чуть в стороне стояли переодетые в форму сирийской армии наемники, а также иностранные фотокорреспон-

денты и съемочные группы. Активные переговоры, команды и движение боевиков свидетельствовали о том, что в самом скором времени там должна была состояться какая-то акция.

Дорога просматривалась вперед километра на три и вскоре Шалаев и Цыганков увидели идущую навстречу боевикам и переодетым бойцам сирийской армии большую колонну беженцев — в основном это были старики и женщины с детьми. Стал понятен и замысел боевиков — устроить бойню и обвинить в гибели мирного населения сирийских военных.

— Что делать будем, Макс? — спокойно спросил «Цыган»

— По идее, мы должны выполнить задание. А сделать это возможно только продолжив свой путь к месту посадки вертолета, чтобы доставить пленного. Неизвестно, сколько наших ребят там полегло сейчас, чтобы мы эту мразь в штаб целым и невредимым довели. С другой стороны, если мы не вступим в бой, то поляжет сотня, а то и больше гражданских, — рассуждал Шалаев.

— Ты знаешь, Макс, у меня дядя был — военный. В Одинцово жил. Так вот они с отцом моим частенько встречались на семейных посиделках и так, на 7 ноября и новый год встречались. Так вот, он по разным командировкам тогда ездил, у него орден Красной звезды был и медаль «За отвагу», небывалое дело. И вот он подвыпил с папой и начал мне всякие вопросы задавать и жизни учить.

Вот, говорит, что ты сделаешь, если встретишь подозрительного незнакомого человека? Я начал гадать, что, мол, в милицию сообщу, он говорит — нет. Я предполагаю, что его надо попытаться задержать, он говорит — нет. В общем, мучил меня минут тридцать, а по-

том сказал; если увидишь незнакомого подозрительного человека, то просто пройди мимо него. И все, представляешь?

А потом говорит, угадай, что самое важное для военного? Я начал про честь и долг, и дальше по списку. А он помолчал и говорит: «Главное для военного не забывать про жизнь и безопасность мирного населения». Я не совсем его тогда понял, а сейчас, вот видишь, на память пришло.

— Может, и прав твой дядя. Может, и прав. Ну что, тогда я на открытую волну выхожу и сообщаю все, как есть. Колонне еще минут пятнадцать идти до точки обстрела. Если получим согласие, поближе подберемся и с двух точек откроем огонь. Минут на семь-десять нас, может, и хватит.

— Да, Макс, давай выходи на связь, а то мне потом эта колонна всю жизнь покой давать не будет, — одобрил Цыганков.

После довольно подробного доклада Шалаева и пары наводящих вопросов, командование поддержало их намерение вступить в бой и заверило, что немедленно направляет помощь, расчетное время прибытия которой 25–30 минут. Это значит, что ребятам нужно продержаться минимум 15 минут против превосходящих сил противника.

Шалаев и Цыганков подпустили колонну беженцев на максимально близкое расстояние и вступили в бой, стремясь, в первую очередь, нейтрализовать заложенные на дороге мины и взрывные устройства, а также отпугнуть звуком боя гражданских. Им это удалось. Одно из мощных устройств взорвалось, и колонна гражданских в панике побежала в обратную сторону.

Террористы мгновенно пришли в себя после внезапного начала боя, осознав, что их замысел сорван, обрушили всю огневую мощь на наших офицеров. В первую минуту боя погиб рванувший в сторону боевиков Аль-Анбари.

Шалаеву показалось, что ожесточенный бой длился не меньше часа. Когда кончились патроны, и осталась одна граната, Шалаев вынул чеку и зажал гранату в руке, решив, что как только боевики подойдут вплотную, разожмет руку. Но вместо этого послышался звук подлетающей российской армейской вертолетной группы. Раздался взрыв, от которого Шалаев потерял сознание.

Очнулся он уже в вертолете. Под гул пропеллера командир десантной штурмовой группы рассказал ему, что бой длился девять минут, что они с «Цыганом» положили шестнадцать боевиков и еще девять ранены. О том, что он чудом не разжал ладонь, благодаря чему бойцам удалось обезвредить гранату. А также то, что рядом с ним, завернутый в брезент лежал Серега Цыганков. Убитый.

По возвращении домой, Шалаев сделал предложение Миле, а через два месяца она уже ждала ребенка.

Но сегодня, в Новый год, их с Милой и маленьким Сергеем ждали у Филатовых. Леха подсуетился и заранее проработал вопрос нахождения в самую главную ночь в году дома. А вот Шалаев не стал качать права и говорить, что орденоседец имеет право «у тихой речки отдохнуть».

Мила, посидев у своих родителей, после боя курантов все же поехала к Филатовым, и они вместе позвонили Шалаеву, пожелав ему в 2022 году получить капитана третьего ранга и наконец-то взять маленького Серегу на морскую рыбалку. Потом все дружно пообещали дожидаться десяти утра, когда Шалаев должен был вернуться с дежурства.

18

**Июнь 2019 года,
Киев, Украина.**

Для Тараса Комко пребывание в должности помощника военного атташе закончилось через три месяца после вступления Зеленского в должность президента Украины.

Позвонил отец, сказал, чтобы понемногу начал собирать вещи, мол, скоро ему замену пришлют. С одной стороны, Тарасу наскучила однообразная европейская жизнь, в которой и надо было только приходить в посольство и переписывать на разный лад одну и ту же информацию — о помощи государства-агрессора Донецку и Луганску. Ну, пожалуй, еще и о том, что армия донбасских сепаратистов сама обстреливает свои города с целью обвинить в этом ВСУ,

Вечерами Тарас смотрел украинские каналы, а также свой любимый сериал «Сваты» на Ютубе. Пришлось смотреть и комедию «Слуга народа» про то, как актер из комедийного шоу, сыгравший учителя, стал президентом и что с ним после этого происходило. Не быть в курсе со-

бытий сериала было нельзя, так как на следующий день и военный атташе и почти все сотрудники посольства полдня обсуждали очередную серию.

Надо сказать, что ежедневный просмотр бесконечного сериала очень действенно убеждал каждого зрителя в том, что персонаж, сыгранный актером Зеленским — это и есть украинский президент — добрый, неподкупный, простоватый патриот. Это создавало разительный контраст с опухшим, часто нетрезвым, и от этого беспричинно воинственным, действующим президентом Порошенко.

Регулярно в информационном пространстве не контролируемых им украинских СМИ возникали новостные сюжеты про очередной коррупционный скандал с его участием или с участием кого-то из его приближенных или друзей-олигархов. Кроме того, каждый, кто мог, винил его в заключении позорных минских соглашений.

При этом Тарас прекрасно знал, что посольство практически сразу после их заключения получило директиву о том, что не комментирует и не предпринимает никаких практических шагов для их реализации. А посол и вовсе на совещании сказал о том, что их дело немного подождать, пока не наступят новые обстоятельства, которые враз похоронят эти договоренности, которые никто не собирается выполнять, так как они не отвечают стратегическим интересам их главного союзника — Соединенных Штатов Америки.

В итоге, несмотря на пришедшую разнарядку на президентских выборах голосовать за Порошенко, все посольство дружно проголосовало за Зеленского, крепко надеясь на то, что он остановит войну на Донбассе, спасет экономику, привлечет в страну новые инвестиции,

в общем, царил среди людей какой-то эмоциональный подъем ожидания небывалого процветания и радужных перспектив.

Первым через два месяца сменился посол, потом еще несколько ключевых советников. А там дошла очередь и до Тараса. На смену ему приехал сын одного из актеров украинского юмористического телешоу «95-ый квартал», который не посчитал нужным даже принять у Комко дела и документы. Только попросил оставить на охране ключ от кабинета.

По возвращении домой отец дал ему десять дней отдыха, которые вылились в надзор за солдатами, которые перекладывали плитку на дорожках их участка под Киевом. При этом новой фишкой Комко-старшего стало его убеждение, что сыну пора жениться. Поэтому в выходные на дачу приехали знакомые и друзья семьи, у которых имелись дочери на выданье.

Тарас понимал, что такое сватовство ни к чему не приведет и насильно мил никогда не будешь, но отцу противостоять было просто невозможно, за время его командировки, он стал еще более жестким и безапелляционным и не терпел никаких возражений. Поэтому, когда отец сказал ему, что через два дня его ждут в воинской части, дислоцирующейся в полусотне километров от Киева, Тарас облегченно вздохнул и начал собираться. Провожая сына, Комко-старший напутствовал:

— Послужишь замначальника штаба полка, поучишься дисциплине, освоишь тактику, виды вооружений, на учения съездишь, небось, пригодится в дальнейшем. А то засиделся ты на теплом месте. Армейская служба — это не только бумажки перекладывать.

— Бать, так ты же сам меня туда и направил, — пытался апеллировать Тарас.

— Ну тогда это нужно было, после всех твоих дурацких гулянок в Севастополе. Меня самого чуть в отставку не отправили. Хорошо, что тогда ты СБУ помог, вот и вышла амнистия нам обоим. Запомни, обделаться тогда нельзя было. Плохо бы кончилось. И для тебя и для меня. Так что правильно ты все сделал. Друзья твои бывшие в итоге домой же вернулись? Вернулись. Героями? Героями.

— Бать, не надо, не напоминай. Противно.

— Противно ему. Да знал бы ты, сынок....

— Что, бать?

— Да ничего, собирайся. Прибудешь, сразу командиру бригады полковнику Симоненко доложишься. Я с ним переговорил уже. Он там работу проведет, чтобы тебя особо не гоняли, службой за границей не попрекали и папенькиным сынком не называли. Но и ты не позорь меня. Служи нормально. С людьми нормальные отношения наладь. И женись уже, женись. Сразу спокойнее станешь и внуков хочется....

— Ладно, бать, не дави. Все как надо сделаю. А вот жениться не обещаю. Наши бабы до свадьбы покладистые и ласковые, а как штамп в паспорте видят, как подменяет их кто-то. Командирами становятся, круче тебя. Так что не хочу я духоты этой. Хочется еще ветром вольным помотаться. А детишек можно и без брака твоего заделать, — пытался убедить отца Тарас.

— Я тебе заделаю, ох, смотри у меня порось дебелий, только попробуй на стороне дитятко заделать. В 24 часа женишься у меня. Не посмотрю, какая она на экстерьер и сколько ей годков.

Ты лучше, это, о службе думай. Этот парень, конечно, предвыборных обещаний понадовал людям. О мире, достатке и так далее. Но то, что я вижу, на мир не походит.

Захотел бы, сразу бы начал с Донбассом договариваться. Так нет, мы очередную бригаду спецов из-за океана ждем. Не мириться и договариваться же они нас приедут учить...

Так, что-то я разговорился. Ты слушай, впитывай, но дальше не вздумай передавать. А сам на ус мотай и позванивай мне почаще, позванивай. Рассказывай, как настроения в бригаде. Чем офицеры живут, кто приезжает из закордонных, чему учат. Мне это знаешь, как важно понимать. А то спросит вышестоящее начальство, а я не в курсе. Усек, сынок?

— Усек, конечно, — ответил Тарас и пошел пересматривать очередную серию «Сватов».

19

**23 февраля 2022 года,
Москва, Кремль, Россия.**

Президент окинул взглядом собравшихся, нажал на кнопку, включающую микрофон и сказал:

— Ну что ж, давайте начинать. Прошу доложить о текущей обстановке, конечно, с учетом того, что произошло за последние несколько суток.

Верховный посмотрел на министра обороны.

— Пожалуйста, вам слово.

— Первое, что хочу доложить — кратное увеличение количества обстрелов территории Донбасса со стороны вооруженных сил Украины. Причем это рост не в 2 и не 5 и не 10 раз, а в 30 и 40 раз. При этом применяется тяжелая артиллерия, запрещенная минскими соглашениями. К линии соприкосновения подведены дополнительные части ВСУ, имеющие высокий уровень боевой подготовки.

Как вы знаете, 18 февраля, в пятницу была объявлена временная добровольная эвакуация женщин, детей и пожилых граждан ДНР и ЛНР на территорию РФ. В со-

ответствии с Вашим поручением, губернаторы регионов организовали надлежащий прием беженцев. Каждому обеспечивается выплата единовременной помощи в размере 10 тысяч рублей.

В этот же день, у здания правительства в Донецке совершен теракт — взорван автомобиль начальника народной милиции ДНР, сам он остался жив.

Но уже в ночь на субботу, 19 февраля, после минометного обстрела Докучаевска, ВСУ обстреляли окраины станицы Митякинская Тарасовского района Ростовской области, а также хутор Маноцкий того же района. А это уже наша территория.

Утром при обстреле с украинской стороны перебит Южно-Донбасский водовод, который питает около 40 населенных пунктов по обе стороны линии разграничения, без воды остались десятки тысяч человек.

В ДНР объявлена всеобщая мобилизация, при этом Зеленский на международной конференции в Мюнхене призывает «защитить» его республику и говорит о завершении безъядерного статуса Украины. Ближе к ночи в Донецке обезврежена группа украинских диверсантов, планировавших взрывы на электроподстанциях и газопроводах.

Утром 20 февраля ситуация продолжила развиваться в критическом направлении. В 4.50 зафиксирована попытка прорыва ВСУ в районе села Пионерское с форсированием реки Северский Донец. По итогам боестолкновения 5 домов разрушены, погибли два мирных жителя, огонь велся, в том числе, из минометов калибра 120 мм.

В течение этих суток неоднократно обстреливались населенные пункты ДНР и ЛНР с использованием тяжелых вооружений, запрещенных минскими соглашениями.

21 февраля Вами подписаны указы о признании независимости ЛНР и ДНР, а также договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. 22 февраля подписаны федеральные законы о ратификации указанных договоров.

— А что мировое сообщество, спросил Президент, какую получаем реакцию?

Министр иностранных дел поправил микрофон и начал доклад.

— Реакция предсказуемо сдержанная. Никто в упор не замечает эскалации ситуации, спровоцированной обстрелами с украинской стороны.

Генеральный секретарь ООН Гутерриш сделал дежурное заявление, что последние события на Украине, в том числе частые случаи перестрелок, вызывают серьезное беспокойство.

Знаковыми являются три момента:

Первое, он не считает 8-летние обстрелы Донбасса и гибель мирных жителей, в том числе и детей, геноцидом.

Второе, по его мнению, российские военные в Донбассе не могут считаться миротворцами.

И, наконец, третье. Признание нами независимости Донецкой и Луганской народных республик он назвал смертельным ударом по Минским соглашениям и нарушением целостности и суверенитета Украины.

В этом ключе высказываются и многие западные политики. Удивительно, но почти все сейчас на Западе начали вспоминать про минские соглашения. Столько лет делали все, чтобы ни один пункт из них не был реализован, а после обострения обстановки и осознания того, что продавить нас не удастся, все повально стали осоз-

навать непреходящую ценность этого международного документа.

— Что разведка скажет? — Президент обратил взгляд на директора Службы внешней разведки.

— Наша резидентура докладывает о наличии четко проработанного плана вооруженных сил Украины начать массированное наступление практически по всей линии соприкосновения с ДНР и ЛНР 8 марта этого года в 6 утра. Также совместно с НАТОвскими стратегами проработан план вторжения на территорию Крыма.

Особую озабоченность вызывает возможность применения биологического оружия — штаммов опасных вирусов, которые в течение нескольких лет под руководством американских специалистов адаптировались к славянской, а точнее русской расе.

— Информация проверенная? — уточнил Президент.

— Оснований не доверять нашему одному из самых эффективных агентов под прикрытием с позывным «Клен» у нас нет. Я вам докладывал о его позициях в ВСУ. Кроме того, данная информация подтверждается и из других источников, в том числе близких к руководству Украины.

Президент по ходу докладов делал записи в блокноте и, еще раз их пересмотрев, обратился к присутствующим.

— Тогда подытожим. Наша цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. Кроме того, НАТО неуклонно расширяется, военная машина движется и приближается к нашим границам вплотную. При этом заложниками своих агрессивных планов они решили сделать украинцев, постепенно превращая их страну в «анти-Россию».

Задача нашей армии — разоружение накачанной западом всеми видами вооружений Украины, то есть ее демилитаризация. А также сведение на нет влияния ультра националистических, а скорее уже просто нацистских сил на Украине, то есть ее денацификация.

Также мы должны будем предать суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации.

Попрошу МИД и другие структуры быть готовыми довести до наших зарубежных партнеров, что третьим странам не стоит вмешиваться в этот конфликт. Ответ России будет незамедлительным и приведет к таким последствиям, с которыми они в своей истории никогда не сталкивались.

На этом все на сегодня. По рабочим местам, коллеги. О начале упреждающей специальной военной операции я объявлю в течение ближайших нескольких часов.

20

**24 февраля 2022 года,
40 км от Донецка, позиции ВСУ.**

Тарасу Комко снился сон. В разных вариациях он видел его уже много раз. И в Брюсселе, и в Киеве, и затем здесь, под Донецком, где на линии соприкосновения стояла его часть.

Будто его бывший командир по военному училищу Гулько вызывает его в свой кабинет. В окно светит яркое солнце, которое делает одну стену кабинета на три тона светлее всех остальных. В луче света струится дым от сигареты, которую смачно курит Гулько.

На его столе стоит графин и стакан. Капитан третьего ранга перебирает какие-то бумаги и, когда Тарас входит в кабинет и по форме представляется, поднимает на него глаза, выпускает струю дыма и говорит:

— Тарас, проходи, я тебя давно жду.

Такой дружелюбный и панибратский тон кажется Комко странным, но тем не менее он проходит и садится.

— Как служба, командиры не обижают? Обращения, жалобы есть? — щурясь, спрашивает Гулько.

— Никак нет, — коротко отвечает Комко.

— А как твои друзья, Шалаев и Филатов, хорошо служат? О чем говорят, какие планы строят? — буднично продолжает Гулько.

— Да как все. На занятия ходят, нормативы выполняют.

— Это я и без тебя знаю, что они выполняют. А вот что я знаю, а ты не знаешь, так это то, что они предатели нашей страны, — убедительным тоном огорошил Тараса Гулько.

— Товарищ капитан третьего ранга, какие же они предатели? Они такие же, как все. Да и не знаю я ничего такого про них, — с жаром пытается переубедить командира Тарас.

— Не все так просто, курсант, не все так просто. У нас есть документальные тому подтверждения, — уверенно говорит Гулько. После чего встает, подходит к висящей на стене карте, раскрывает шторку и перед изумленным Тарасом появляется трехмерное изображение. На нем предстают фрагменты из разговоров трех друзей. Вот они стоят в пивном баре «Бригантина», едят подкопченную барабульку с пивом, и Леха Филатов рассказывает о своих русских корнях, о том, что всегда мечтал служить на русском флоте и что нынешний его статус — какой-то большой сбой судьбы. А вот Макс Шалаев украдкой показывает средний палец, проходя мимо портрета президента и герба с резубцем, потому что накануне узнал об очередном отказе в предоставлении ему государственного жилья, как сироте.

— Ну что, убедился? — уже строго спрашивает Гулько. Эти негодяи способны на все. И еще. У нас есть информация, что они готовят твое убийство. А подговаривают они на это собаку Чайку, что у КПП отирается. Она

ночью тебе горло перегрызет. Понимаешь, как далеко ситуация зашла?

— Понимаю, — сбивчиво отвечает Комко.

— Отсюда вывод: мы с тобой должны этих русских агентов уничтожить, стереть с лица земли. Навсегда, — при этом Гулько довольно артистично провел ладонью руки по горлу. — А тебе с этого одни плюсы. Ты же настоящий украинец? Можешь не отвечать, знаю, что настоящий. Жизнь у тебя после этого совсем другая будет. Карьеру крутую сделаешь. Я позабочусь. Все будет, гривны, доллары, дом, машина. А на такого парня все бабы вешаться будут. Усек расклад?

Тарас кивнул.

— Во-о-от, — продолжил Гулько, — значит, я разберусь с собакой этой, чтобы она тебе ничего не сделала. Ну а с тебя уж эти двое.

— Но как? — спросил испуганный Комко.

— Что как? Через как. Сейчас стрельбы. На стрельбище я пойду за старшего. Вас в одну группу поставлю. После все просто, положишь обоих. Я скажу, что друг друга постреляли. Все, времени нет, пошли, курсант.

— Что, прямо сейчас? — спросил изумленный Комко.

— А ты как думал? В этой жизни побеждают только те, кто действует. И действует быстро. И потом, там, — Гулько поднял палец на портрет верховного главнокомандующего, — все согласовано. И если ты слабину дашь, то в утиль пойдешь. Ты наш теперь, избранный.

Гулько потушил очередную сигарету, запер сейф, и они вышли из кабинета. На выходе из здания у клумбы лежала спящая Чайка. Гулько подходит к ней, вынимает ПМ из армейской кобуры и стреляет несколько раз ей в голову. Выстрелы гулко раздаются в голове Комко.

Почти сразу они оказываются на стрельбище, где их ждут Филатов и Шалаев в полевом обмундировании. Гулько приказывает им встать на боевой позиции и при этом делает знак Комко. Тот встает позади них, вскидывает АК и нажимает на курок. Бесконечная очередь звучит не смолкая.

Откуда-то из глубины сознания до Комко долетает голос.

— Тарас, Тарас, да вставай уже, мощный артобстрел с той стороны.

Комко сел на койке и потряс головой. Вокруг слышался сплошной гул разрывающихся снарядов. Наступило утро 24 февраля 2022 года.

21

**Март 2022 года,
Хобарт, Австралия.**

Герхард Бурхард не считал себя баловнем судьбы. Он родился в небольшом городке Лицен в Австрии. В 17 лет уехал к дяде Вальтеру в Вену — планировал выучиться на юриста, но его не взяли, пришлось два года таскать дрова для печи местной пиццерии.

Потом друзья посоветовали ему устроиться в полицию. Последовав совету, он год пропатрулировал район Южного вокзала, пока однажды поздним вечером ему не подвернулся пьяненький клерк, у которого Герхард вынул кошелек. Все сошло бы с рук, если б этого не заметила местная старушка из окна.

В отношении Герхарда началось служебное расследование, а старушка оказалась глазастая и с хорошей памятью, да еще и прихожанка местной церкви. Так что в отношении заповеди «не укради» двух мнений у нее быть не могло.

И пришлось Герхарду переехать в другую страну, а попросту бежать от грядущих неприятностей. Год он про-

кантовался в Италии, работая смотрителем в кемпинге для туристов в одном из пригородов Венеции, а затем оказался в Париже. Там его и нашли будущие товарищи по Французскому иностранному легиону.

Почти за десять лет службы в этом подразделении Герхарду удалось много где побывать, много что посмотреть и многому научиться. В один из отпускных месяцев в парижском баре на крыше галереи Лафайет он познакомился с туристкой из австралийского Хобарта. Ее звали Сара. Она была уже изрядно под шафе и довольно откровенно стреляла взглядом по заведению в поисках мужского внимания.

«Американка», — подумал Герхард, который всю жизнь довольствовался услугами проституток или вот такими охотницами за приключениями на одну ночь. Он вел их в свою берлогу — небольшую квартирку в 19 округе — там он слыл авторитетом среди местной шпаны. Поэтому его нехитрое жилье не обносили каждый месяц, а в местном минимаркете круглосуточно продавали его любимый австрийский шнапс. На утро он почти всегда просыпался один, за исключением случаев, когда случайная попутчица «принимала на грудь» больше, чем он. Но и в этом случае, протрезвев на утро и приняв душ, они безапелляционно ретировались на такси с одной лишь просьбой — проводить, чтобы не стать жертвой уличных грабителей.

Сара оказалась австралийкой. Они просидели два часа в баре, флиртуя друг с другом и болтая о всякой ерунде. Потом, станцевав один танец, они выпили еще и поехали к Герхарду. Утром он проснулся от запаха еды и кофе. Сара курила на кухне и совсем не торопилась покидать его жилище.

Заглянув на кухню, Герхард увидел Сару, которая мастерски, не вынимая сигареты изо рта, одновременно разогревала тосты и жарила яичницу. Одета она была в одну из его старых форменных рубашек.

— Мсье военный? — как ни в чем не бывало спросила она.

— Что-то вроде того, — промычал в ответ удивленный Герхард.

— Ну тогда, марш в душ и через две минуты будет подача завтрака, — скомандовала она.

Не понимая почему, Герхард бегом ломанулся в ванную, на ходу считая до 120, стараясь успеть произвести все утренние моционы, на которые в обычный день у него ушло бы пол-утра. После завтрака Сара рассказывала ему о горе Какаду, Большом барьерном рифе, великой океанской дороге, повадках кенгуру и других обитателей этой страны. Под такой рассказ он достал из холодильника бутылку розового вина.

В итоге они трое суток провели в квартире Герхарда, только заказывая пиццу и опустошая запасы австрийского шнапса. На четвертый день Сара сообщила, что ее экскурсионный тур в Париж заканчивается, но она приглашает мсье офицера с собой в Австралию. Пожить, так сказать, на новом месте, попробовать себя в новой стране и, конечно, создать крепкую австралийскую семью.

Герхард был парень рискованный, во Франции его особо ничего не держало, поэтому он довольно быстро собрал два больших армейских рюкзака с вещами и тем же рейсом, что и Сара, улетел в Сидней, а оттуда в небольшой городок Хобарт. Сара работала медсестрой, а вот Герхард с трудом устроился в местную пожарную команду.

Надо сказать, что австралийская жизнь Герхарда была достаточно простой, безопасной, но немного однообраз-

ной для него — смены на дежурствах, походы в церковь по субботам и барбекю по воскресеньям. И так по кругу неделя за неделей. Сара была ласкова и добра. Она очень хотела детей, что и случилось через полтора года после их приезда.

С рождением маленького Стивена хлопот прибавилось. Герхарду хотелось осуществить давнюю мечту — переехать в дом поближе к океану. Но эта роскошь была недоступна медсестре и пожарному, да еще и с малолетним ребенком. Поэтому когда Герхарду позвонил его бывший взводный Мишель Ассо, предложив поддержать старых друзей в «военной прогулке» на Украину, во время которой платят просто баснословные суточные. Герхард всерьез задумался над этим предложением и решил поговорить об этом вечером с женой.

Сара восприняла желание Герхарда участвовать в военной кампании в другой стране панически и даже немного агрессивно. Все его увещевания о том, что он бывал в разных переделках, что там не война, а локальные военные действия, что на самом деле украинскому правительству надо показать, что за него воюет весь мир, ни к чему хорошему не привели.

— Ты знаешь, Герхард, мой дед приехал в Австралию из Штатов после окончания второй мировой войны. Ему довелось в ней участвовать. Так вот, он рассказывал моему отцу, а мой отец мне, что единственная нация, с которой мой дед-ветеран не хотел бы столкнуться на поле боя — это русские. Я достоверно не знаю, что там произошло, но мой дедушка был человеком серьезным. И поверь мне, если уж он сказал, то к нему надо прислушаться. К тому же у нас с тобой есть Стивен, ему нужен отец. Ну скажи, чего тебе не хватает? — всхлипнула она.

— Чего мне не хватает? Нормальной жизни, возможности купить дом у океана. При наших с тобой доходах мы это сможем сделать лет через 25, когда это уже просто не будет нужно. Я хочу хорошей жизни для нас и нашего сына, пойми ты. И для этого я готов рискнуть. К тому же русские не так уж и страшны, насколько я слышал.

— Я все понимаю и ценю твое желание сделать нашу жизнь лучше. Но пойми, ты вмешиваешься в драку двух совершенно непонятных тебе сторон. Ты понимаешь из-за чего там началась война? — с укором спросила Сара.

— Ну, понимаю, конечно. Украина хотела стать частью Европы, и за это Россия на нее напала и решила завоевать, — как смог, повторил ранее услышанное по телевизору Герхард.

— И где эта Европа? Где эта Россия? Короче, это не твоя война, Герхард, — попыталась подвести черту под разговором Сара.

Но не тут-то было. Герхард уже шел на принцип.

— Знаешь что, дорогая, а известно ли тебе, что вооруженные силы Австралии в течение 20 лет участвовали в «миротворческой» миссии США в Афганистане? В том числе, участвуя в убийствах мирных жителей? А?

Сара не отрываясь смотрела на него, хлопая глазами.

— Так-то вот. Собирай мой военный рюкзак, завтра я должен быть в Варшаве, а оттуда с друзьями будем перебираться на Украину.

Сара отвернулась, крупные слезы потекли по ее щекам.

**Май 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

Адмирал Елагин уже два с половиной месяца командовал одним из направлений проведения специальной военной операции. За это время было пройдено сотни километров фронтовых дорог, одержаны победы и с болью пережиты потери боевых товарищей. Пришлось переоценить и некоторые тактические установки. Кроме того, у бойцов и командиров появились бесценные навыки ведения боя сначала в условиях таяния снега, позже в условиях плохой видимости, а затем появилась «зеленка»*, которую на все сто использовали прятавшиеся там украинские диверсионные группы и бронетехника.

Елагин оглядел взглядом собравшихся на совещание замов и командиров подразделений союзных войск.

— Ну что, товарищи офицеры и генералы, приближается святой для нас праздник — День Победы. С какими

* Зеленка (*воен.*) — лесистая местность, густые заросли.

успехами мы его встречаем, что будет докладывать, чем порадуем людей? — обведя взглядом собравшихся, спросил адмирал. — Слово представителю ВКС.

— Товарищ адмирал, товарищи генералы и офицеры! Нашей авиацией за ночь поражено 18 военных объектов Украины, среди которых пункты управления, районы сосредоточения личного состава и военной техники, а также склады боеприпасов и горючего в районе населенного пункта Дачное Одесской области.

Кроме того, в районе железнодорожной станции Богодухов в Харьковской области уничтожено крупное скопление поступившей от США и европейских стран военной техники. В результате ударов уничтожены до 280 националистов, выведены из строя 48 единиц вооружения и военной техники. Уничтожен большой склад боеприпасов в районе населенного пункта Бахмут Донецкой Народной Республики.

Нашими средствами ПВО в течение ночи сбиты 13 украинских беспилотников в районе Николаевской области, а также в районах населенных пунктов ДНР Красногоровка, Ясиноватое, Сигнальное, Луганское, и Зугрес, Чернещина Харьковской области, Ольгино Херсонской области. Перехвачены девять реактивных снарядов системы залпового огня «Смерч» и три украинские баллистические ракеты «Точка-У».

— Спасибо, что скажут артиллеристы? — спросил Елагин.

— Товарищ адмирал, ракетные войска и артиллерия Сухопутных войск в течение ночи поразили 240 целей ВСУ, в том числе 44 пункта управления и 196 опорных пунктов украинских войск, районов сосредоточения живой силы и военной техники ВСУ.

— Для нас на данном этапе самое важное — ликвидировать поставляемое Западом вооружение. Что скажет разведка? — Елагин посмотрел на сидящего в правом ряду полковника Строганова.

— Товарищ адмирал, сейчас схема поставок западного оружия на Украину состоит из нескольких этапов. На территории Румынии и Польши приземляются военно-транспортные самолеты, на них грузят поставленное Западом вооружение. Грузные транспортники садятся прямо у украинских границ. Далее, вооружение перегружается в железнодорожные вагоны и следует из южных и западных районов Украины к месту назначения. Но появляется информация, что не все вооружение приходит в должной комплектации и должного качества. Мне докладывают о некачественных британских гранатометах NLAW и американских ПТРК «Javelin». Они в основном все с вышедшими из строя аккумуляторами. Стреляют через один. Ну а обучение у них было вообще смехотворное. Теория и не более. Дают в руки поддержать, прицелиться и все.

Но есть и более тревожная информация. К отправке из стран Запада готовится новая техника крупного 155 калибра, с ее помощью они надеются кардинально изменить ситуацию.

— Значит, нам необходимо спланировать и осуществить ряд мер, направленных на пресечение таких поставок путем нанесения ударов по ключевым объектам логистики и инфраструктуры железнодорожной украинской сети. А затем расширять масштаб нанесения высокоточных ударов, — поставил задачу Елагин.

— Есть, расширять масштабы ударов. И еще один момент. Те квадрокоптеры, которые мы использовали ранее, были оборудованы специальными маячками, спо-

собными показывать не только местоположение дрона, но и местоположение оператора. Производители автоматически активировали их после 24 февраля. Хорошо, что наши технари достаточно быстро это поняли. Да и прилеты в сторону наших операторов были с украинской стороны.

— Что предприняли? — спросил Елагин.

— Приобретаем оборудование, с помощью которого перепрошиваем коптеры, ставим особые метки, так что они теперь относительно безопасны в применении. Кроме того, наши операторы переносят так называемую точку «дом» — место, откуда стартует дрон, метров на 500 от реального расположения бойца, что тоже способствует дезориентации противника, а на точках «дом» постоянно фиксируем прилеты вражеских мин и снарядов. Также им Запад поставил оборудование, которое специальным лучом обрубает нашим коптерам управление и выключает моторы, но и на них у нас уже есть управа, — отчитался докладчик.

— Ну а в отношении противника возможности обнаружения используем? — поинтересовался Елагин.

— Конечно. Такое впечатление, что украинские военные вообще не озаботились этим вопросом. Сегодня во многих случаях мы четко видим местонахождение операторов врага, передаем их координаты нашей артиллерии. Ну а в артиллерийской бригаде тут же принимают цели к поражению. Стараемся максимально загасить их накануне продвижения вперед, чтобы ослепить артиллерию противника. Сами же работаем на полную, — продолжил доклад начальник разведки.

— Так точно, товарищ адмирал, так и происходит, — подтвердил начальник артиллерии. Кроме того, мы сочетаем уничтожение мобильных гаубиц и ракетных си-

STEM залпового огня противника с точечными ударами по их воздушным корректировщикам. Так и получается повысить эффективность контрбатарейной борьбы.

Елагин кивнул в знак того, что со всем согласен.

— Что по гражданским? — адмирал всегда и всем задавал этот вопрос, считая сбережение гражданского населения первейшей задачей российской армии.

— Товарищ адмирал, проблема с поставками воды и продовольствия в Мариуполь решена. Разминированы все дороги, кроме пути из Мангуша. На 9 мая запланировано открытие аллеи памяти, посвященной воинам и мирным жителям, погибшим при освобождении Мариуполя. В городе запущен автобус по маршруту «Метро — Сартана». Жители практически всех регионов России присылают гуманитарную помощь, кроме того, продовольственная и иная помощь регулярно поступает по официальным каналам, определенных Центром.

Тактика ВСУ и нацбатальонов прежняя — прикрываться мирным населением, размещать свои огневые точки вблизи домов и объектов социальной инфраструктуры. Цель таких действий двоякая — надежда, что наша артиллерия не будет работать по их огневым позициям, расположенным вблизи мест нахождения гражданского населения.

И второе — списывать потери мирных жителей на действия наших войск. Это основной лейтмотив работы их пропагандистов. Пользуется популярностью такой подход и в западных СМИ.

— Ну да, а когда они обстреливают крупным калибром Донецк и окрестные города, имеют наглость заявлять, что это мы сами себя обстреливаем. Они, конечно, за восемь лет тут окопались капитально, но ничего мы их все равно выкурим отсюда, — уверенно сказал Елагин.

— Товарищ адмирал, разрешите? — спросил прикомандированный от Генштаба полковник Лященко.

— Ну давайте, полковник, — разрешил Елагин.

— Товарищи, в нашей героической российской истории можно найти не только ответы на многие вопросы, но и подсказки. Сегодня отчаявшиеся «нелюди» тяжелой артиллерией иностранного производства бьют по мирным городам Донбасса и южным регионам России. Понятно, что зеркального ответа мы не делаем. Но уверен, что с помощью следующего решения эти преступления можно остановить.

После того, как зимой 1941 года стало известно о зверствах фашистов над Зоей Космодемьянской, Верховный главнокомандующий И.В. Сталин приказал солдат и офицеров 332-го полка Вермахта, которым командовал подполковник Рюдерер, в плен не брать. Советская разведка старалась установить точнее, где, на каком участке советско-германского фронта находится дивизия, полк гитлеровских палачей — убийц Зои Космодемьянской.

И уже вскоре, в боях под Смоленском, 332-й полк подполковника Рюдерера был полностью разгромлен советской армией. Такой же приказ необходимо издать и в отношении подразделений ВСУ, виновных в гибели мирных жителей городов Донбасса, российских пограничников и жителей приграничных областей России.

— Интересная мысль, — задумчиво сказал Елагин. А ведь, действительно, для укронацистов попасть в плен — единственная надежда выжить. Поэтому, если лишить этой надежды все подразделение, сметливые хлопцы сами попрячут снаряды или кончат наиболее ретивых артиллеристов. Жить-то будет хотеться. Как думаете, товарищи офицеры?

Все синхронно закивали головами и с интересом смотрели на штабного, как будто он в первый раз озвучил какую-то стоящую мысль и принес пользу общему делу.

— Уверен, что такое решение способно изменить ситуацию до тех пор, пока мы дальше не погоним врага вглубь его территории, — поймав настроение окружающих, пассионарно подвел черту Лященко.

23

Май 2022 года, зона проведения специальной военной операции.

— Вот, вот, гляди, вот они, — ткнул пальцем в экран монитора «Башкир».

— Да, теперь вижу, семь человек, — согласился с ним капитан Шалаев, в очередной раз, мысленно благодаря коптеры с камерами, которые позволяли четко отслеживать перемещение вражеских солдат. Особенно они стали актуальны после того, как буйная листва покрыла все растущие деревья и значительно затруднила обнаружение противника и его передвижение на местности.

— «Рамзес», «Серый» и «Соло» выдвигайтесь на 200 метров вперед, залегайте с флангов и контролируйте их продвижение. Как появятся в зоне огневого поражения, работайте. «Башкир», отслеживай все сверху и корректируй, я прикрою справа, — скомандовал бойцам Шалаев.

Группа спецназа украинской морской пехоты продвигалась вперед мелкими перебежками, используя

пересеченную местность для того, чтобы оглядеться, оценить обстановку и продолжить движение. Их целью был мост через реку, разделяющую город на две части. По мосту, которому и так досталось в ходе обстрелов, с опаской ходили местные жители. По нему доставлялись вода и продукты.

Кроме того, мост имел и стратегическое значение, по нему планировалось дальнейшее продвижение российских войск. Его потеря грозила бы не только существенными затруднениями в продовольственном обеспечении мирного населения, но и сбивала темп наступления. Пришлось бы наводить понтонную переправу, что неизбежно создало бы дополнительные риски для наших бойцов.

Поэтому разведгруппа капитана Шалаева уже вторые сутки контролировала подходы к объекту, понимая, что рано или поздно по нему «прилетит» или противник решит его взорвать.

«И все-таки они решили людьми мост отработать», — подумал Шалаев. «Странно. Хотя нет, наверное, скумекали, что по ходу могут кого в плен подцепить или информации какой надыбать». В любом случае противник приближался, и цель этого приближения была ясной, как день.

Шалаев был абсолютно уверен в своих ребятах, в условиях войны притирка происходит быстро или совсем не происходит.

— Внимание, работаем на поражение, но пару человек неплохо бы сохранить и в штаб разведки доставить, — поставил ориентир Шалаев.

— Поняли тебя, «Летчик», выполняем, — почти синхронно отозвались его бойцы.

«Рамзес», «Серый» и «Соло» пропустили первых трех человек немного вперед и уложили их одиночными выстрелами. Шалаев знал, что у сержанта Саши Гостенина из Воскресенска с позывным «Рамзес», прапорщика Сергея Ширяева из Красноярска (позывной «Серый») и старшего лейтенанта Василия Соловова из Балашихи (позывной «Соло») не возникнет осечек и промахов. Один был контрактником, который служил уже седьмой год, второй отрубил несколько командировок в «Песках» — так на своем языке военные называли Сирию. А Вася и вообще с отличием окончил Рязанское высшее гвардейское воздушно-десантное училище, отличался нравом задиристым и веселым, но зато когда дело касалось выполнения боевой задачи, то работал «до талого снега». То есть делал все и даже больше.

После того, как первые три украинских диверсанта замерли на земле, следующие четыре залегли и открыли шквальный огонь очередями. Шалаев знал, что к этому времени его ребята уже сменили позицию. Так что пули украинских спецназовцев ушли по уже пустым кустам.

Шалаев поправил микрофон рации и коротко приказал:

— «Мага», работай.

«Мага» — Колька Чернышов, выросший в Дагестане светловолосый парень, был отличным снайпером и точно ни в чем не уступал чемпионам мира по стрельбе.

— Понял, — отозвался «Мага».

Он всегда занимал такую позицию, что обнаружить его было практически невозможно. Стрелял он бесшумно, да так что враг не всегда успевал понять, откуда прилетела пуля, попавшая в прорезь между каской и бронешилетом.

Шалаев по звукам выстрелов понял, что на двух стрелявших стало меньше, теперь с двух точек работали только два ствола.

— Они гранаты готовят, — сообщил наблюдатель «Башкир» — сержант Айдар Гайнуддинов из Нефтекамска.

— Пора их «трехсотить», — сказал Шалаев, который уже давно ушел вперед и наблюдал за оставшимися в живых украинскими бойцами с небольшого пригорка.

Он не спеша прицелился и выстрелил одному из врагов по ногам. Две пули из выпущенной им очереди достигли своей цели — украинский боец упал на землю, и корчась от боли. Второй, стреляя в сторону позиции Шалаева, пополз к раненому.

Сзади к нему довольно быстро приближался «Рамзес». Неожиданно раненный что-то передал своему товарищу. Тот начал озираться.

«Скорее всего, заметил «Рамзеса», — понял Шалаев. И это оказалось правдой.

Украинский боец остановился, вынул чеку из гранаты и был готов кинуть ее в сторону находящегося уже в трех метрах от него «Рамзеса».

Но сделать бросок у него не получилось. «Мага» точно выстрелил ему в руку. Граната выпала из поврежденной руки и покатилась по земле.

— «Рамзес», ложись, что есть силы заорал в рацию Шалаев.

Но «Рамзес» был опытным бойцом и, только увидев, как пуля попала в руку врага, ловко отскочил в сторону.

Раздался громкий хлопок и сразу после него «Рамзес», «Серый», «Соло» и «Летчик» рванули к месту взрыва. Подбежав, они обезоружили бойцов ВСУ, которые не успели убежать и быстро их обыскали. Некоторые из них

были ранены, а одному осколки попали в ноги. Перевязав раненных, они положили неходячего на кусок брезента, и под минометным огнем, который тут же был открыт со стороны ВСУ, короткими перебежками рванули в сторону наших позиций.

24

**Июнь 2022 года,
штаб-квартира СВР, Ясенево.**

— И что вы действительно думаете, что они пойдут на кражу «Задиры», — спросил генерал-полковник Макаров у своих подчиненных.

— Агент «Клен» докладывает, что в Киеве чуть ли не готовят уже лабораторию по его изучению. Ведь лазерный комплекс уникальный, валит их беспилотники несмотря на уровень защиты и «погоду в доме», — аллегорически ответил начальнику полковник Михайлов.

— Ну и они сами пару дней посмотрят его, но потом стопроцентно передадут американцам. Оружие-то совсем другого поколения, — поддержал его генерал-майор Булавин, отвечавший за тему вооружений.

— О как. Значит, решили замахнуться на Вильяма нашего, на Шекспира, — тоже вспомнил нетленное кино генерал Макаров.

— А что им не замахнуться, Станислав Евгеньевич? Их информационно подпитывает несколько десятков разведок мира. Кроме того, мы знаем, что они тайно, но

регулярно передают информацию со своих спутников и других средств слежения для определения целей для украинской артиллерии как на территории ДНР и ЛНР, так и на нашей территории. Конечно, американцы будут это отрицать, но агент «Клен» их видит ежедневно, — доложил полковник Михайлов.

— Кто бы сомневался. Скажи, Николай Александрович, как там наш «Клен»? Все спокойно в оперативном плане? Окружение как? Связь бесперебойная? — спросил Макаров.

— Пока все стабильно, товарищ генерал-полковник. Конечно, он под плотным наблюдением СБУ и иностранных разведок. Были подходы по его проверке. Закидывали информацию и смотрели, отреагируем ли мы. Но наши аналитики все четко вычислили. Так что он пока без проколов.

Был оперативный подход от американцев. Ему удалось пока вильнуть умело. Но шефу своему очкастому он все доложил. Тот взбрыкнул было сначала, обиделся. Но потом вспомнил, на кого работает и дал добро «побаранить» их немного. Типа безмерно вас уважаю, готов ко всему, но завтра, пока работы много.

Понятно, что американцы хотят иметь объективную информацию о том, что на самом деле делается в рядах ВСУ. Так что он для них бесценный кадр.

— А знаете что, пусть «Клен» не избегает контактов с американцами. Наверняка, прежде чем выйти на контакт, ЦРУ хорошенько его изучила. Значит, наша легенда работает и он по своим морально-волевым качествам, — на этом месте генерал Макаров усмехнулся, — вполне устраивает наших американских коллег. Думаю, что при

необходимости, с помощью таких контактов мы сможем заводить нужную информацию и в Лэнгли.

— Понял вас, передадим ему ваше указание, — кивнул Михайлов.

— Как связь работает? К связникам нет вопросов со стороны СБУ? — уточнил Михайлов.

— Ну мы дольше месяца сейчас стараемся не держать постоянных связников. Благо недостатка в кадрах у нас там нет. Сейчас с ним работает аккредитованный при их Генштабе журналист канала «Украина 24», кроме того он пишет о нем всякие хвалебные пропагандистские материалы в Интернете. Он так красиво излагает по их зомбоящичку, что особых подозрений быть не должно.

Сейчас в ресторан, куда он регулярно ходит пить горилку, иначе же нельзя, сразу подозрение вызовет, устраивается официантом наш человек. Это на перспективу.

Ну и батюшка, конечно. Этот канал у нас работает с тех пор, как «Клена» в Киев перевели. Все знают, что он в Храм ходит и помогает деньгами и продуктами. Многие из новых руководителей относятся к этому как к чудачеству или дурости, но терпят. Внешняя толерантность там тоже какая никакая, а есть. И нам это на руку.

— Ну что ж, хорошо. Работайте над тем, чтобы у «Клена» всегда была возможность оперативно передавать информацию. Сегодня это важно как никогда. А батюшку этого берегите. Посмотрите, что да как вокруг него, — дал указание Макаров.

— Есть посмотреть, — ответил Макаров. Он, кстати, в первых рядах в ПЦУ перешел, так что находится на передовых, так сказать, идеологических рубежах, — дополнил Михайлов.

— Это хорошо, но вы тоже бдительности не теряйте. Будьте готовы батюшку в любой момент эвакуировать. Он нам нужен живым и невредимым, понимаешь? — спросил Макаров.

— Конечно, понимаю. А мы и готовы, товарищ генерал-полковник, — отрапортовал Михайлов.

— Так, теперь по «Задире». Уже есть информация, к кому из наших офицеров или конструкторов был оперативный интерес с украинской стороны? — спросил Макаров.

— Не просто интерес, а прямые вербовочные подходы, — ответил генерал Булавин, — почти напрямую, используя влюбленность одного из офицеров подразделения обслуживания. «Гарна дивчина Наталка», родом с города Николаева, скорее всего их «спящий» агент здесь. Приехала шесть лет назад, при деньгах, вышла замуж, развелась. По итогам осталась при квартире и небольшом бизнесе — салон красоты у нее — стрижка, маникюр, извините, педикюр, и всякая остальная их лабуда.

Так вот, где-то два месяца назад она познакомилась с капитаном Еремеевым. Мужик, конечно, не красавец, да и неудачный брак за спиной. Жена от него ушла к коммерсанту. И ребенка забрала, видеться почти не дает. Только за деньги. И немалые.

В общем обижен мужик на весь бабский мир. Три года вообще не смотрел на них. А тут идет со службы, а там вывеска на салоне «Акция, мужские стрижки по 200 рублей». Денег-то у него немного, все копит на то, чтобы дочку в конце месяца увидеть. Ну и зашел.

А там наша Наталка как раз его и ждет. Сама постригла, поговорила с ним о том о сем, короче заинтересовала собой. Впечатлился мужик невероятно. Думал, думал, да

и пришел в парикмахерскую с тремя хризантемами. Ну а Наталка-то знала, что он придет. Хотя, если бы не пришел, то, наверняка, и запасной вариант у нее имелся. Но он сам пришел.

Вот и закрутилась с того дня у них любовь «сумасшедшая». Мужик втрескался по самые уши. В себя поверил. Но все-таки не зря особисты с ними беседы проводили. Когда она его в ресторане познакомила со своим, так называемым, «двоюродным братом», который в обмен на возможность украсть «Задиру», напрямую предложил ему гражданство любой европейской страны, миллион евро, счастливую жизнь с Наталкой, которая, кстати, перед разговором еще и авансом ему свою «беременность» преподнесла, грустный пришел к нам.

Кстати, смежники наши этот странный тандем видели, но глубоко не бурили. Вот и сложился пазл. Ну, а сейчас мы его инструктируем, как дальше с «братом» этим, Ромой, и любимой Наталкой общаться. Вот в первом приближении как все выглядит. Доклад закончил, — сложив пальцы рук замком, сказал Булавин.

— Ну что ж, Иван Борисович, неплохо, совсем неплохо. Нам нужно хорошо провести эту игру. Постараться выяснить все каналы их связей — как они собирались переправлять комплекс, кто им в этом должен помогать, кто еще задействован в операции. Поработайте, пусть этот наш Еремеев подольше «очарованным» походит. Вплоть до самой операции по похищению и переправке комплекса. Пусть скажет, что в одиночку не сможет, мол еще один человек нужен. И такой есть у него на примете. А этот человек, сами понимаете, должен быть офицером ФСБ — отдал приказ Макаров.

— Так и планируем, Станислав Евгеньевич, — отпартовал Булавин.

— Готовьте подробный материал, повезем его с директором Верховному, надо добро получить и с ФСБ срочно группу создавать — напоследок дал поручение генерал-полковник.

**Июнь 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

— Мам, ну все в порядке у меня, не переживай. Все по плану идет. Воюем аккуратно, под прикрытием артиллерии, танкисты у нас — ассы. А летчики, мам, летчики, знаешь, что вытворяют. На малых высотах работают, появляются ниоткуда, поражают цели и улетают вроде как в никуда. А на самом деле на аэродромы наши. У них тепловая защита, мам, знаешь, как красиво отстреливается, — рассказывал Марии Федоровне Алексей Филатов.

— Леша, ты мне зубы-то не заговаривай, прям салют там у вас праздничный каждый день. Отстреливается. Я думаю, что вас там много чего другого отстреливается. Я не маленькая, понимаю же все. Просто очень сильно береги себя. Мы с Олесей тебя любим, Сашка маленький твою фотографию залобызал уже всю. Возвращайся, пожалуйста, Леш, ладно? — по голосу Филатов понял, что мама близка к тому, чтобы расплакаться.

— Ладно, мам, вернусь, — серьезно ответил Филатов. Санька целуй от меня. С Олесей сегодня попозже свяжусь, скажи ей.

— Хорошо, сынок, храни тебя Бог, — напутствовала Мария Федоровна и первой положила трубку.

Филатов выдохнул и вернулся в палатку. Они уже два дня охраняли пленных ВСУшников, которые были накормлены и размещены в просторных палатках, спали на койках с подушками и одеялами. С ними работали военные следователи и разведка.

Филатов периодически заходил в палатку, где проводились допросы и осматривались тела пленных на предмет наличия наколок нацистской тематики, а также периодически наведывались журналисты, чтобы взять интервью у наиболее ярких представителей пленных украинских военных.

Что поражало Алексея, так это дикий, животный страх, который поначалу был в глазах пленных. Они боялись резких движений и любого шума, но через два-три дня страх уходил, у пленных менялся взгляд и осанка.

Когда Филатов спросил у одного из пленных, мужика в годах и с усами в форме подковы, чего они так боятся, он ответил, что при обучении и подготовке им каждый день внушали, что русские жестоко пытаются в плену, поэтому надо воевать до конца. И лучше геройская смерть, чем плен. Тем более официально подтвержденная гибель должна была влечь за собой выплату пособия семье погибшего.

Сам мужик был из окрестностей города Днепр, жил в частном доме, имел хозяйство и всякую живность. На войну попал как все, мобилизовали, записали в территориальную оборону, дали автомат и отправили на передовую. Провоевал он недолго, чуть не погибнув от огня

российских танков в первом бою. Во втором он просто бросил автомат и поднял руки. Потому как понял, что «геройство» чревато неминуемой гибелью. А ему еще хотелось вернуться к своей жинке, хозяйству, гусям и поросям, понянчить только народившуюся внучку.

Он выпросил у журналистов сигарету и, жадно куря, делился с Филатовым:

— Я думав как? Попаду к вам и все, запытають. А вы не. Вон оно как с нами, как с людьми нормальными, — скороговоркой тараторил он, заглядывая капитану в глаза.

— Запытають... — слегка передразнил его Филатов. У нас не пытаются. А вот, что с нашими пленными делают у вас, я знаю. Рассказать тебе, дядя, без каких органов мы наших бойцов обратно получаем, а? Хочешь? — твердо спросил у него Алексей.

— Ой сынок, та не, не надо. Страшные ты вещи какие говоришь, — мужик аж сжался весь, очевидно представляя то, о чем только что сказал ему русский офицер.

— То-то и оно, дядя. Вам тут и пожрать, и поспать, и покурить, — отвернулся от него Филатов.

— Дай-то Бог и Матерь Божия, чтобы все целые и невредимые домой вернулись, и с той, и с другой стороны — мужик широко перекрестился и сел на пенек.

— Вот ты, дядя, чего на войну поперся? — решил все-таки спросить у него Филатов.

— Так дык, пришли за мной. Я вон в огороде копался, только курям зерна дал. Утро совсем было. На зеленой буханке приехали, в калитку заперлись. Ты, говорят, Мыкола Апанасенко? Говорю, я. А они, вот тебе повестка, час тебе на сборы. Надо ридну неньку Украину идти защищать. А я им гутарю, шо я в 81-м аж три года службе отдал.

Они говорят, так это ты оккупантам, гад, служил. А теперь самое время должок вернуть. Украина тебя кормит и защищает и гордость тебе национальную дает. Вон у Киеве все в тероборону записались и бабки старые и девки молодые, а ты мужик здоровый, не стыдно тебе на огороде отсиживаться?

А я им гутарю, шо кормлю себя я сам, да еще и всю семью свою. Земля меня кормит и труд мой. А грошей как не было, так и нет. А то шо в столице девки с деревянными автоматами бегают, так это им делать нечего. А у меня работы всегда хватает. Некогда мне.

А они: «ну, мужик, поговорили и будя. За уклонение от службы тюремный срок предусмотрен. Ежели ты отказываешься, так мы тебя быстро оформим». Так вот собрался я и поехал с ними. А там на сборном пункте таких как я много оказалось. Дали кому чего. Кому штаны армейские, кому верх с кепкой. Четыре дня мы окопы рыли и нам про какие-то жавелины рассказывали, мол, пришлють их скоро, каждому раздадут, и мы победим. Ну а потом я тебе, сынок рассказывал. Сдался я. Потому как видел, шо те, кто не сдался, домой уже не вернутся. А мне до зарезу надо. Внучечка у меня маленькая. И хозяйство. Петровна моя в одиночку не потянет это все. Вот и весь сказ мой. А у тебя есть еще покурить, а, сынок?

— Не курю я, но спрошу, — ответил Филатов.

Он свистнул лейтенанту Клейменову из военной разведки. Тот обернулся.

— Слав, есть покурить?

— Ты ж не куришь, Лех, — отозвался он. Но пачку сигарет из кармана вынул.

— Да это не мне. Мужик тут любопытный. Призывник. Не может без курева.

— Так выдают же им, — использовал последний шанс сберечь дефицитное курицево Клейменов.

— А он свои уже скурил все. Товарищи у него жадные, говорят, вдруг самим не хватит, — отозвался Филатов.

— Да, есть такое дело. Ну ладно, бери. Но больше трех штук не дам. У самого в запасе только две пачки осталось.

26

**Апрель 2022 года,
Хобарт — Варшава — Яворовский полигон, Украина.**

Перед посадкой в самолет Герхард позволил себе лишнего в ирландском баре. Расставание с Сарой было очень тяжелым, она все время молчала вплоть до приезда такси. И уже перед самой посадкой в машину, когда большой армейский рюкзак был с трудом помещен в багажник минивэна, она крепко прижалась к нему.

— Будь осторожен и никому не верь, я по-прежнему считаю, что это не твоя война и не наше дело. Но я уважаю твой выбор. Постарайся вернуться живым, — сказала она тихо и отошла в сторону.

— Все будет хорошо, крошка, подыскивай дом на побережье, — бодро на позитиве ответил Герхард.

Сара печально кивнула головой и пошла к крыльцу их небольшого дома.

Весь этот разговор, а также настрой жены и стали причиной, по которой Герхард вместо пинты привычного «Гиннеса» выпил три и добавил еще двойной скотч.

Сборный пункт под Варшавой встретил его суетой и привычной, но немного забытой обстановкой армейского быта. Довольно быстро он отыскал Мишеля и своих товарищей. Своим кругом они отошли в сторонку и присели попить кофе и покурить.

— Ну что, какие условия работы? — начал прощупывать финансовую сторону вопроса Герхард.

— Все должны сказать на месте, но пока вроде полторы тысячи баксов в день, — ответил Мишель Ассо.

— А мне звонил товарищ из Боснии, — продолжил разговор их давний друг Анри, — так вот ему один серб сказал, что русские объявили, что будут уничтожать наемников на месте.

— Если мы их первые не уничтожим, — вертя в руках армейский нож, вмешался их темнокожий товарищ по имени Идрис.

— Друзья, вы же знаете правила. По международному гуманитарному праву наемник — не комбатант. Мы не входим в вооруженные силы стран — сторон конфликта. Но мне сказали, что украинцы собираются включить нас в свои вооруженные силы. А что? Издают приказ, выдают форму, и вот — мы уже украинские солдаты.

— Странно, а как же гражданство? У нас же нет гражданства этой страны, — засомневался Герхард.

— Ой-ля-ля, Герхи, ты как всегда волнуешься не о том, — заулыбался Мишель, — у них нет требования, чтобы солдат или офицер обязательно имел гражданство. Я так думаю, что они все знали давно и приняли такой закон.

— Тогда вопрос отпадает, согласен с тобой, — пуская дым кольцами, подытожил Анри.

— Но русские, как ты сказал, не будут считать нас комбатантами. А если нет, то могут ликвидировать на месте. Вы не злитесь, что я еще раз спрашиваю, просто хочу четко понимать для себя расклад, — решил все же уточнить Герхард.

— Ты зануда, Герхи, — ответил ему Мишель. Никто не даст нас в обиду. Я уже слышал заявления от британского МИДа, что все иностранцы, которые приехали воевать за Украину — комбатанты. И слово «наемник» никто не использует.

— Ты немного странный, Мишель. Разве сейчас русские слушают британский МИД? Да им наплевать на него, Серб сказал, что мы для них, как это правильно выразиться... законная цель — продолжил дискуссию Анри.

— Слушайте, парни! Никто не сказал, что на Украине будет легкая прогулка. Если испугались, валите обратно. Вас же никто не заставляет. Со мной пойдут те, кто не будет бояться и приседать при каждом выстреле, — вскипел Мишель.

— Ладно, ладно. Мы просто хотели узнать, что к чему, какой расклад. И если ты говоришь, что все так и есть, то мы верим тебе, Мишель, — примирительно сказал Герхард.

— То-то. Давайте парни ваши документы, я сейчас их отксерю для администрации, сделаю список, все согласую и в ночь мы должны выдвинуться ближе к месту проведения военных действий.

Мишель вернулся через два часа раздраженный и уставший.

— Отъезд откладывается на завтра. На той стороне долго решали, куда нас направить и решили во Львовскую область. Там есть какой-то Яворовский полигон.

На его базе они формируют Интернациональный легион. Он будет входить в какие-то силы территориальной обороны Украины. Я так понял, это как раз все для того, чтобы мы считались солдатами регулярной армии.

— Ну что ж, полигон — это не так плохо. Это не окопы, — за всех сказал Идрис.

Они прибыли на место и даже разместились неплохо. К ним приезжали знакомиться несколько украинских генералов. Все прибывшие на место «солдаты удачи» вели себя довольно расслабленно, так как до места военных действий было не меньше 1300 километров.

Они ожидали инструктажа и более глубокого погружения в особенности оперативной обстановки. Также их обещали ознакомить с российской тактикой ведения военных действий. Все это было важно, солдаты Мишеля Ассо были опытными воинами и понимали, что от этой информации могут напрямую зависеть их жизни.

В тот вечер они засиделись допоздна, обсуждали полученную информацию и проговаривали элементы боевого слаживания. Внезапно сидевший на окне рыжий кот заорал и метнулся с подоконника на пол, а оттуда выскочил из помещения.

— Что это с ним? — удивился Герхард.

— Наверное, почувствовал кошку, — усмехнувшись предположил Мишель.

— Нам всем неплохо было бы почувствовать кошечек, — философски заметил Идрис.

— Так украинцы же вчера обещали нам прислать своих женщин, — вспомнил Анри.

— Это вряд ли, здесь же секретный об....

Последние слова Мишеля никто не услышал. Раздался страшный грохот, который только усиливался с каждым попаданием российских ракет по Яворовскому полигону.

Взрывной волной Герхарда выкинуло из помещения. При этом слух отключился при первом взрыве. Через несколько секунд полета, показавшихся ему вечностью, он довольно удачно приземлился на растущий неподалеку куст. Ветки смягчили падение, и вскоре он уже мог встать на колени.

Мотая головой, он пытался восстановить слух. Откуда-то издали послышались звуки взрывов и вой сирены. Поддавшись инстинкту самосохранения, Герхард на карачках пополз в противоположную сторону от груды обломков, в которую превратилось здание, где они еще полминуты назад находились. Вокруг пылало зарево пожара.

Наутро ему оказали медицинскую помощь. Герхарду повезло, врачи диагностировали только контузию. Идрис и Мишель погибли. У Анри была оторвана нога и его шансы рассматривались врачами как 50 на 50.

Почти сразу он получил предложение после короткой реабилитации перебраться в Донецкую область, чтобы вместе с храброй украинской армией отомстить за смерть его товарищей.

Но что самое удивительное, Герхард не испытывал ненависти к русским. Он вспомнил их разговор на сборном пункте под Варшавой, и в памяти всплыло сказанное Анри словосочетание «законная цель». Что ж, удача Идриса и Мишеля закончилась. С ними он прошел немало военных дорог, был в разных передрягах. Они знали, на что шли.

А его дело теперь — получить то, зачем он сюда приехал. А именно — деньги. У украинских офицеров он решил уточнить, когда и сколько ему заплатят.

Сносно говоривший на английском украинский полковник с фамилией Стаднюк на форменной одежде, сказал, что все финансовые обязательства будут выполнены, а Герхард, уже занесен в списки на денежную компенсацию, как получивший контузию на поле боя.

На вопрос, куда он будет направлен, Герхард получил ответ, что под Мариуполь.

**Июнь 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

Как снег на голову, к адмиралу Елагину во временный командный пункт, свалилась съемочная группа одного из главных политических ток-шоу нашей страны, в котором освещались основные итоги текущего дня и итоги недели. Они готовили серию сюжетов о быте военнослужащих, о повадках и тактике противника, о подвигах наших бойцов.

Но о назначенной встрече адмирал просто забыл. В итоге, сочтя преждевременным давать какие-либо интервью на камеру, Елагин все же согласился побеседовать с корреспондентом с глазу на глаз, просто за чаем.

Они сидели в просторной адмиральской палатке. На столе стояла вода, чай, сушки и пряники. От сушек корреспондент, которого звали Константин, отказался, а вот пряники уплетал с удовольствием, запивая крепким чаем. Для Елагина воду традиционно кипятили на костре. Поэтому аромат дымка создавал неповторимый

вкус напитка. Кто пробовал такой чай никогда от второй, да и от третьей кружки не отказывался.

— Александр Николаевич, я вот со многими говорил об причинах того, что произошло с украинцами и Украиной. Где мы проморгали, где упустили, где очаровались какими-то обещаниями с их стороны? Потому что странно, такой негативный крутой разворот по отношению ко всему русскому у них произошел.

— Вы знаете, Константин, ничего странного. Изначально не надо было очаровываться просто, — довольно жестко начал Елагин, — потому что потом разочаровываться приходится, как правило. Мы ведь, как, всегда к украинцам относились? Правильно, как к братьям. Ну шалят они немного, обзывают нас неприятно, стерпим. Себе на уме, тоже простим, братья же. Потом они за наш счет жить начали, мы тоже не удивились — брат брату должен помогать.

— Да, мы миллиарды долларов просто так им отдавали. А они тянули и тянули с нас, моделируя ситуации, в которых вроде как и не дать было нельзя, — поддержал Елагина ведущий.

— Все верно. А вот с их стороны я такого не видел. Знаете, Костя, в их отношении к нам была всегда какая-то злобная ущербинка. Не были мы для них братьями, хоть расстреливайте меня! Особенно в отношении истории и языка. Они от них отказались в одночасье. Без сожаления. Хотя как можно отказаться от Пушкина и Достоевского, Ушакова и Жукова?

Но мы ж как? С открытой душой. И если в украинских учебниках истории мы стали отсталыми и жалкими соседями, то мы что решили? Перебесятся! Не получилось.

Корреспондент решил сместить немного акцент разговора.

— А потом возвращение Крыма случилось. И там свои герои появились, которые вроде как олицетворяли эти процессы. Но если разобраться, то кто-то стал заядлым сторонником России исключительно из-за того, что обратного пути на Украину не было, слишком уж при Януковиче настарались. А потом, когда Россия им все дала, стали вдруг вспоминать, что они на самом деле ... украинцы. Как вам такой поворот? Тебя страна спасла, все дала, а ты говоришь, что ты украинец и поэтому не поддерживаешь нашу специальную военную операцию.

— Да есть и такие, согласен, — ответил Елагин. Кстати, удивляюсь терпению нашего руководства. Но не мне это обсуждать.

Константин кивнул Елагину.

— Да, конечно, товарищ адмирал, понимаю Вас. А вы не задавались вопросом, почему свои паспорта синие почти все вновь принятые в российское гражданство товарищи под подушки положили? Зачем спрашивается? Раз вы навеки с Россией? Раз вы такие патриоты? Зачем вам паспорта страны, из которой вы вышли, от которой дружно отказались? А чтобы можно было какую-то выгоду с этого паспорта получить. Вот и поехали некоторые туда. Кто по бизнесу, кто по личным вопросам. А СБУ их прямо от границы всех вело. И кого надо на выходе за жабры и брало. Особенно госслужащих и сотрудников всяких. Кого цивилизно по суду, к 14 годам за измену родине, а кого и в застенки сбущные. Люди оттуда инвалидами выходили. Если выходили. И это отношение вроде как к своим же. Но получилось, что и не своим вовсе.

— Да, был у меня в практике похожий случай, — задумчиво ответил Елагин. Но там парней — офицеров моих обманули. А мы их все-таки вернули.

— Помню, помню эту историю с обменом, — подтвердил журналист и взял еще два пряника.

— Чай пейте, Костя, — продолжал угощать гостя Елагин.

— Какой же он у вас вкусный! Сколько ездил, нигде такого не пил! — искренне восхитился журналист. Повисла небольшая пауза, во время которой Константин, жмуря глаза от удовольствия, наслаждался крепким чаем.

— Давайте я пока некоторыми мыслями вас поразвлекаю, — предложил адмирал. Журналист согласно закивал.

— Я, конечно, сторонний наблюдатель. Но сдается мне, что они и не понимают там, кто вообще есть кто? Каждый за себя. Кто к какому клану пристанет, там и кормится. И сейчас весь вопрос в том, украинец ты или нет? Титульный или второсортный.

А это еще одна подножка Украине — заявленная мононациональность. Поэтому глядя на нас, они ядовитой слюной и исходят. У нас-то более 180 национальностей. А там одна. Ну и высшие человеки — всякие там американцы, канадцы, европейцы и т.д.

— Ой, Александр Николаевич, вы прямо мои мысли читаете, дожевывая пряник, вернулся в разговор Константин. Украине нельзя быть этакой Швейцарией. Все равно на кого-то надо ориентироваться и ставить в приоритет. И если это не мы, с которыми они считают западло дружить, то это запад. А у них одна цель — продвижение США и их союзников по НАТО на европейскую территорию бывшего СССР в попытке реализации механизма экономического и политического подчинения им руководства России.

— Грамотно излагаете, — похвалил его Елагин.

— Ну так, каждый день приходится соответствовать, — довольный от похвалы улыбнулся журналист.

— Знаете, я не уверен, что большинство украинцев способны понять, что неправы. Что смирившись и служа националистическому режиму и Западу, они предали не только своих предков, но и славянские корни и ценности. Я много раз наблюдал и думал, неужели отдельных личностей, именующих себя украинцами или полуукраинцами, не мучает совесть, когда они совершают подлые поступки или предают? Потом понял, что нет. Не мучают их ничего, ибо они воспринимают предательство, как норму, как абсолютно нормальное и естественное свое поведение и состояние. Это их мораль, в которой нет приличий — удобно то, что удобно мне, — Елагин слегка даже стукнул кулаком по столу.

Журналист вздрогнул. Но активно продолжил разговор, впечатленный словами адмирала:

— Да, да, именно поэтому мы так удивляемся некоторым их чертам: мстительности и злопамятности, уверенности, что все априори должны их любить и слушаться, искреннему удивлению, когда люди, которым они делают гадости не делают им в ответ добра и не исполняют их желаний. Узости кругозора и мышления, готовности лечь под любого из-за материальных и карьерных перспектив, хитрости, изворотливости и животному умению врать; циничному хамству и наглости, чудовищной неблагодарности, недовольству тем, что имеют, умению переобуться в воздухе в зависимости от окружающей их действительности.

— И только в присутствии более сильного они все-таки могут вести себя нормально. На всех остальных они клали с прибором: вон, европейцы стонут от художеств украинских беженцев. Сами же показывали — разворо-

ванные дома и кучи фекалий в виде благодарности. А лидеры их — «обиженная ливерная колбаса». И эта колбаса все терпит!

— Да, это воистину торжество невежественной наглости, — согласился Константин.

— И в завершении, вот в 2014 году Мариуполь имел население около 450 тысяч человек. После того, как в июне 2014 года украинские боевики вернули контроль над городом, население стало стремительно сокращаться. А все почему? Да потому что они своих же граждан, жителей города стали гнобить за то, что они говорят и думают по-русски. Поэтому и сейчас напоследок грабят и мародерствуют, размещают свои огневые точки в жилых домах. И это отношение к своим! Поэтому свои и бегут от них, как от огня. С цветами и флагами встречают наши войска. Как освободителей. И это несмотря на то, что у многих дома разрушены, привычный уклад жизни пошел коту под хвост. Не хотят они на мове говорить и в НАТО вступать, и все тут. Елагин отставил в сторону свою кружку с чаем, намекая на то, что чаепитие закончено.

— Да, я понял, у вас полно дел, пора нам ехать, — согласился журналист. Насчет НАТО. Мне тут для одной из передач редакторы цифры приготовили. Так вот на память скажу, от их действий в Югославии погибли 5700 человек, в том числе 400 детей. В Афганистане они убили 35 тысяч мирных жителей, появилось полмиллиона беженцев. Ливия — более 20 тысяч погибших и 350 тысяч беженцев. В операции против Югославии НАТО использовало снаряды с обедненным ураном. Какие тут мир и безопасность, укрепление стабильности и повышение благосостояния?

— Вы правы, Костя, вот именно с ними мы сейчас фактически и воюем. Потому как перешли они красные линии. Перешли. А там у нас, как в песне, ярость благородная вскипает, как волна. И тут пусть лучше попрячутся все. До конца пойдём.

Куда вы дальше?

— На луганское направление, товарищ адмирал. Договорились повстречаться с помощником главы Чечни, он здесь курирует работу чеченских подразделений, — ответил ведущий вставая.

Адмирал тоже встал, чтобы проводить гостя.

— Что ж передавайте Апти привет от меня, мы давно знакомы. И еще передайте от меня сердечное приветствие и благодарность всем подчиненным Апти, они настоящие воины и воюют умело.

**Июнь 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

По самым приблизительным оценкам Тараса Комко от первоначального состава их бригады осталось процентов тридцать. Остальные остались лежать на полях и в лесах Донбасса, попали в плен или были ранены и отправлены в тыл.

Поступающее пополнение было практически необученным, да и с боевым духом у них было туго. Многие из них открыто отказывались выполнять приказы и только агрессия отвязанных солдат нацбатальонов могла заставить их выйти на позиции или идти в атаку.

Поэтому Тарасу уже давно пришлось перебазироваться из штаба в окопы. Он старался сделать так, чтобы потеря среди плохо обученных сослуживцев было меньше. Но добиться этого было очень трудно — суровая наука войны постигается не сразу. Чутье на выживание не берется ниоткуда. Для этого нужно не один раз побыть под обстрелом, поучаствовать в стрелковом бою, пере-

жить горячку боевого столкновения и выйти из всего этого живым.

Сам Тарас уже вполне освоился в боевой обстановке и считал себя опытным офицером, что было близко к правде. Не сказать, что он испытывал особую ненависть к противнику. Он просто выживал как мог. При этом он не особо задумывался, почему, когда они проходили через тот или иной населенный пункт, улицы были абсолютно пусты. «Видать по подвалам прячутся», — думал Тарас.

Немного кольнул его эпизод в Харьковской области, когда они, проходя через очередную деревню, наткнулись на бабушку с советским красным флагом. Та, увидев военных в камуфляже, видно решила, что это пришли русские, и вышла встречать освободителей.

Поняв, что это бойцы ВСУ, она не смутилась и не ушла со своего места. Взводный Процко решил дать ей продукты. Тарас понял, что делал он это специально, так как их постоянный видеооператор Володя Сахно по кличке «папарацци» с самого начала снимал все на телефон. И если бы бабушка взяла продукты, то это был бы мощный идеологический сюжет с миллионными просмотрами. Мол, вышла с красным флагом москалей встречать, а жрачку взяла у бойцов ВСУ.

Но она отказалась. Не взяла продукты, несмотря на нужду. Со злости Процко вырвал у нее красный флаг и начал топтать его ногами. Он скрежетал зубами и злобно смотрел в сторону пожилой женщины.

— Даже и не думай, — строго тогда сказал ему Тарас, зная, на что способен Процко в приступах гнева, — не хватало еще под камеру бабку с флагом завалить.

— А че она, че она, че она? — выкатывая глаза повторял Процко.

Тогда Тарас с трудом увел своих бойцов от той хаты. К тому же у калитки появился дед — почуял неладное. И хоть ходил с большим трудом, но все ж пришел глянуть, что там происходит. Тарас до сих пор помнил взгляд его бесцветных от времени глаз. В них было столько скорби от того, что он немощен и не может быть полноценным участником событий. Тарас понял, что, будь он помоложе, там бы они со своей бабкой и легли бы, потому как не потерпел бы он поведение взводного Процко.

Периодически Тарасу звонил отец, спрашивал, как дела, но перевести в безопасное место не предлагал. Тарас понимал, что здесь он каждый день укрепляет отцовский авторитет. Как же, высокий начальник, мог бы сына отмазать, а генерал Комко принципиален, сын служит как все.

Единственно, что он пообещал ему во время последнего разговора, так это то, что недели через две-три Тарасу могли предоставить краткосрочный отпуск. Отец сказал, что есть серьезный разговор. О чем, Тарас мог только догадываться, о чем пойдет речь.

В то утро они получили приказ выдвинуться в район близлежащей деревни, провести разведку и посмотреть места на предмет оборудования позиций для артиллерии и танков. Деревня была ничья, поэтому им надо было быть крайне осторожными, так как с разведывательной целью туда могли зайти и русские.

Тарас взял с собой два взвода бойцов. Выдвинулись сразу после завтрака и к половине десятого были уже на окраине. Миновав первые дома, они постепенно продвигались к центру деревни. Тарас по привычке периодически задирает голову в поисках русских квадрокоптеров. С их помощью они вели разведку и, если, такая «птичка» зависла в небе, жди беды.

Деревня была полупустой. Часть домов были закрыты, видно жители уехали подальше от войны. А в некоторых жили люди, в основном старики. Подниматься с места им было трудно, поэтому и оставались при своем хозяйстве, в надежде, что нелегкая обойдет их дома стороной.

Группа Тараса Комко прошла деревню и вышла на противоположную околицу. Вдалеке виднелся сосново-еловый перелесок. Тарас решил дойти до него, так как густые хвойные ветки могли хорошо прикрыть их огневые позиции.

Но как только они зашли в лес, начался мощный минометный обстрел. «Проморгали мы коптер», подумал про себя Тарас. Он приказал всем залечь и приготовиться к бою, зная, что после обстрела могут появиться и русские солдаты. Эта тактика была эффективной и сколько бы Тарас не говорил об этом своим прямым командирам, в ответ слышал только матерную брань.

Русские работали достаточно точно. Мины ложились кучно и в заданном квадрате. Когда все стихло, с края перелеска раздались короткие автоматные очереди. Тарас понял, что должен увести оставшихся в живых, поэтому скомандовал взводу Процко прикрывать отход остальных бойцов.

По радиации Процко проорал, что у него осталось 9 человек и что долго он не продержится.

— Подержи их пару минут и тоже отходи, — приказал ему Тарас.

Сам он решил до последнего прикрывать отход своих бойцов. Когда все, кто ползком, кто на корточках, кто полусидя прошли мимо него и рванули через небольшую полянку в сторону деревни, он тоже решил покинуть перелесок.

Почему он решил бежать по тропинке, а не между деревьям, как все? Он слишком часто оглядывался и потом смотрел вперед. А под ноги не смотрел. То, что он наступает на противопехотную мину-лепесток, он понял в последний момент, когда убрать ногу уже было нельзя.

Раздался взрыв и Тарас слегка подлетел вверх. Упав на землю, он на время потерял сознание. Сквозь полудымку он увидел проходящего мимо Процко.

— Витя, помоги, — что есть силы сказал Тарас. Получилось почти беззвучно, но по глазам Процко Тарас понял, что он его услышал.

Но Процко прошел мимо, в какой-то момент, отведя от него взгляд.

Через несколько секунд Тарас смог приподнять голову и осмотреть себя. В области ног все было бурым от венозной крови. При этом правая нога показалась ему короче левой. Неподалеку на траве он увидел окровавленный армейский ботинок. К своему ужасу оттуда торчала белая кость его правой ступни.

29

— Давай, давай, жми их вглубь леса, — орал в рацию комбат Скворцов. Филатов с трудом слышал его голос в наушнике, так как вел прицельный огонь из своего автомата по засевшим в кустах украинским бойцам.

Полтора часа назад разведка доложила, что группа украинских военных численностью до двух взводов начала прочесывать никем не занятую деревню. За ней вообще постоянно велось наблюдение и наши ребята ждали, когда же противник пошлет кого-нибудь на разведку и рекогносцировку.

Скворцов, как оракул предсказал, что противник обязательно решит зайти в хвойный перелесок.

— Место уж больно для них хорошее, любят они в таких местах огневые точки делать. А если что, можно и в деревню тикать, — со знанием дела говорил он. Поэтому минометчики заранее определили все квадраты в этом перелеске и были готовы накрыть его, как только в этом возникнет необходимость.

По Филатову тоже стреляли. И стреляли довольно прицельно. Несколько пуль попало в дерево, за которым залег Алексей. Один раз ему даже довольно больно попало в глаз отлетевшей стружкой. В этот момент Фила-

тов с завистью вспомнил спецназовцев, которые воюют в специальных очках, прикрывающих глаза.

Постепенно интенсивность огня с украинской стороны стала стихать. «Отходят», — понял Филатов. Оценив обстановку, он сначала встал за деревом, а потом небольшими перебежками рванул вперед, параллельно с ним двигались и бойцы батальона.

Филатов бежал по удивительно пружинистой земле. Почва в хвойном лесу была рыхлой, да еще усыпанной иголками, что создавало своеобразную подушку, по которой бежать было легко. Тут и там лежали убитые украинские бойцы. Кого накрыло минометным огнем, а кого в ходе боя достала пуля.

Подбегая к краю перелеска, Алексей наткнулся на ботинок, из которого торчала чья-то ступня с белым куском кости. Глянув чуть дальше, он увидел и раненого. Тот корчился от боли, его обескровленное лицо выражало неимоверное страдание. Филатов подбежал к раненому и склонился над ним.

— Так, терпим, терпим, сейчас вколю тебе обезболивающее, — сказал Алексей. Мина — бабочка? — решил уточнить он, хотя тут и так все было ясно как белый день.

— Да, — простонал раненый.

И в этот момент их глаза встретились.

— Тарас? — изумленно спросил Филатов.

— Да, Леха, я это. Видишь при каких Комко тяжело выдохнул, .. обстоятельствах пришлось встретиться.

— Ты это, Тарас, особо не говори, тебе силы надо беречь. Кровапотеря большая. Я сейчас перевяжу тебя.

Филатов из индивидуального пакета достал обезболивающее и сделал укол. Потом достал бинт и начал накладывать повязку на кровоточащую рану.

— Может ногу в ботинке забрать, может пришьют мне ее? — с надеждой спросил Комко.

— Да нет, Тарас, при минно-взрывных травмах не пришивают ничего. Да и нечего почти у тебя там пришивать, если честно, — не стал обнадеживать его Филатов.

— Представляешь, а мои меня бросили. Мимо прошли, могли взять с собой, но не взяли. Возиться не захотели, — нервно засмеялся Комко.

— Вот видишь, ты уже и смеешься, — сказал Филатов, понимая, что мощная анестезия начала действовать. Давай, лежи, я перевязывать буду. Надо кровь тебе остановить.

— Ты, это, Леха, внимательнее, мои сейчас скумекают, кого бросили и могут в контратаку пойти, отбивать, — решил предупредить бывшего друга Тарас.

— Знаешь что, Тарас, раз они тебя сразу не взяли, то на хрен им тебя отбивать? — усомнился Филатов.

— Я ж сын генеральский. Побоятся. Он же им потом такую жизнь может устроить, — тяжело дыша, рассуждал Комко.

— Слушай, да у вас там пофиг на все. И на всех. Им на твоего папашу — тьфу, плюнуть и растереть. Потом любую версию произошедшего можно придумать. Пока до правды докопаются, сто лет пройдет. Или ишак сдохнет или падишах. Знаешь такую поговорку? — решил отвлечь раненого Филатов.

— Знаю, Леша, знаю. И вижу, как продали меня с полпинка. Я же с ними три месяца с одного котелка-а-а... — вздрогнув от боли, проговорил Тарас.

— С одного-то с одного, но вишь как, когда вопрос встал о жизни, товарищи твои выбрали свою, а не твою, — философски заметил Филатов, накладывая повязку на открытую рану Комко.

Бинт все время намокал от крови и Филатов не мог добиться того, чтобы она остановилась. К ним периодически подходили наши бойцы, смотрели и давали советы. Наконец — то подбежал прапорщик Влад Корнилов из Якутии, который до службы по контракту работал фельдшером в оленеводческом поселке.

— Влад, наконец-то, — проговорил Филатов, — помоги, видишь, рана открытая, перевязать надо и кровь остановить.

— Ша сделаем, подвинься-ка, командир, — проговорил Корнилов, присаживаясь на колени перед раненым, — вот удивительные люди, сами раскидывают везде эти противопехотки и сами же на них взрываются!

— Есть такое дело, — согласился Филатов.

Вдруг с украинской стороны послышался свист летящих снарядов.

— Ложись, — крикнул Филатов. Все мигом повалились на землю.

Вокруг начали рваться снаряды. С каждой минутой интенсивность обстрела увеличивалась.

— Надо уходить, — скомандовал Филатов, берите брезент, грузим раненого и рвем в нашу сторону.

— Есть, командир, — отозвался голос в рации.

Под довольно сильным огнем наши бойцы погрузили Тараса на брезентовый мешок, взяли его с четырех сторон и побежали через перелесок в сторону российских позиций.

Пару раз снаряды падали довольно близко от бегущих, и их опрокидывало взрывной волной. Но каждый раз они вставали, снова брали брезент с четырех сторон и продолжали путь.

Покинув зону обстрела, вскоре они добрались и до наших позиций. Опустив живую ношу на траву, все опусти-

лись на землю. Оказалось, что Корнилова ранило осколком в бедро, а Филатова в руку. Но в горячке этой гонки на выживание они еще не чувствовали боли.

Из задумчивости их вывел Тарас, который шептал привстав на локте:

— Братцы, спасибо вам, братцы, это же они по мне... это же они меня хотели.... того.... концы в воду. А вы меня не бросили. Вы меня спасли, братцы, спасибо вам.

Тарас Комко зашелся в беззвучных рыданиях.

30

**Июль 2022 года,
Новый Оскол, Белгородская область.**

Капитан Еремеев шел по улице, обдумывая задание, которое он получил на инструктаже, проводимом совместно группами ФСБ и СВР России. «Брат Рома» был определен как полноценный резидент, а Наташа, его Наташа, оказалась человеком, выполнявшим поручения этого Ромы и давно работавшим на украинскую разведку.

Честно говоря, с Наташей Еремеев впервые почувствовал себя по-настоящему счастливым. Она была легка в общении, ничего от него не требовала, не смотрела с укором и не одергивала, когда капитан мог выпить лишние пять рюмок. А он это дело любил.

Дело в том, что развод с женой Тамарой сильно подкосил Еремеева, он не хотел уходить из семьи, но она настаивала на разводе. Поставив его перед фактом, что все равно уйдет к другому, она натравила на него охранников своего нового ухажера, «для профилактики», как она

потом сказала. После чего Еремеев достаточно долгое время просто не мог смотреть на женщин.

Он очень любил их общую дочку Полину, но между ними встала труднопреодолимая стена в виде высокого забора дома, куда переехала жить его бывшая и финансовыми требованиями, которые она выкатывала якобы в виде «алиментов» на девочку. На самом деле это были настоящие поборы, которые иной раз достигали месячного денежного содержания Еремеева.

Друзья настойчиво советовали ему обратиться в суд с исками об определении порядка общения с ребенком, а также определения размера выплачиваемых алиментов, но Еремеев был уверен, что этим он только еще больше настроит свою бывшую жену против себя и вообще потеряет возможность общаться с Полиной. В том, что у нового мужа Тамары хватит денег и наглости для решения этого вопроса, он не сомневался.

А вот с Наташей он как-то отогрелся душой. Та, узнав в каком положении находится Еремеев подняла такую бучу, что он сначала даже немного испугался. Она не выбирала выражений, на чем свет кляня образовавшуюся пару и ее поведение, а самого Еремеева в мягкотелости.

— Эти сволочи нагнули тебя, Володя, ты понимаешь, нагнули. Эта проститутка мало того, что закрутила на стороне, так она еще с тебя целый год деньги тянула, а спала с другим! Ты чего, не видел ничего?

— Да я, Наташ, на службе все время был. Мы там на объекте оружие важное испытывали. Не до этого мне было. Ну к тому, что близости у нас давно не было, так это я привык. Она могла и месяц и два к себе не подпускать.

— Ну ты даешь, ты что, вообще ничего не понимаешь? Это ж верный признак того, что баба твоя гуляет.

Ну да ладно, это ты проморгал. Но как ты мог на суд по разводу не пойти? Не рассказать там всю правду об ее изменах?

— А зачем?

— А затем, чтобы это в судебных протоколах осталось. Чтобы если она еще чего с тебя спросит, например, квартиру твою, или еще что, ты мог сослаться на то, что уже было сказано.

— Ну может и так, Наташ. Только не хотел я ее видеть. Да и Поинка там у меня растет...

— Ты чего, не понимаешь, что они скоро из твоей дочки подобие себя вылепят. Придумают и вобьют ей в голову историю о том, что ты какой-то не такой — пьяница, ущербный, ненормальный. И все, она будет на тебя по-другому смотреть. А там привыкнет к сытой жизни и забудет тебя. Не будешь ты ей нужен.

— Да как же так? Мы же кровь одна? — испуганно спросил Еремеев.

— Володя, ты совсем идиот? Причем здесь кровь? Я тебе говорю, что из нее совсем другого человека сделают и он тебя знать не захочет. Не знаю, как хочешь, но с этим дерьмом пора кончать. Иди к юристу и готовь документы на иск. Хотя нет, мы пойдем к юристу и добьемся нормального искового. И не бойся ты их. Это они тебя должны бояться. Это от тебя жена ушла к другому. Это с тебя бабки тянут.

Еремееву было приятно, что хоть кто-то заступился за него. Не на словах, а выразил готовность действовать. Кроме того, пару раз Наташа передавала мягкие игрушки для Полины, что окончательно растопило сердце капитана.

И когда Наташа сказала, что хочет познакомить его со своим двоюродным братом, Еремеев не почувство-

вал никакого подвоха. Наоборот, он был рад такому знакомству, тайно надеясь, что и Роман сможет помочь ему в непростом семейном вопросе.

Так сначала и получилось. Рома оказался кампанейским парнем. Они вместе выпили почти два раза по поллитра водочки. Зашел разговор и про Полину, и про бывшую жену Еремеева. Рома продемонстрировал удивительную осведомленность о бизнесе и финансовом благополучии нового главы семьи, в которой теперь росла дочка капитана. Обещал надавить где надо и решать все вопросы. Кроме того, намекнул, что по понятиям бизнесмен еще должен выплатить Еремееву солидную сумму за моральный ущерб.

Ну а потом началось то, что началось. Разомлевшему Еремееву было предложено раз и навсегда изменить свою жизнь. Стать богатым и успешным. А взамен помочь выкрасть лазерный комплекс, который на раз-два сбивал любой беспилотник, будучи оружием уже совсем другого, новейшего поколения.

Наутро Еремеев, конечно, помнил не все детали вчерашнего вербовочного подхода. Но понял, что с визитом в спецотдел медлить нельзя. А потом закрутилось. Его в течение суток допрашивали, прося рассказать всю историю снова и снова. При этом Наташе он говорил, что плохо себя чувствует, а потом его и вовсе «срочно вызвали на службу».

Конечно, капитану было обидно, что и эта женщина оказалась обманщицей. Однако после разговоров с генералом Булавиным, полковником Михайловым из СВР, полковником Климовым и майором Хабаровым из ФСБ, его апатия сменилась неожиданной для него злостью и даже азартом. Теперь ему хотелось переиграть Наташу, доказать, что он не лох и поумнее ее будет. Именно с та-

ким настроением он и шел на их встречу. Первую после получения инструкций от контрразведчиков.

— Любимый, наконец-то! — Наташа бросилась ему на шею. Потом отстранилась и внимательно посмотрела ему в глаза, — что случилось, милый? Я так хотела тебя увидеть, но не могла, у тебя все в порядке? — с кажущейся заботой и одновременно изучающе спросила она.

— Наташечка, все в порядке. Сначала встать не мог, уж больно мы с Ромкой твоим перебрали, а потом меня прямо из кровати вызвали на службу, — как ни в чем ни бывало ответил Еремеев, потирая голову в знак того, что она сильно болела.

— А что же там случилось? — невзначай спросила Наташа.

— Да ерунда какая-то, проверяли режим повышенной готовности. Вот всех и пригнали, — по заученному ответил капитан.

— А с чем это связано? — прямо в лоб спросила Наташа.

Еремеев отметил про себя, что так откровенно она раньше не интересовалась вопросами его службы.

— Ничего особенного, это во всем округе проводится. И нам досталось. Плановая штабная фигня. Но пришлось перетереться, — с досадой сказал Еремеев.

— А-а-а, — протянула Наташа, тогда понятно, пойдем ка мы с тобой ко мне в салон, я тебе прическу подравняю, зарос уже, кофейку выпьем. А там и Рома подойдет. Ты же подумал мой милый, о нашем будущем? Я за это время успела сходить к врачу, срок уже четыре недели. Представляешь?!

Еремеев помнил, что незадолго до встречи с Ромой, Наташа сказала ему, что тест на беременность дал положительный результат. Тогда две полоски очень обрадо-

вали Еремеева. Но ночью полковник Михайлов на пальцах разложил ему, что слова правды в этой информации нет и она выдумана специально для Еремеева, только для того, чтобы сделать его сговорчивее. Но надо было «радоваться» и соответствовать, поэтому Еремеев остановился, приподнял Наташу и сказал:

— Ты, это, Наташ, береги себя теперь, вот кофе не пей. И вина ты много выпила в ресторане. Вредно же, — он строил фразы так, как сказал бы это в обычной ситуации. Сюсюкаться и восторгаться он не умел. Да и актерским талантом его Бог обделил. Поэтому он четко выполнял все указания, которые получил от Булавина, Михайлова и полковника ФСБ Климова, а именно — вести себя естественно и постараться ничем не выдать двойной игры, которую он теперь вел.

— Не беспокойся, любимый, я все знаю. У меня же под Ивано-Франковском у мамы тоже дочка живет — Верочка. Так что я мама опытная, знаю как детей носить правильно.

— У тебя есть дочка? — удивленно спросил Еремеев, — ты мне не говорила ничего.

— Так не время было еще, любимый. Но ты должен знать, что сейчас под сердцем я ношу братика или сестричку для твоей Полиночки и моей Верочки, — ласково сказала Наташа, обнимая Еремеева.

«Сколько пафоса», — подумал Еремеев, — «не захочешь — поверишь». Все же ему было неприятно, что все это неправда.

Зайдя в салон, Наташа быстро и умело поправила ему прическу.

— Ну вот, красавчик мой, пошли пить кофе. А вот и Ромочка идет, — радостно сообщила она.

**Май 2022 года,
завод «Азовсталь», пригороды Мариуполя.**

Отступая под непрерывным натиском союзных войск, подразделение наемников из США, Великобритании и Франции, в котором также оказался Герхард, вступило на территорию завода «Азовсталь».

Обороной здесь заправляли руководители и бойцы националистического батальона «Азов» (запрещенная в РФ организация). После непродолжительных боев на территории завода, командир отряда наемников Джозеф Дели получил приказ заводить свое подразделение в подземные коммуникации объекта. Кроме того, во время каждого контакта с украинскими военными те настойчиво говорили о том, что в случае попадания в плен, иностранцы будут расстреляны на месте. Поэтому не раз предлагали им участвовать в пытках и расстрелах российских солдат, попавших в плен. Наемник Герхард понимал, что это делается для того, чтобы, с одной стороны, повязать их кровью внесудебных казней, а с другой — пробудить в них самые низменные и нечеловеческие качества.

В качестве куратора иностранных наемников один из командиров «Азова» Паламар выделил довольно здорового детину по имени Богдан Сердюк. Богдан знал несколько фраз на английском языке, но с иностранными бойцами общался больше посредством характерных жестов и выразительных звуков.

Спустившись в подземные помещения и цеха «Азов-стали», Герхард был удивлен разветвленности и многоэтажности этих коммуникаций. Несмотря на отключенное электричество, заблокированные на заводе украинские подразделения использовали автономные дизель-генераторы, причем достаточно большой мощности.

Кроме того, помимо связи GSM, у многих из офицеров была еще и спутниковая связь. Это обеспечивало дублирование каналов связи, а экипировка и запас вооружений позволил бы держать осаду довольно долго.

Периодически Сердюк говорил иностранцам, что вопрос разблокирования завода практически решен, что самые крутые политики Запада и, возможно, Турции выступают гарантами их беспрепятственного выхода с завода и перемещения в другую страну.

Герхард решил, что на этом все. Как только они будут деблокированы и перемещены, он достанет из потайного кармана свою кредитку, купит билет в Австралию и навсегда улетит из этого ада.

Смущало Герхарда большое количество мирных жителей, которые вместе с ним оказались в подземельях. Проведя не одну неделю в заблокированных помещениях, мирные жители, среди которых были в основном женщины и дети, несколько раз пытались выйти, но украинские боевики не давали им такой возможности. Герхард понимал, что эти люди фактически являются заложниками и обеспечивают их безопасность. На его

просьбу, обращенную к Богдану создать им хоть какие-нибудь приемлемые условия, тот лишь осклабился, нараспев сказав:

— Импосибл, зей а нот укрэйнианз, зей а рашн.

«Какие же они русские?» — подумал Герхард. Они жили на территории Украины в украинском городе Мариуполе, имели украинское гражданство. — Какие же они русские? — все же решился спросить Герхард.

В ответ Богдан лишь махнул на него рукой.

— Не понимаешь ты ничего, хрен заморский, вот и сиди тихо, дыши ровно, не зли, итак все на пределе.

Дни текли за днями. В один из них Герхарду удалось зарядить телефон и набрать Саре. Узнав где он, Сара сказала, что весь мир занимается их освобождением, и что, скорее всего, мировым лидерам удастся убедить российского президента отпустить или обменять их. Герхард сказал ей, что очень соскучился по ней и по сыну и что при первой возможности вылетает в Сидней, а оттуда домой.

Она вроде как обрадовалась, но как-то безжизненно согласилась с ним и обещала дожждаться. Ее настрой не понравился Герхарду, но в данный момент он не мог ничего изменить. Он постарался как можно ласковее попрощаться и пошел обратно в бывшую цеховую контору, где и были оборудованы многоярусные спальные места для иностранцев.

В это время этажом выше шло совещание руководства «Азова» и других старших офицеров, оказавшихся на заводе.

— Может быть, прекратить эти ежедневные представления с репортажами отсюда? — предложил высокорослый полковник, замкомандира бригады, которой фактически уже и не было.

— Не, пусть передают, — сказал Паламар. Это же показывает наш боевой дух, нашу решимость победить врага, даже находясь в подземелье. И потом не только вся Украина смотрит эти видео. В новостях они расходятся по всему миру. И наши друзья на Западе каждый день помнят о нас, стараются что-то предпринять.

— В последнее время ситуация становится критической, я не уверен, что все закончится так же радужно, как об этом говорят в прессе, — усомнился замкомандира бригады, пожалуй единственный, кто позволял себе просто выпить водки, а не глушил себя наркотиками и транквилизаторами.

— Ну че ты ссышь, полкан? — спросил рыжий азовец по фамилии Стасюк? — Ты не ссы, все пучком будет. Ща там расстараятся все и выйдем мы как короли отсюда. Потому как мы — лучшие, высшая раса.

— Слышь, рыжий, ты бы заткнулся. Вчера так обдолбался, что хотел бабу умершую сварить и закусить ею, — осек его Паламар.

— А че такого, командир? Это, говорят, полезная вещь и питательная, — вполне обычным тоном ответил ему Стасюк.

— Полезная... — передразнил его Паламар. Сейчас придет с сеанса связи наш безопасник и узнаем, что там полезного в Киеве нарешали.

Открылась дверь и вошел подполковник Линник — кадровый офицер СБУ, попавший на «Азовсталь» вместе с отступающими подразделениями.

— Так, хлопцы, сидайте. Информации много и вся она, откровенно говоря, полное дерьмо, — начал он.

— Ну давай, не томи, — начали торопить его собравшиеся.

— Первое! Нам, скорее всего, придется выходить. Поскольку мы гражданских отдали, то русским ничего не стоит просто газ нам сюда пустить и все, нету нас. Никто на уступки и уговоры не идет, чего только им не предлагали.

Второе! Центр говорит, что нам надо максимально зачиститься. В том смысле, что не тащить с собой наркоту, лишние фото в телефонах и вообще, загашенных туда не выводить.

И третье. В центре очень возражают, если хоть один иностранный наемник попадет наверх. Их сразу отсопотируют и будут допрашивать. Это раз. Потом это элемент большой политики, это два. Так что решайте, кто из вас эту работу сделает. Кстати, сколько у нас иностранцев? — совершенно спокойно уточнил Линник.

— Та девять человек всего, — ответил Паламар.

— Значит сроку вам до утра. Убрать, тела и документы сжечь, чтобы следа от них не осталось. Понятно?

Паламар посмотрел на Богдана:

— Тебе понятно, чего делать? — он вскинул голову и вопросительно повел бровями.

— Чего уж тут не понять, понятно все. Только я это, по одному их буду, чтобы бучи какой не было, — задумчиво сказал Богдан.

— Да мне по фиг, как ты это делать будешь, дебил, мне главное — результат, — разозлился Паламар.

— Да иду, уже иду, — проконючил Богдан.

— Документы, кредитки и телефоны в отдельный пакет сложи, сами здесь уничтожим, чтобы наверняка, — смягчился Паламар.

Иностранцы играли в карты на сигареты. Герхард пару раз срывал банк, так что перед ним лежало около десятка сигарет. Скоро надо было делать что-то на ужин

и все просто прожигали время перед приемом пищи. Еда стала практически единственной радостью для них после крепкого чая и сигарет. Внезапно в комнату вошел их куратор Богдан и, обратясь к старшему сказал:

— Там, это, сверку документов проводим, центр просит сообщить, кто здесь есть, чтобы связаться с представителями ваших стран и те дополнительно надавили на русских. Я, это, в помещение бывшего холодильника зайду, а вы тогда по одному ко мне заходите. Там переводчик будет все записывать и фиксировать.

Первым за мощную дверь с крутящейся ручкой зашел Джозеф Дели. Через пару минут оттуда вышел Богдан и сказал:

— Заходите, следующий, пока командир ваш пишет, другого опросим.

Герхард решил, что чем быстрее он передаст свои данные, тем быстрее можно будет идти готовить еду. Он встал и прошел с Богданом за тяжелую дверь.

Зайдя во внутрь он не увидел переводчика и даже стола, за которым тот мог бы поместиться. Вместо этого, последнее, что увидел Герхард в своей жизни, — бездыханное тело Джозефа на бетонном полу. Около его головы уже появилась довольно большая лужа густой темно-красной крови. Растерянный Герхард не успел даже обернуться — пуля вошла прямо в голову, лишив возможности чувствовать и жить.

**Июль 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

Украинские войска отступили из Попасной в направлении Бахмута, при этом подорвав железнодорожный мост в прилегающем населенном пункте Калиново-Попасная. Основным очагом сопротивления на северном направлении оставался вагоноремонтный завод и прилегающие многоэтажки, Российская армия и корпус народной милиции ЛНР штурмовали позиции ВСУ с нескольких направлений. Ожесточенные бои шли в восточных кварталах Северодонца и лесах со стороны Воеводовки.

Разведгруппа Шалаева передвигалась по краю огромного зеленого поля, стараясь держаться ближе к кромке леса. По приказу командира они остановились на короткую передышку. Отправив бойца с позывным «Соло» на тридцать метров вглубь леса на разведку, бойцы присели на теплую и густую траву. Солнце уже изрядно нагрело ее и она источала ароматы лета, мира и спокойствия. Бойцы, привыкшие постоянно мониторить периметр, время

от времени внимательно вглядывались в раскинувшееся разнотравье. Было видно, что поле не засеяно и не обработано, кое-где даже проросли небольшие березки, на что и обратил внимание «Рамзес».

— Какие земли пропадают, — с сожалением сказал он.

— Да, тут можно два урожая собирать, — по-хозяйски оглядел окрестности «Башкир».

— Ничего, пусть постоит земля годик, отдохнет. Хотя, как дело пойдет, может и успеют еще чего посадить и урожаем снять, — поддержал разговор Шалаев.

— Надо раны сначала залечить, вон как воронками все поле изрыто, — махнул рукой в сторону поля «Серый».

— Это ты прав, раны надо будет не только земле, но и городам и деревням, а, главное, людям залечивать. Столько их уже накопилось, а сколько еще будет, — задумчиво сказал Шалаев.

— Верно подметил, командир, эта война четко показала, кто есть кто. И если кому-то все предыдущие восемь лет было непонятно, с кем и с чем мы имеем дело, то теперь все, как на ладони, — отметил «Рамзес».

— Понимают-то, может, и многие. Но для некоторых красивая картинка все еще важнее правды и справедливости. Вот и получается, что тыл у нас какой-то странный. Кто-то песни украинских националистов на свадьбах распевает, кто-то стекла машин с буквой Z бьет, короче, кто в лес, кто по дрова. Странно это... Хотя в тылу тоже победа куется — с некоторым сожалением рассудил Шалаев.

— А нам переучиваться на ходу приходится, — заметил «Серый».

— Ты про что? — спросил Шалаев.

— Мы привыкли к городским условиям в боях, а тут много открытого пространства. Укры пункты управ-

ления в подвалах делают, а сверху камеры ставят. Вот и не понимают многие бойцы, как они их срисовывают. Только сейчас начали их точечными ударами уничтожать.

— Да, опыт у нас уникальный получается, — подтвердил Шалаев, — делиться бы им побольше и почаще. Хотя бы ходить на расстоянии 5 метров друг от друга, чтобы всех одной миной не накрыло. А минометы польские LMP — 2017? Легкие, наполовину из композитов сделаны, укры их как рюкзак за спиной носят. Остановились, вынули, выстрелили, а дальность — километр почти. Их заряды вниз не падают, взрываются в верхушках деревьев и всех потом осколками засыпает. Ни окоп, ни щели разные не помогают. Это только тот поймет, кто хоть раз под их огонь попадал.

Помните, как мы на той неделе под утро с первым корпусом ЛНР село освобождали? Отработали артой, повесили дымовую завесу и на нескольких БМП ворвались с двух сторон. Как заточкой село прошили, миновали центр, развернулись, расширили фланги, а потом начали зачистку. В течение дня к нам резервные группы подошли, потом танковый взвод. Еще вечер не настал, а село уже свободно было. У нас два трехсотых, а противник тогда человек под тридцать только двухсотыми потерял. И в плен пачками сдавались.

В этот момент в наушниках послышался взволнованный голос «Соло»:

— Внимание, в нашем направлении движется до роты противника, меня пока не заметили, что делаем, командир?

— Если не видят пока, двигай к нам, постараемся отойти. Надо избежать боестолкновения, силы не равны, — приказал Шалаев.

— Понял, «Летчик», двигаю к вам, — последние слова «Соло» потонули в грохоте выстрелов.

«Черт, спалили», — подумал Шалаев.

Через несколько секунд из леса к ним выскочил «Соло» и группа рванула что есть силы вдоль леса по кромке поля. Они успели пробежать метров сорок-пятьдесят, когда Шалаев увидел выскочивших из леса первых украинских бойцов и приказал группе залечь.

— «Мага», «Башкир», прикрывайте, остальные перемещаемся в лес, — приказал он.

Некоторые бойцы противника тоже залегли, а некоторые стреляли с колена по группе Шалаева. «Мага» занялся теми, кто опрометчиво решил показать лихость и подставил свою голову и торс в перекрестье его прицела. За общей автоматной перестрелкой было не слышно одиночных выстрелов его винтовки, однако, несмотря на довольно плотный огонь, шесть человек он уложил подряд, как уток в старом советском тире. И тут же поменял позицию, переместившись на несколько метров в сторону леса.

Когда основная группа уже оказалась в лесу, в наушниках послышался голос «Башкира»:

— Командир, меня ранило.

— Куда? — спросил Шалаев.

— Плечо, нога, — ответил «Башкир».

— Так, всем оставаться здесь, готовиться к обороне. «Мага», прикрой меня, к вам иду, — сообщил в рацию Шалаев.

Он подбежал к кромке поля и энергично пополз в сторону лежавшего метрах в двадцати пяти от него Айдара Гайнуддинова. Тот, несмотря на ранения, продолжал отстреливаться, однако, судя по всему, поменять позицию не мог.

Когда Шалаев подполз к нему вплотную, увидел, что два бойца ВСУ целятся в их сторону из ручных гранатометов. Первый выстрел пришелся по тому месту, где еще несколько минут назад был «Мага». Граната легла чуть правее, но не поменяй он позицию, тяжелых последствий было бы не избежать. Шалаев понял, что следующий выстрел будет по «Башкиру» и инстинктивно постарался максимально его прикрыть собой. Но второй выстрел оказался не таким прицельным как первый, граната легла далеко позади наших спецназовцев.

Шалаев перевернулся на спину и, подхватив «Башкира» за бронезилет над плечами, потащил его в сторону леса. С его кромки по засевшим в поле ВСУшникам работали автоматы «Рамзеса», «Серого» и «Соло». С новой позиции прицельный огонь вел «Мага». Противник попробовал еще раз использовать гранатомет, чтобы не дать Шалаеву с «Башкиром» добраться до леса, но «Мага» метким выстрелом уложил довольно рослого бойца с желтой повязкой на рукаве.

Наконец-то они добрались до заветных деревьев. Там к ним подползли остальные бойцы группы.

— Чую, по лесу они нас обходят, — сказал, показывая рукой вглубь чащи, «Рамзес».

Шалаев понял, что решение нужно принимать немедленно.

— Так, грузите «Башкира» на брезент и быстро по кромке леса и поля двигайтесь на северо-восток. По дороге вертушку запрашивайте. Если не получится, постарайтесь просто от них оторваться. Я буду прикрывать ваш отход. Скиньтесь мне патронами и каждый по гранате дайте.

— Командир, так не пойдет, я с тобой остаюсь, — горячо проговорил «Мага».

— Не пойдет приказы обсуждать, лейтенант Чернышев, — жестко сказал Шалаев, — быстро грузите «Башкира» и бегом, марш.

— Не, ну командир..., — начал «Рамзес»

— Я сказал, бегом, марш — прикрикнул на них Шалаев. И уже мягко добавил:

— Давайте, ребята, торопитесь.

В ответ бойцы быстро раскатали брезент, уложили туда «Башкира», скинули Шалаеву по гранате и оставили еще шесть полных автоматных рожков. Подхватив друга, они уже готовы были тронуться в путь, но внезапно остановились и все скопом посмотрели на Шалаева.

— Спасибо тебе, командир, — проговорил «Соло». Нижняя губа у него задрожала. «Мага» просто отвернулся в другую сторону.

— Так, некогда нюни разводить, давайте, дуйте быстрее. Свидимся еще, не бойтесь, — постарался ускорить их Шалаев.

Бойцы начали движение и вскоре скрылись за деревьями. Шалаев выбрал наиболее удобную позицию за широким деревом, разложил на ярко-зеленом мху имеющийся арсенал, проверил две пистолетные обоймы. Не успев написать СМСку Миле со словами: «Я тебя люблю, береги себя и сына», как за деревьями замелькали силуэты врагов.

Шалаев подпустил противника поближе и открыл огонь. Он четко видел, как один из ВСУшников закрутился на месте, а потом рухнул на землю, а второму очереди прошило грудную клетку и он отлетел к стволу стоящего рядом дерева, ударился об него и как подкошенный рухнул на землю.

После этого по позиции Шалаева начали работать сразу с нескольких точек. Да так, что он вынужден был залечь,

закопавшись поглубже в мох. Вдруг он почувствовал, как что-то обожгло его руку повыше локтя. Подняв глаза, он понял, что ранен. «Слава Богу, что левая», — подумал капитан. Он решил поменять позицию, прополз под огнем два метра и скатился в небольшое углубление в земле, на дне которого лежала давно высохшая большая ветка.

Вот оттуда у него снова появилась возможность вести прицельный огонь, чем он и воспользовался. Неожиданно стрельба стихла, и неподалеку он услышал голос, который обращался к нему с явным кавказским акцентом.

— Слышишь, русский, мы знаем, что ты один остался, тебя все бросили и патроны у тебя уже на исходе. Сдавайся и останешься жить. Если будешь дальше стрелять, мы тебя уничтожим. Будем убивать долго, больно и мучительно. Ты будешь сильно страдать. Так что сдавайся. Ты понял? Согласен? Если согласен, выбрасывай из этой ямы свое оружие и выходи с поднятыми руками.

— Что молчишь, — снова продолжил голос, — мы на ремни тебя будем резать. Медленно, так, что ты увидишь, как мы будем снимать с тебя кожу. А так живым останешься, обменяют тебя, домой вернешься, чего молчишь?

Понимая, что надо тянуть время, Шалаев крикнул:

— Я подумаю.

— Не надо думать, генацвале, выходи или мы тебя сейчас подраним немного и живым возьмем, но тогда ты пожалеешь, что родился.

В ответ Шалаев пустил длинную очередь на звук этого голоса. Там кто-то вскрикнул, и послышалось длинное ругательство на грузинском языке. Шалаев понял, что в составе этого подразделения ВСУ оказались грузинские наемники, которые отличались особой жесткостью по отношению к нашим военным. Он улыбнулся про себя, так как был доволен, что ему удалось ранить или даже

убить одного из них. В ответ на его позицию прилетела граната. Она закатилась под старую ветку, так что у Шалаева едва хватило времени и ловкости чтобы ее достать оттуда и закинуть обратно. Из-за этого, она взорвалась в воздухе и изрядно посекала готовых броситься в атаку боевиков. Решив закрепить успех, Шалаев кинул еще три гранаты по направлениям наступления противника.

Они взорвались практически одновременно, окатив Шалаева кусками мха и целым градом листьев и еловых иголок. На минуту все затихло, а потом снова по его позиции начали работать из автоматов. А затем боевики полезли с трех сторон, не особо прячась. Было понятно, что они хотят подавить этот очаг сопротивления как можно быстрее.

Шалаев стрелял короткими очередями, передвигаясь с одной стороны ямы на другую, стараясь отработать все направления атаки. По направлению леса, откуда лезло больше всего врагов, он кинул еще две гранаты. Там противник залег. Но с двух других подходил все ближе. Внезапно Шалаев почувствовал тупой удар в области поясницы и понял, что не чувствует ног. Обернувшись назад, в сорока метрах от себя на дереве он мельком заметил солнечный блик. «Снайпер сработал», — понял Максим. «И в поясницу мне зарядил, значит живым хотят меня взять», — мысль зазвучала одновременно со стуком в висках. Он осознал, что теряет кровь, а вместе с ней и силы для продолжения боя. Пристегнув к автомату последний магазин, Шалаев открыл огонь прямо перед собой, поскольку поворачиваться теперь мог с большим трудом. Он побоялся это делать, так как от боли мог потерять сознание. Расстреляв магазин, Максим достал пистолет и продолжил стрельбу из него. Он даже увидел, что один из его

выстрелов пришелся точно в цель, Один из осмелевших наемников получил пулю прямо в голову и упал навзничь.

Когда кончились обе пистолетные обоймы, он выдернул чеку из гранаты, зажал ее в правой руке, лег на спину. Вдруг подул ветер, кроны деревьев разошлись и он увидел небо. Оно было, на удивление, синим и красивым. По нему проплывало белое облако, похожее на голову ангела. Именно такой стоял у них в серванте. Его принесла Мила с воскресной ярмарочной распродажи, Мила понимала, что потратила большую часть взятых с собой на продукты денег, на эту дорогую фигурку ручной работы и немного извиняясь, тогда сказала ему:

— Максим, извини, я не могла не купить его.

Шалаев, привыкший к романтической натуре своей жены, снисходительно ответил:

— Купила и молодец, пусть стоит. А вообще, красивый он.

— Можно я назову его Максим, — тихо спросила Мила.

— Это почему ты хочешь назвать его моим именем, — удивился Шалаев.

— Потому, что Максим — мой ангел. Ангел — хранитель, — ответила Мила и обняла его.

Шалаев, глядя на облако, мысленно сказал ему: «Ну что, теперь ты будешь ее беречь». В этот момент в яму прыгнуло три человека и склонились над ним.

— Ну что, Реваз, живой он? — спросил один из них.

— Вроде живой, глаза открыты, — ответил боевик с белой бородой и завязанной зеленой косынкой на голове.

В этот момент Шалаев разжал руку.

33

**Июль 2022 года,
Севастополь — Краснодар, Россия.**

Олеся Филатова собиралась ехать на юбилей к отцу. Вадиму Петровичу Винник исполнилось пятьдесят пять. Они с матерью Олеси уже пять лет жили в Краснодаре, куда ее отец был переведен по работе. Поскольку аэропорты Крыма и Краснодара были временно закрыты, она взяла билет на поезд, набрала на рынке крымской клубники и черешни, а две банки солений положила ей Мария Федоровна. Она тоже была приглашена на семейный праздник, но предпочла остаться в Севастополе, не считая возможным куда-либо уезжать, пока ее сын находился в зоне боевых действий. Кроме того, у нее на руках оставался маленький Саша, который был привязан к бабушке и даже с видимым удовольствием читал с ней букварь и учился счету.

Мария Федоровна с легкостью отпускала Олеся, понимая, что той хочется повидаться с родителями, да и предстоящая поездка должна была отвлечь ее невестку от постоянного напряжения.

Миновав степные районы Крыма, поезд медленно подъезжал к Керчи и уже оттуда въехал на Крымский мост. Все пассажиры прильнули к окнам — зрелище действительно было красивым, величественным и завораживающим.

На вокзале ее встретил отец, и они сразу же поехали в родительский дом. Если раньше ее родители предпочитали жить в квартирах, то с возрастом потянулись к земледелию и купили довольно просторный дом в городском частном секторе.

На пороге Олесю встретила мама.

— Ой, Олесечка, — всплеснула руками она, обнимая дочь, — как же давно мы с тобой не виделись! Как ты хорошела, повзрослела.

— Да уж мам, повзрослела, это точно, — решила отшутиться Олеся.

— Пойдем, я тебе покажу, что у нас нового в огороде. Ты в прошлый приезд наш парник видела?

— Нет, мам, парник не видела.

— Тогда идем скорее, посмотришь, какие там помидоры, огурцы и перец скоро будут! — восторженно пригласила ее мама.

Осмотрев все огородные новшества, все сели пить чай. Но перед этим Олеся приготовила блинчики с крымской клубникой по рецепту Марии Федоровны.

Вадим Петрович ел блинчики с удовольствием, не в силах остановиться. Первой заговорила мама.

— Вадя, ты чего это мечешь сладкое? Потом сам будешь жаловаться, что брюки не застегиваются у тебя, а на ремне надо будет новую дырку делать.

— Так ведь совершенно невозможно остановиться, вкуснятина такая! Какой-то наркотик прямо! — отвечал ей Вадим Петрович, принимаясь за новый блинчик, —

Олесечка, а ты завтра мне утром свои фирменные сырники со сгущеночкой сделаешь?

— Конечно, пап сделаю, если мама разрешит, — Олеся с улыбкой посмотрела на маму.

Та в ответ только махнула рукой, мол, делайте, что хотите.

Отцовский юбилей был намечен на пятницу, до него оставалось еще два дня, которые Олеся провела, в основном, с мамой, рассказывая о жизни в Севастополе, службе Алексея и его успехах. Кроме того, после возвращения мужа из командировки, они должны были получить новую квартиру как молодая офицерская семья.

Дни пролетели незаметно и в пятницу утром все поздравляли Вадима Петровича. Телефон разрывался от звонков, поэтому поздравления от Марии Федоровны и Леши он получил с телефона Олеси. На семь вечера был намечен банкет в одном из лучших городских ресторанов.

— Мам, а кто будет сегодня вечером на банкете, — спросила Олеся.

— Так, ну все начальство с работы, потом Ягунковы, Манукян, Федоровы и Красносельские. Кстати, Эдик спрашивал про тебя, — довольно игриво ответила мама.

Лицо Олеси помрачнело.

— С какого это.... он спрашивал про меня? Что ему нужно? Ой мам, давай может я не пойду, не хочу я его видеть.

— Олесь, ты чего. Ну просто спрашивал. Он с Машей Красильниковой развелся. Только семь месяцев прожили. Там такая история, закачаешься... мне тетя Люда Красносельская рассказывала, так вот...

— Так, мам, я не хочу качаться, просто можно сделать так, чтобы я не видела этого человека? — довольно строго спросила Олеся.

— Доченька, ну как же я так сделаю, дядя Миша же папин друг. Вот мы их и позвали. Может, Эдик и не придет вовсе. У него свои дела, бизнес здесь, автосалоны, и еще он мебелью неплохой торгует. Вон, столик журнальный и кресло, на котором ты сидишь, от него, — ответила мама.

Олеся медленно встала с кресла.

— Даже так, не знала, ладно пойду я переодеваться, скоро же ехать?

— Да не переживай ты так, он милый мальчик, очень обходительный и воспитанный. Манеры просто удивительные у него... Ах да, — спохватилась мама, — пойдем действительно уже готовиться, скоро на выход.

В ресторане было довольно шумно. Нанятый ведущий всю расхваливал достоинства юбиляра, а сослуживцы отца сделали про Вадима Петровича документальный фильм, который и крутили здесь же, на большом экране.

Олеся чувствовала, что Эдик придет. И не ошиблась. Поначалу Красносельские пришли вдвоем и у Олеси слегка отлегло от сердца. Но через час после начала банкета в дверях появился Эдик с двумя большими букетами роз. Красный букет достался маме, а вот с букетом розовых роз он подошел к Олесе и с поклоном вручил ей цветы. Все взгляды собравшихся были прикованы к этой церемонии.

Потом Эдик подошел к Вадиму Петровичу и вручил ему подарок в красивом пакете. Тот обнял его и поблагодарил. После этого Эдик проследовал за стол к своим родителям, сел на стул, постелил салфетку на колени и указал официанту на то, что будет пить водку.

Праздник был в самом разгаре, играла живая музыка. Местная прима — темноволосая тетушка в теле пела песню про то, как к единственному нежному бежит по полю снежному. Мужчины уже изрядно подвыпили, а дамы болтали о своем. И тут к Олеся подошел Эдик.

— Олеся, позволь пригласить тебя на танец? — вежливо спросил он.

— Я не танцую, — сухо ответила Олеся.

— Ну, Олесечка, не отказывай Эдику, он вон какой красивый букет тебе подарил, — попросила мама. Из-за соседнего столика на нее смотрела тетя Люда, мама Эдика, просительно сложив ладони около подбородка.

Вздохнув, Олеся встала и они вышли на середину зала.

— Олесь, ну не обижайся на меня, — начал разговор Эдик.

— Знаете что, Эдуард, давайте танцевать молча, — осекла его Олеся.

Эдик помолчал несколько секунд и потом продолжил:

— Ты тогда все не так поняла, это было не то, что ты подумала.

— Ну да, я принесла тебе пирог в общагу, а ты там Маше уже под кофточку руками залез. Она глаза закатила и вы все такие романтичные сидите. Что я не так поняла?

— Ну все не так. Я просто хотел, как это сказать... приударить за ней для вида, — пытался объяснить Эдик.

— Для какого вида? То, что у нее папа начальником полиции был назначен, это я помню. Это тебя прельстило? — в лоб спросила Олеся.

— Ну как сказать, она мне просто нужна была для дела. А любил я всегда тебя. И мы должны были быть вместе. Но видишь как, вмешалась эта нелепая случайность. И ничего у нас не вышло. Но я всегда мечтал

о тебе. Думал все это время. Олесь, я здесь в шоколаде, у меня все есть. Я сейчас в кризис на машинах знаешь как заработал? Ух. И другие направления у меня развиваются. А Машку я бросил давно, там все. Да, считай и не было ничего. Я знаю, что у тебя ребенок есть в Севастополе. Бери его и приезжай ко мне. Я тебя и с ним приму. У меня дом шикарный, ты королевой будешь здесь. А родители мои, знаешь, как тебя любят? К тому же наши родоки дружат. У нас такой мощный союз может получиться, всем на зависть. Своих детей потом родим, все пучком будет, — скороговоркой выпалил Эдик.

Олеся с изумлением смотрела на него. В подростковом возрасте они несколько раз виделись на общих праздниках, а в институтские годы Эдик начал ухаживать за Олесей. На фоне сверстников он выглядел достаточно умным и предприимчивым, у него всегда были деньги на рестораны и цветы и он умел увлечь интересным рассказом. Девчонки так и липли к нему, тогда это очень льстило Олесе.

Отношения развивались довольно быстро, и Олеся уже была почти готова сдать под натиском галантного кавалера. Но случилось то, что случилось. Однажды Олесе захотелось порадовать Эдика вкусным пирогом, который она специально накануне испекла для него и решила принести ему прямо в общаговскую комнату, которую тот занимал целиком, очаровав и слегка коррумпировав местного коменданта тетю Шуру.

Олеся дернула дверную ручку, та сначала не поддавалась, она дернула сильнее, с той стороны упал стул, который был призван удерживать ручку в горизонтальном положении и не дать двери открыться. Ну а представившееся зрелище двух возившихся на кровати людей, не оставляло сомнений в том, что там происходит. Бросив

пирог на пол, Олеся убежала прочь, пытаясь справиться с бешено колотившимся сердцем и градом льющихся из глаз слез.

Потом были какие-то нелепые визиты тети Люды к ним домой, которая смотрела на Олесю глазами кота из мультфильма про Шрека. Потом появился Эдик с цветами, которые были выброшены Олесей с балкона.

Даже мама тогда просила Олесю простить Эдика, мол, ничего такого и не было. Ну сидели рядом, так это Машка сама к Эдику приставать начала. Но каждый раз, когда Олеся задумывалась над тем, чтобы простить Эдика, она вспоминала закатившиеся Машкины глаза и дрожащую от желания мокрую нижнюю губу Эдика. От этого ей становилось противно, всю ее передергивало, и она вообще удивлялась тому, как могла рисовать в своем воображении сцены близости с этим человеком.

И вот сейчас он пытался все вернуть. Расписывал перед ней замечательные перспективы и сулил золотые горы. Но Олеся знала, что машкины глаза и нижняя губа Эдика, и его рука, которая бессовестно шарилась под задранной кофтой, никогда и никуда не сотрутся из ее памяти.

— Эдик, ты все это серьезно сейчас сказал? — спросила Олеся.

— Конечно, моя дорогая, ма шерс, май лав, — на всех языках решил ответить Эдик.

— Эдик, ты, наверное, неплохой человек. Спасибо тебе, конечно, за отношение, если это, конечно, все правда, — начала Олеся.

— Правда, правда, — шептал ей на ухо Эдик.

— Но я не верю тебе и это самое главное препятствие. Кроме того, я замужем, я люблю своего мужа и не собираюсь от него уходить, — продолжила Олеся.

— Да ладно, не начинай мне про своего морячка. Понимаешь, он ограничен своей службой, причем во всем. Он не свободный человек. Больше своего жалования он никогда не заработает, вы будете годами ждать лучшей жизни. И так вот она, перед тобой эта жизнь. Жизнь, которой ты достойна. Мы будем свободны во всем. Деньги дают свободу, неограниченную свободу. Жить так, как нам захочется. Ездить туда, куда хочется, покупать то, что хочется. И тех, кого хочется, — с жаром стал объяснять ей Эдик.

— Ты ненормальный человек, Эдик. Я не хочу ничего покупать. Мы с мужем прошли большой путь вместе, я в нем уверена. И с ним я себя чувствую под защитой, под настоящей защитой, понимаешь? И я не собираюсь даже думать о том, чтобы поставить его в неудобное положение, — спокойно ответила ему Олеся.

— Не, ну ради бога, я что, против? Я тебе про другое совсем говорю, про то, что я тебя люблю, по-прежнему люблю и хочу сделать тебя счастливой, — не унимался Эдик.

В этот момент отец жестом показал, что у Олеси звонил оставленный на столе телефон. Извинившись, она быстро подошла к столу и взяла телефон. Там послышался взволнованный голос Марии Федоровны:

— Олеся, мне сейчас звонил адмирал Елагин. Леша ранен, но ничего страшного. А вот Максим погиб, слышишь, Олеся, наш Максим погиб, почти закричала она, — Мила ничего пока не знает. Как же ей сказать? Олеся, как ей сказать?

— Господи, — только и смогла сказать Олеся, инстинктивно сев на стул, Мария Федоровна, дорогая, я выезжаю, скоро буду дома.

— Доченька, что с тобой? Ты совсем белая, — спросил у нее Вадим Петрович.

— Леша ранен, мне надо ехать, пап, — ответила Олеся, после чего вскочила, схватила сумочку и телефон и, выбежав на улицу, села в такси и поехала на вокзал.

**Июль 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

— Что разведка доложит? — спросил заместитель министра обороны генерал-полковник Жданко, который вел совещание.

— Товарищ заместитель министра, полковник Скороваров докладывает. Ночью нами перехвачены переговоры грузинского наемника с позывным «Шота» со своим родственником. Так вот, этот наемник рассказал, что вчера они наткнулись на нашу разведгруппу, завязался бой. Один из бойцов группы, скорее всего командир, остался прикрывать отход своих товарищей, до последнего сражался, был дважды ранен и потом подорвал гранатой себя и трех наемников, которые находились рядом. Даже этот «Шота» с уважением рассказывал об этом и восхищался мужеством нашего бойца.

— Что скажет генерал Никифоров по этому поводу? — спросил заместитель министра сидящего рядом командующего луганским направлением спецоперации.

— Так точно, товарищ заместитель министра, аналогичная информация есть и у нас.

— Ну так доложите нам, — сказал генерал Жданко.

— Разведгруппа нашего спецназа под командованием капитан-лейтенанта Максима Шалаева выполняла боевое задание.

— Как, как фамилия командира группы? — переспросил адмирал Елагин.

— Шалаев, капитан-лейтенант Шалаев, ваш флотский, товарищ адмирал, — ответил генерал Никифоров. Так вот, в ходе выполнения боевого задания они столкнулись с отрядом противника численностью около роты, в том числе там было подразделение грузинских наемников, по оперативным данным, принимавших участие в истязаниях наших военнослужащих.

Несмотря на превосходящую численность противника, наша группа вступила в бой. В ходе него был ранен сержант Гайнуддинов. Командир группы капитан Шалаев вытащил его из-под обстрела на себе. После чего приказал группе выносить раненого, а сам остался прикрывать их отход. В ходе боя он в одиночку уничтожил восемь боевиков. Когда кончились патроны и враги окружили его, он подорвал гранатой себя и трех подошедших к нему вплотную грузинских наемников. За время боя группа оторвалась от преследования и в заданном квадрате была забрана вертолетом наших ВКС.

— Сколько всего было уничтожено нацистов в ходе боя? — спросил заместитель министра.

— По нашим данным в ходе боя было уничтожено более 25 нацистов, примерно 11 человек ранено, — доложил Никифоров.

— Так, сегодня же готовьте представление о присвоении капитан-лейтенанту Шалаеву звания Героя России

посмертно. Сразу после совещания я лично доложу министру обороны. Остальных участников группы тоже представьте к государственным наградам в зависимости от проявленного мужества и героизма, — дал распоряжение генерал-полковник Жданко и продолжил:

— Вот какие у нас ребята! Какое мужество и какой уровень самоотверженности!

— Я знал этого парня, — поддержал его адмирал Елагин. Это один из тех двух офицеров Черноморского флота, которых мы всей страной вытаскивали из украинского плена, помните, товарищ заместитель министра?

— Как не помнить, помню, конечно. На чьего-то сыночка — наркомана их тогда удалось поменять. А второй парень где сейчас? — спросил генерал Жданко.

— Капитан-лейтенант Филатов тоже здесь, воюет, оказалось, что на моем направлении, — ответил Елагин. Я, кстати дня три назад вам представление на него направил. Он в ходе боя раненого украинского офицера с оторванной ступней с поля боя вынес. Сам получил легкое ранение в руку. А по офицеру этому украинскому хотелось бы вам отдельно доложить.

Жданко посмотрел на кадровика.

— Что у нас с представлением на Филатова?

— Товарищ генерал-полковник, вчера вы завизировали представление адмирала Елагина о награждении капитан-лейтенанта Филатова медалью «За отвагу».

— Ну и хорошо, а по офицеру ты, Александр Николаевич, потом останься, доложи мне, что там к чему. Заодно и министру наберем.

Елагин в ответ кивнул.

— Так, еще один важный момент. Нам надо найти и доставить на родину тело капитана Шалаева, — поставил задачу заместитель министра, — понимаю, что там

всякое может быть, но нам надо проверить место боя и сделать все, чтобы и сослуживцы и родственники могли проститься с героем. Это дело чести.

— Можно мои ребята это сделают? — спросил генерал-майор Аллаутдинов.

— Почему нельзя, можно конечно, выдвигайтесь сразу тогда, — приказал Жданко.

— У меня две просьбы, можно? — спросил Елагин.

— Давай, — согласился Жданко.

— Апти, я прошу тебя, возьмите с собой капитана Филатова, у него легкое ранение в руку, но уверен, что он с вами пойдет. Они с Шалаевым большими друзьями еще с училища были, вместе в СИЗО украинском сидели, потом семьями дружили. Для него это как последнюю дань уважения будет отдать другу.

И второе, саперов возьмите, пригодятся, — посоветовал Елагин.

— Не возражаю, — поддержал его генерал-полковник Жданко.

В ответ генерал Аллаутдинов кивнул и вышел выполнять задание.

— Что у нас с пленными с «Азовстали»? — спросил генерал Жданко.

— Товарищ генерал-полковник, все пленные переданы донецкой стороне и находятся в следственном изоляторе в Еленовке. Там их посетили представители Красного креста и украинской стороны. С каждым работают военные следователи на предмет выявления военных преступлений и иных противоправных деяний, совершенных в отношении мирного населения. Начал давать показания замкомандира запрещенного «Азова» Паламар. Песня у всех одна, не был, не участвовал, не стрелял, не убивал. Служил техником, поваром, водителем,

ничего про убийство мирных и казни наших пленных не знаю, — доложил представитель военной прокуратуры Андреев.

— Что значит, не участвовал и не стрелял? — возмутился Жданко. Вы давайте копайте лучше. То, что сейчас сами про себя выдумывать будут, вообще никого не волнует. Что следствие молчит?

— Товарищ заместитель министра, мы с каждым строго индивидуально работаем, — начал доклад представитель военного следствия полковник Рыжов. Изучаем всю подноготную, свидетельские показания, татуировки, телефоны, что в сети по каждому есть, что свидетели говорят. Кроме того, у смежников каждый день появляются неплохие агентурные позиции в их среде, что тоже помогает выявлять объективную информацию.

Так, мы получили сведения, что перед самой сдачей в плен на территории «Азовстали» были убиты несколько иностранных наемников. Их тела были сожжены в печи, следов не осталось, а вот на месте сожжения их документов удалось найти фрагменты паспортов. Эту линию расследования мы будем активно разрабатывать.

Кроме того, по показаниям чудом выжившего бойца из армии ДНР, установлен военнослужащий ВСУ, который принял решение убить его. При этом пленный уже был ранен, так он после этого его шесть раз штык ножом в голову ударил. И, уверенный, что убил, пошел дальше спиртом заливать. Но наш мужик крепкий оказался, выжил. Мы следственные действия провели и для закрепления доказательств им очную ставку устроили. Видели бы выражение лица этого выродка, когда он увидел того, кого давно считал мертвым!

— И как очная ставка прошла? Просто знаю эту историю, мы по ней с главой ДНР говорили. Кстати, мужик

дальше готов служить. Весь шитый-перешитый, а все равно на фронт, — отметил Елагин.

— Заплакал сначала, потом прощение попросил, ну а потом все как было, нам под протокол рассказал, — доложил Рыжов.

— И ведь максимум ему пожизненное можно дать, — посоветовал Жданко. А наши ребята, вон какие гибнут!

— Ну кого-то можно и донецкой стороне передать, там у них смертная казнь предусмотрена, — предложил Рыжов.

— Предусмотрена-то предусмотрена, — начал объяснять Елагин, да до 2025 года мораторий введен на исполнение приговоров. Сейчас думают, может отменить его. По законам военного времени это было бы правильным.

**Июль 2022 года,
Новый Оскол, Белгородская область.**

— Ну что, Володь, как самочувствие, — с деланным весельем спросил «двоюродный брат» Наташи у Еремеева.

— А, Ромка, привет, все в порядке. Дали мы конечно с тобой антрациту позавчера, утром пластом лежал, даже похмеляться не хотелось, — пожаловался Еремеев.

— Похмелиться — это дело хорошее, а главное — полезное. Но не слишком, а так, для удовольствия. А ты, Вован, какой терплючий мужик оказался! Молодец. Че вчера делал? — уже по-деловому решил уточнить Рома.

— Да вызвали его в часть, у них по всему округу проверка режима боевой готовности, — за Еремеева ответила Наташа.

— А... ну, не повезло тебе, не дали по-человечески отдохнуть, принимай соболезнования, — оживился Рома, похлопывая капитана по плечу, — ты все помнишь, о чем мы говорили?

— Как такое забудешь то? Помню в общих чертах. Ты мне еще раз поясни, че мне сделать-то надо будет? — ре-

шил окончательно прояснить ситуацию и восполнить пробелы в памяти Еремеев.

— Ну первая часть — самая главная. Это твоя новая жизнь. Ты получаешь солидные деньги на счет и с ними, и с Наташей отбываешь в любую страну Европы на твой выбор. Кроме того, я решаю вопрос с твоей Полинкой. Мы сделаем так, что твоей бывшей и ее хахелю придется отдать ее тебе или, просто возьмешь отступные с этого коммерса. Он извинится и все такое прочее. С дочерью сможешь видеться, когда захочешь, у нее будет открытый Шенген на пять лет. Конечно, тебе придется изменить имя и фамилию, но это все к лучшему. Новую жизнь начнешь в новом статусе и с новым именем.

— Теперь понимаю, — протянул Еремеев, — и за что же ты мне, Рома, все это предлагаешь? Что мне сделать надо будет? Чертежи секретные украсть? — Еремеев старался идти точно по плану беседы, который ему по пунктам написал полковник Климов.

— Нет, Володя, не только чертежи, — сказала Наташа и присела ему на колени.

— Наташ, не лезь в наш разговор, — раздраженно попросил Рома.

— Ромочка, а что? Я ж просто Вовчику сказала, чтобы он понимал все, — пожала плечами Наташа. Но с колен не слезла, а наоборот, обняла Еремеева за шею и уселась поудобнее.

— Так вот, Володь, тебе надо будет обеспечить для нас похищение комплекса «Задира», — сказал Рома и уставился на капитана, стараясь считать его реакцию.

— Э, так это невозможно. Вы его не вывезете, это ж не сигаретная пачка и даже не чемодан. Вас возьмут, а меня посадят пожизненно. Неинтересно это мне. Вот если чертежи какие, так это можно еще попробовать, а само из-

делие охраняется, да и потом такой кипиш начнется, что никуда мы не денемся, — чуть испуганно сказал Еремеев.

— Как мы будем вывозить, это не твое дело, Володь. Поверь, если я говорю, что вывезем, значит вывезем. Твоя задача нам пароли сказать, проход обеспечить на территорию, а остальное мы сами сделаем. Транспорт наш, подгоним, заберем и поедем, — уже совсем другим, жестким тоном, сказал Рома.

— Я что-то не пойму, Ром. Ты за дурака меня держишь? Я вам проход обеспечу, вы изделие погрузите, а я зачем вам потом? Вы меня там и загасите. Не, ты или все мне рассказывай и включай меня в операцию по полной, или я вам не помощник. Сами пароли и коды добывайте, — начал торговлю Еремеев.

— Да ты не понимаешь, — смягчился Рома. Вот, вот твоя гарантия сидит, — он показал пальцем на Наташу, — она не даст тебя в обиду. Она же тебя любит, и, как она мне сказала, племяш у меня ожидается, — весело подмигнул Рома.

— Милый, слушай Рому. Он прав, ты мне нужен и я буду очень ждать тебя. Как и планируется, мы вместе уедем и будет жить одной семьей. Я уже устала от переездов. Поселимся в тихом месте, я буду растить детей, ты займешься хозяйством. Мы будем счастливы, милый. Ради этого стоит немного рискнуть, — сказала Наташа, наглаживая Еремеева ладонью по голове.

— Ага, знаю я ваши женские штучки, — взъерепенился капитан, — моя бывшая мне тоже говорила, как нам хорошо будет, и какая семья у нас прекрасная. А потом встретила первого встречного побогаче и что? Где она теперь? Ушла, предала, обманула. Нет, Наташечка, пока я с тобой в том самом тихом месте в Европе не окажусь,

не поверю до конца. Так что соглашайтесь на чертежи и по рукам, — предложил Еремеев.

— Чертежи нам тоже не помешают, Володь, но изделие нам надо будет забрать, — твердо сказал Рома.

— Тогда добавляйте денег еще, — в истерике сказал Еремеев — и чертежи и изделие стоят вдвое дороже, — продолжал торг капитан.

— Ну, может, и так, может, и так, Володь, — сказал Рома, переглянувшись с Наташей, — давай так, я новые условия согласую с центром и вечером все тебе скажу, лады?

— Ты, главное, согласуй, что я во всей операции участвую с вами до конца. Иначе я и пальцем не пошевелю, потому как неинтересно мне это. И кто ты такой, Ром, чтоб я тебе безоговорочно верил? Я тебя второй раз в жизни вижу. Ты мне предлагаешь в корне все менять. И жизнь, и страну. Я, может, и не против. Но мне гарантии нужны. Понятно? Га-ра-н-тии. Так что вечером ты мне все как есть скажи, что тебе там согласовали и что по деньгам. Они нам с Наташей не мешают, так ведь? — при этом Еремеев шлепнул ее рукой по бедру.

— Ой, хулиган, — жеманно вскрикнула Наташа. Не переживай, Рома все узнает. Вечером встретимся у меня здесь, я персонал отпущу, еды вкусной закажу, стол накрою. Посидим, выпьем, обсудим, что да как.

Капитан Еремеев простился с Ромой, пожав ему руку, слился с Наташей в долгом поцелуе и пошел знакомыми улицами в сторону дома. Такси решил не брать, хотел весь разговор зафиксировать в голове и попытаться все разложить по полочкам. Зайдя в квартиру, он снял ботинки, кинул ключи на тумбочку возле зеркала и пошел греть чайник. Выруливая из небольшого коридора к кухне, в отражении стекла кухонной двери он увидел, что

там кто-то есть. Мысли вихрем пронеслись в его голове, одна тревожнее другой. «Неужели раскололи и решили ликвидировать?» — он понял, чего боялся больше всего.

— Товарищ капитан, не надо бояться, заходите смелее. Чайник я уже разогрел, — раздался голос майора Хабарова, который, по словам полковника Климова, был «прикомандирован к нему» в виде прямого куратора проводимой операции.

36

Июль 2022 года, зона проведения специальной военной операции.

Отряд из двенадцати бойцов подразделения «Ахмат» и капитан Филатов подошли к самой кромке того самого поля, где развернулся бой между группой Шалаева и ротой украинских военных и грузинских наемников уже к четырем часам вечера.

Еще издали они заметили небольшой костер и группу людей, которые сидели вокруг него. Взяв бинокль, старший группы стал вглядываться вдаль, пытаясь понять, что за люди расположились на их пути.

— Не понимаю, что это за люди, трое мужчин разного возраста, пять женщин и несколько детей, — медленно проговорил капитан Бахаев, протягивая бинокль Филатову, — на, глянь, может ты поймешь, кто это.

Филатов взял бинокль и навел его на группу людей у костра. Потом отдал его Мансуру Бахаеву и с улыбкой сказал:

— Это цыгане. Я по детству помню, они у нас кочевали по Крыму, да их все время пытались к одному месту

приписать и на работу устроить. А они, то лошадками промышляли, то на рынке всякой всячиной торговали.

— А может, это нацики переодетые? — предположил один из бойцов.

— Непохоже, если только они в женщин и детей не переоделись, — пошутил Филатов.

— Так, вы трое, — Бахаев указал на двух своих бойцов и на Филатова, — выдвигаетесь вперед, проверьте, кто это и, если все нормально, даете знак, мы подойдем.

Наши бойцы скрытно, пользуясь рельефом местности и многочисленными воронками от снарядов и мин, подобрались к месту стоянки и, когда до костра оставалось метров десять, поднялись в полный рост и быстро подошли к людям. Те даже не шелохнулись, не проявив не только никакого испуга, но и вообще каких-либо эмоций в связи с внезапным появлением перед ними трех вооруженных людей.

— Здравствуйте, — начал Филатов, — вы кто и что здесь делаете?

— Давэс бахтоло, и вам не хворать, — ответил самый старший мужчина в черной косоворотке, на которую со стороны шеи и плеч опускались седые кудрявые волосы.

— Мы — цыгане. Дома наши сожгли, крова над головой не имеем, вот и идем, две семьи в поисках безопасного места и питания для детей. Моя фамилия Джелакаев, вот моя жена Зоя, а это братья Золотаревы с женами Ромалией и Надей. Да детишки их. Вот паспорта наши, — он вынул из внутреннего кармана заранее приготовленную стопку паспортов и протянул их Филатову.

— Алексей взял стопку украинских паспортов и начал внимательно их изучать.

— А я смотрю вы — русские, — сказал старший цыган.

— Русские, русские, — ответил за всех Филатов.

— Так это хорошо. Точно русские? Хотя и сам вижу, ленточки у вас георгиевские на касках, а это чеченцы, верно? — Джелакаев указал на двух бойцов «Ахмата».

— Верно, отец говоришь, из «Ахмата» мы. Покажите для порядка, что у вас в мешках? — сказал один из бойцов.

— Да ничего особенно, так, вещи кое-какие. Что успели забрать с собой. Ромашка, покажи им вещи, — попросил старший.

Молодая девушка поднялась и развязала один мешок, потом второй. Посмотрев вовнутрь, боец проговорил в рацию, что можно подходить основной группе.

— Расскажите, что видели вокруг, давно вы тут сидите? — спросил подошедший Мансур Бахаев.

— Около полудня мы сюда вышли из соседнего леса. Стараемся по лесам идти. По дорогам опасно и заминировано все. Ну и если не на регулярные части, то на батальон какой специальный нарвешься или на иностранцев, могут все отобрать и в расход пустить за просто так, — буднично ответил Джелакаев.

— Понимаешь, отец, нам важно знать, что вы видели. Мы товарища своего ищем. Он вчера тут один оборону держал, много нациков положил и погиб, как герой. Нам надо тело его найти и домой доставить. Похоронить надо по-человечески его, понимаешь? — Филатов присел перед цыганом на корточки.

— Понимаю, похоронить по-человечески, это дело божье. Про парня вашего слышали, украинские военные, промеж собой про него говорили, когда документы у нас проверяли. Геройский был мужик, — утвердительно кивнул головой старший. Потом, подумав немного, сказал, обращаясь к одному из братьев:

— Паша, расскажи им.

— Ну что говорить, глаз у меня хороший с детства. Видел я, как хохлы вон там на кромку поля выходили из леса, все высматривали что-то. Думаю, они подходы минировали. Ну и потом, где-то через полчаса птицы повзлетали с деревьев. Видать спугнули их. А как это могло быть? А так, что они, скорее всего, снайперов по деревьям рассадили. Так что ждут они вас, ребята.

— Спасибо, это хорошее наблюдение, — отметил Мансур и продолжил, — шли бы вы дальше, тут скоро горячо может быть.

— Пойдем, мы сейчас пойдем. Так, ромалы, поели, давайте берем вещи и идем, как нам этот уважаемый человек советует, — распорядился старший.

— Вы найдете тело своего парня, вот увидите. Только напролом не идите. Тут небольшая смекалка нужна. Но вы придумаете. И ты думай, — Зоя Джелакаева неожиданно обратилась к Филатову, — я вижу, он друг твой хороший был. Боль у тебя в глазах. Но все Господь устроит, в лоб не иди и все хорошо будет. Живой домой придешь, тебя жена ждет, она тебя любит и верная тебе. Мать береги. Все понял? — довольно быстро сказала она.

Филатов с удивлением уставился на Зою.

— Все понял, тетя, все понял, — медленно проговорил он.

— Какая я тебе тетя... А, ладно, храни вас Бог, сынки. Вы уж победите эту сволочь, сил не было жить при них. Мы их языка не знаем, а как уж они над нами издевались, заставляли слова украинские говорить и имена наши на свой лад переделывали. А кто не согласен был били, а барона нашего убили и ограбили, все золото вынесли. Мне бабка рассказывала, что так только фашисты во время войны над нами измывались, — Зоя встала и стала завя-

зывать остатки печеной картошки в узелок, — может вам покушать оставить?

— Нет, мать не надо. Сыты мы, да и негоже перед боем кушать. Слава Аллаху, найдем мы путь, как товарища нашего вернуть. Спасибо. А насчет фашистов, ты права, то, что украинцы творят с мирным населением и с пленными, ни один воин порядочный не сделает. Так что недалеко они от немцев ушли в своей ненависти и зверствах. Но мы за это их накажем, не сомневайся — ответил ей Мансур.

— Добре говоришь. Ну ладно, все, пошли мы, — сказал старший, — не поминайте лихом. Зоя напоследок перекрестила бойцов и, не оборачиваясь, пошла вслед за мужем.

37

**Июль 2022 года,
Киев, Украина.**

— Я тебе еще раз говорю, Гриша, на этой войне хороши любые средства, — учил генерал-лейтенанта Комко министр обороны Украины Резников, — вот что ты мне твердишь про мирное население? На черта оно тебе сдалось? А?

— Ну как, Алексей Юрьевич, они же наши граждане, а мы их подставляем под снаряды и пули. Негоже так. Мне всегда казалось, что население должно помогать своей армии. Вон, как в годы Великой Отечественной, партизанское движение было, да еще какое!

— Забудь ты эти слова... Великая Отечественная... Не было такой войны. Не до конца ты новые идеологические установки усвоил, генерал, — разочарованно протянул Резников.

— Да я понимаю все, с установками у меня все в порядке. Я как на самом деле говорю. Представляете, как хорошо было бы, если население местное тоже воевало бы против русских. Колодцы бы травили, убивали бы русских по одному и оптом, диверсии бы совершали, развединформацию нам бы поставляли. Так нет ведь. Они в лучшем

случае лояльны нам, а в худшем — с цветочками встречают ихние колонны, — объяснил свою позицию Комко.

— Тут ты прав, согласен. Но я вот что тебе скажу. Вот я родом из Львовской области. Вот там настоящая Украина, там их будут травить и ненавидеть и информацию нам давать. А тут что? Тут, считай, нет Украины. Донецкая и Луганская области еще в 2014-м показали, что они сепары и террористы. А другие? Мариуполь, вспомни, как они радостно свою администрацию сделали, пока мы город не отбили. А Херсон, Запорожье, Харьков, Одесса — это все люди со смещенным сознанием. Им русский язык подавай, советскую историю, День Победы, будь он неладен. Ленточки колорадские. Эти латентные ватники, почти орки, в любой момент триколор поднимут. У них, поди, они по подвалам спрятаны и уже готовы на домах да на балконах их повывешивать.

Они по большому счету не украинцы. И мы не смогли за все эти годы сделать из них полноценных граждан нашей страны. Они все на Россию смотрели, завидовали, как они живут там.

Так что нечего их сберегать. Это биомасса, которая нами уже потеряна. И это следует признать. И если мы отобьем эти территории, то первое, что надо будет сделать, это освободить их от этого населения. Туда надо будет переселять людей с западных и центральных областей. А если по-другому, то мы опять будем иметь там целые «спящие» пророссийские области. Второй раз такой ошибки допустить нельзя будет.

— Да, согласен, жестче надо было нам работать там. Мне кажется, и СБУ наше недорабатывало там, — поддакнул своему начальнику Комко.

— И СБУ недорабатывало, и мы плохо потенциал преданных нам людей использовали. Так что теперь наши действия вполне оправданны. То, что мы размещаем ар-

тиллерийские и минометные батареи в жилых кварталах и у других объектов, нам выгодно со всех сторон.

Во-первых, мы создаем дополнительные гарантии безопасности для наших солдат. Во-вторых, если мы вызываем ответный огонь, то от него гибнут и эти местные жители, что вызывает у них вполне логичную ненависть к русским. В третьих — чем больше будет разрушено, тем труднее русским будет все это восстанавливать. В четвертых — мы показываем всему миру, какие звери русские.

— Как вы правы, Алексей Юрьевич, нам живую силу беречь надо. Я смотрю на сводки и аналитику, у нас процентов сорок от первоначального обученного состава осталось. Берем людей по призыву и мобилизации, а они, в большинстве своем, воевать не хотят. Тысячами на границе задерживаем. А если бы шли организованно, с патриотическим настроем, то мы бы их и обучить хоть чему-нибудь успевали бы, — поднял важную для себя тему Комко.

Резников махнул рукой.

— Их учи — не учи, все равно, как на передовую попадают, забывают все. Тут вроде стараемся инструкторов американских по полной использовать. Так ведь нет. Вот, мне СБУ доложило. Командир нашей 36-й бригады морской пехоты во всеуслышанье называет американские противотанковые ракетные комплексы FGM-148 Javelin бесполезным оружием. Ну не идиот ли?

— Как так? — решил уточнить Комко.

— А вот так. Якобы ни одного пуска они не смогли сделать. Все им что-то мешало. Вроде как один из переданных бригаде комплексов сломали при переносе из машины, а другой не докумекали, как использовать. Дебилы! Ведь информация и американцам тоже идет!

— Да, я тоже слышал информацию, что английского почти никто не знает, инструкции нормально прочитать не могут, — поддержал его Комко, а еще мне тоже один

командир докладывал, что они поставляемое нам иностранное оружие по этому, как его... Ю...

— Ютьюб, — подсказал ему Резников. Да по этому хостингу тоже изучают. Хорошо, что там инструкции есть. Но это тоже не для каждого. Главное, чтобы повторить смогли и бросали иностранное вооружение поменьше. А то вон, русские все время выставки трофеев устраивают. И вот ведь, гады, все у них есть, и британское, и американское, и польское, и шведское оружие.

— Да это пусть устраивают, — махнул рукой Комко, нам главное, чтобы поставки не прекращались. А будут бесперебойные поставки, глядишь, мы силенок подкопим, где-то перевес создадим и можно будет и наступательную операцию провести. Она нам очень кстати пришлась бы сейчас. Как считаете, пан министр?

— Насчет выставок не скажи... В глазах наших западных друзей мы должны хорошо выглядеть. А насчет наступления, ты прям мои мысли читаешь. Приезжал тут ко мне генерал из Пентагона. Говорит, готовьте наступление на харьковском направлении. Мы еще артиллерии тяжелой подкинем и людей своих. Нужно, говорит, показать миру, что украинская армия наступать умеет. Да внутри страны, уверен, это энтузиазм вызовет.

— Тогда надо боеспособные бригады уже сейчас начинать комплектовать, — озабоченно сказал Комко.

— Вот, Гриша, и займись этим. Посмотри, расклад сделай из того, что имеем, и из резерва и из тех, кто обучается сейчас экстерном. Может, чуть поглубже им военное дело дать, инструкторов американских привлечь, чтобы они на все сто иностранным оружием владели.

В общем, все карты тебе в руки. Через две недели доложишь мне, что мы можем собрать в кулак, который разобьет русским их нахальную харю.

**Июль 2022 года,
Новый Оскол, Белгородская область.**

— Ну что ж, все идет неплохо. Вы проявили заинтересованность в деньгах и показали себя неглупым человеком, которому нужны гарантии, — проанализировал ситуацию майор Хабаров, после того, как Еремеев все по порядку рассказал ему, — теперь нужно до конца придерживаться именно этой линии поведения. Уверен, что они примут ваши условия. Делать им нечего, а операция у них, пожалуй, самая важная в истории их государства.

Еремеев ладонью вытер капельки пота, выступившие на лбу и сказал:

— Я все время боюсь напутать чего.

— Не стоит бояться! Вы — прирожденный разведчик, все делаете правильно, — поддержал его Хабаров, — значит ждем. Как вы договорились связаться вечером?

— Да никак не договорились, — ответил Еремеев, — Рома сказал, что он все согласует с центром и мне сообщит.

— Значит, могут и к вам заявиться, — предположил Хабаров.

— Вряд ли... Хотя Наташа у меня была много раз. Но женщина это одно, а Рома в дом, где живут офицеры, может, и побоится идти, — рассудил Еремеев.

— Тоже верно. Ладно, я пойду на всякий случай, я тут освоил вход и выход через чердак и самый крайний подъезд. На случай, если они кого приставили наблюдать за квартирой и подъездом. Вы, Владимир Иванович, поспокойнее. Все верно делаете. Придерживаемся нашей легенды, лишний раз не рискуем и на рожон не лезем.

Выбирая пути отхода, майор Хабаров не ошибался. За домом и подъездом Еремеева следил местный девятнадцатилетний стример, снимавший видео с избиениями малолеток и получивший за это по соплям от родителей потерпевших и условный срок от государства. На этой волне его и завербовал Рома, пару раз накормив до отвала фастфудом и подогнав ему ящик с пивом.

Он сидел на лавочке возле детской площадки, копался в телефоне и делал вид, что снимает селфи. Рядом стоял его велосипед, так что любой прохожий и жилец дома вполне мог подумать, что подросток ехал на велосипеде, немного устал и присел отдохнуть, а заодно и покопаться в своем телефоне, снять видео с очередной умной мыслью или советом, чтобы потом выложить его на своей страничке в Интернете.

На самом деле Кирилл Росляков снимал всех входящих и выходящих из подъезда Еремеева и отправлял видео Роме. Наружка ФСБ давно срисовала любопытного подростка и контролировала весь телефонный и другой трафик, который шел с его гаджета. Кроме того, прослушка была установлена в квартире Еремеева, в салоне красоты, принадлежащем Наташе, в машине и в квартире Ромы, и даже в ресторане, куда предпочитали водить Еремеева украинские агенты.

В начале восьмого вечера на мобильный капитана поступил звонок с незнакомого номера. Немного подумав, он поднял трубку.

— Володь, это Рома. Встречаемся через полчаса в городском парке, в кофейне «Городское кофе».

Раздались короткие гудки, Еремеев встал с дивана, выключил телевизор, умылся и вышел из квартиры.

— Ну что, я тебя поздравляю, центр все одобрил, — с возбуждением сказал Рома, отпивая капучино из большого стаканчика с крышкой.

— Что одобрил? — не очень любезно уточнил Еремеев.

— Да все одобрил. И деньги, и сотрудничество наше дальнейшее. Решили так, ты нам завтра передаешь чертежи и получаешь первые тридцать процентов суммы на открытый тебе счет в немецком банке. Потом мы проводим операцию по изъятию и переправке комплекса, после чего ты получаешь еще пятьдесят процентов. Оставшиеся двадцать — когда операция завершится и вы с Наташей окажетесь в Европе. Кстати, ты уже выбрал страну, где хотел бы жить? — участливо спросил Рома.

— Меня Германия вполне бы устроила. Но я еще с Наташей должен посоветоваться, — ответил Еремеев. А можно по-другому с деньгами сделать? Пятьдесят процентов за чертежи, сорок после операции и десять по приезду? Мне так больше нравится. И, если честно говорить, то чертежи — это почти весь комплекс и есть, так что так справедливо будет.

— Хорошо, пусть будет так, — поджал губы Рома.

«О, как ему нужно все это повернуть. Интересно, на каком этапе они меня решили списать?» — подумал Еремеев.

— Воот, вот так-то лучше будет. А че Наташа не пришла? — поинтересовался Еремеев.

— Она нас с тобой дома ждет, стол накрывает. Если мы все решили, то пошли, поужинаем, жажнем и обговорим детали, — предложил Рома.

И действительно, дома Наташа наготовила большой таз оливье и пожарила свиные отбивные. Из заморозки она достала запотевшую литровку водки, а из шкафа банку с хрустящими солеными огурцами.

— Ты мне скажи, Рома, — спросил, смачно откусывая огурец Еремеев, — как вы собираетесь изделие переправлять?

— Ух, какой ты любопытный. Понятно дело, не по земле. Аэродром здесь же рядом военный. Смикитил? — ответил Рома, разливая водку по стопкам.

— Так он охраняется же как! Вы же не самоубийцы, не полезете же на него? — обеспокоенно поинтересовался Еремеев.

— Не ссы, у нас там схвачено все. А как — не твое дело. Твое дело — чертежи мне завтра передать, а потом в назначенный день машину нашу в часть запустить. А остальное — дело техники. И поедет ваша «Задира» туда, куда нам надо, ты уж не сомневайся.

— А нам с Наташей места хватит в самолете? — решил проявить интерес Еремеев. При этом в отражении стеклянной дверцы кухонной полки Еремеев увидел, как ухмыльнулась при этом вопросе Наташа, стоявшая спиной у плиты и жарившая уже вторую порцию отбивных.

— Нам всем там хватит места, — уверенно сказал Рома. Главное, ты найди нам комплекс, который ни на что еще не установлен, чтобы габариты были поменьше. Кроме того, надо по-тихому все сделать, чтобы лаг по времени у нас был, тогда и улететь сможем. Нам тут до границы при хорошем ходе всего двадцать пять минут лету. Так, ладно, чего-то разговорился я слишком. Ты мне, Володенька, когда завтра чертежи сможешь передать?

— Это как пойдет. Мне же тоже надо к ним доступ получить, чтобы без подозрений. Да и смотрит за ними спецура, знаешь как? — с вызовом проговорил Еремеев.

— Знаю, Володенька, знаю, но ты уж расстарайся, дорогой. Вот, кстати, тебе телефон с хорошей камерой. Ты фоткай и отправляй по номерочку, который там в Телеграмме забит. Фоткай и отправляй. Понятно тебе? Ничего сложного, — ласково проговорил Рома.

— Да это-то понятно, — как ни в чем не бывало, рассуждал Еремеев. Я говорю тебе, что сделать это надо так, чтобы подозрения не вызвать.

— Ну ты же охраняешь там все, вот и покумекай, как сделать так, чтобы подозрения не вызвать. А заодно, гляди в оба, как мы заезжать будем, где комплексы готовые стоят. И чтобы нам исправный, в полном оснащении достался. От этого все твои дальнейшие жизненные опции зависят. Ну что, Наташ, дожарила мясо? Подавай уже, жрать хочется, — распорядился Рома.

— Сейчас, мальчики, — проворковала Наташа, — уже все готово. Ты, Ромочка, не переживай, Володя сделает все, как надо. Так ведь, любимый мой, ты же постарайся ради нас и наших деток? — спросила она, потрепав Еремеева по голове.

— Конечно, постараюсь, только давить на меня не надо. И торопить. Лучше перебздеть, чем недобздеть. Известна такая пословица? — с небольшим вызовом сказал Еремеев.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Рома, — смотри сам, как лучше, нам сбой и сюрпризы не нужны.

**Июль 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

— Так, что делать будем? — вслух размышлял Мансур. Правы цыгане, в лоб пойдём, можем и не выполнить задание. А этого нам нельзя никак допускать. Тут хитрость нужна.

— Согласен, — отозвался Филатов, — может повязки жёлтые раздобыть, это нам позволит поближе подойти.

— Да нет, не особо это нам поможет. К тому же подходы по полю заминированы, а в лесу сто процентов растяжки стоят. Но идея хорошая, — задумчиво проговорил Мансур. Ты, Леша, скажи мне, ты украинский язык знаешь хоть немного?

— Ну как знаю... в школе у нас в украинские времена его преподавали, потом в училище идиот один был из преподавателей, только на мове разговаривал и от нас требовал, приходилось что-то там подучивать и запоминать. А что?

— Несколько фраз сказать сможешь? Главное, чтобы похоже было. Я убедился, они сами его не знают. Так, го-

ворят на смеси какой-то. Слова нормальные коверкают. И свой язык не уважают и над чужим издеваются, — поделился наблюдениями Мансур.

— Несколько фраз — не вопрос, скажу, конечно, а что ты задумал? — спросил Филатов.

— А задумал я, как нам совсем близко к ним подойти. Риск есть, конечно. Но и велика вероятность, что мы тело заберем. Нам для этого БМП их понадобится и ты правильно, Леша сказал, желтые повязки на рукава, — изложил часть своего плана Мансур, — так что выдвигаемся чуть назад, нам на дорогу надо. Там поработаем немного, а потом подъедем к ним на трофейном БМП с их опознавательными знаками, ты им скажешь несколько фраз, глядишь к самому месту боя и попадем.

Вернувшись на три километра назад, группа вышла к дороге, которая была усыпана осколками от снарядов, вдоль обочины стояла подбитая и сгоревшая техника. В нескольких местах они встретили неубранные трупы украинских военных, видно никто не хотел с ними возиться. Кое-где они были прикрыты еловыми ветками, а где-то просто лежали у разбитой техники или были отброшены в придорожные канавы.

Передвигаясь максимально скрытно, вскоре они нашли место, которое как нельзя лучше подходило для засады. С одной стороны дороги шел довольно глубокий ров, а с другой, почва наоборот, представляла из себя солидный полупесчаный бугорок с растущими наверху соснами. Разделив группу на две части, Мансур приказал всем залечь и ждать удобного повода.

Вскоре мимо наших бойцов прошел артиллерийский дивизион, состоящий из трех американских тяжелых гаубиц калибром 155 мм, потом колонна из 5 БМП и двух танков. Но вот Мансур поднял руку, показывая, что груп-

пе нужно максимально сосредоточиться. Из-за поворота выехал довольно потрепанный Ниссан без каких-либо опознавательных знаков, однако в бинокль Мансур увидел, что там сидят вооруженные люди.

— Внимание, — сказал в рацию Мансур, — машину все видят? Там три человека, наводчики, скорее всего. Работаем тихо, нам их машина нужна. Али, работаешь по переднему пассажиру, Умар, ты по заднему сиденью, я водителя беру.

Когда машина украинских наводчиков поравнялась с местом, где расположилась российская боевая группа, наши бойцы заметили, что окна в машине открыты — значит сэкономили бензин и не включали кондиционер. Да и курить так было удобнее. Раздалось три глухих щелчка. Водитель уткнулся лицом в руль, но успел затормозить. Передний пассажир получил пулю в шею, открыл дверь выпал из машины и выкатился с дороги в канаву, куда упал уже мертвым. Третий же повалился в проем между сиденьем и передними креслами, пуля попала ему в висок.

Осмотрев машину и сложив тела в придорожном рву, наши ребята передали Мансору найденные карты местности, с нанесенными на них точками расположения украинских подразделений и документы убитых, вынули из багажника целую стопку желтых повязок, которые корректировщики огня украинской артиллерии предусмотрительно не надевали, чтобы сойти за гражданских, а также украинскую военную форму.

— Это мы удачно сработали, — сказал Мансур, рассматривая трофеи. Так, Леха, Башир и Гази одевайте форму, вяжите нарукавные повязки. Ты, Леха, поднимай капот и становись ремонтировать движок, попутно вспоминая украинский. Если видите одиночную военную машину,

тормози, проси о помощи. Ну, а мы уж тут постараемся все аккуратно сделать.

— Украинский вспоминать, это ты хорошо придумал, только не особо учил я его в школе и в мореходке. Но ради такого случая кое-что постараюсь вспомнить, — ответил Филатов.

Бойцы довольно быстро переоделись, Башир и Гази сели в машину, а Филатов, подняв капот, наблюдал из-за изрядно проржавевшего куска железа за дорогой. Он судорожно вспоминал украинские слова и лепил из них фразы, которые должны были отвлечь внимание и обеспечить необходимые условия для работы остальной группы.

Мимо нашей засады в обе стороны дороги проходили машины с грузами и живой силой, пара машин местных жителей и колонна БТРов. Уже начало смеркаться, когда вдалеке показались две ксеноновые фары с красивой линией огоньков под каждой. Филатов оглядел дорогу в обе стороны, она была чистой. Тогда он вышел из-за капота, поднял руку и практически перегородил собой полосу, по которой двигался бронированный армейский автомобиль американского производства с довольно высокой посадкой и небывалым клиренсом. На жест Филатова машина остановилась, и оттуда вышел офицер, а за ним трое бойцов в дорогом натовском камуфляже и масках на лицах. Собрав все смоделированные украинские фразы, Филатов обратился к офицеру:

— Привіт, хлопці. Он подивіться, як ця стара кляча встала як мертва. Подивіться, може допоможете ніж, а то три години вже стоїмо. Куриво скінчилося і вода. Виручати. (Привет, парни, вон посмотрите, эта старая кляча встала, как мертвая. Посмотрите, может, поможете

нам, а то три часа уже стоим. Курево кончилось и вода, выручайте).

— Документы, — офицер как будто не расслышал, что ему говорил Филатов.

— Шо вы говорите? — переспросил Филатов, пытаюсь выиграть время.

— Я майор СБУ Денисенко, документы давай, — на повышенных тонах потребовал офицер.

— Документы? Це можно, — сказал Филатов, засунув руку во внутренний карман, где у него был ладно пристроен выданный Мансуром перед выходом на операцию легкий и безотказный «Глок». Параллельно Филатов посмотрел на Башира и Гази, те спокойно кивнули ему в ответ. Вытащив руку из-за пазухи, Филатов выстрелил офицеру прямо в голову, при этом в ту же секунду по трем украинским спецназовцам в масках заработали автоматы, залегших на пригорке наших бойцов. Хотя те и стояли с автоматами на изготовку, но выстрелить не успели. Плотность огня была высокой и, несмотря на бронежилеты, пули достигли своей цели, и они повалились на землю. Группа украинского спецназа была ликвидирована в полном составе.

К машине тут же из своих укрытий выскочили бойцы «Ахмата».

— Леша, молодец, не растерялся, — похвалил его Мансур, — ты настоящий воин. Давайте документы посмотрим. Так, сбрасывайте тела в ров, к тем наводчикам. А машина хорошая, такая нам пригодится.

И тут на дороге показалась украинская БМП, очевидно сопровождение важного СБУшника, которое просто отстало на дороге от быстроходной американской машины.

— Подпускаем поближе и валим всех, — командовал Мансур.

Вскоре БМП поравнялась с бронированной машиной и старым Ниссаном, за которыми спрятались Филатов и пятеро бойцов, включая Мансура, остановилась и от туда выскочили два бойца ВСУ.

— Пан майор, у вас все в порядке? — выкрикнул старший.

В ответ по ним был открыт огонь с двух сторон дороги, кроме того, с пригорка быстро спустился наш боец и кинул в открытую дверцу БМП две связанные между собой гранаты. Грянул взрыв и из машины повалил густой черный дым.

— Тушите ее быстрее, — командовал Мансур. Бойцы вытащили из бронированной американской машины мощный огнетушитель и залили пеной начавшийся в БМП пожар.

Вскоре все тела СБУшников были закиданы лапником в глубокой канаве, тянущейся вдоль дороги, в которой еще недавно сидели в засаде наши бойцы.

— Ну что, Леша, будешь ты теперь майором СБУ Денисенко. Ну а мы за твою охрану сойдем, — серьезно сказал Мансур, передавая Филатову удостоверение убитого украинского контрразведчика. Размещаемся по машинам и выдвигаемся к месту предположительного нахождения тела капитана Шалаева. Уверен, теперь мы сможем все сделать, как надо.

**Июль 2022 года,
штаб-квартира СВР, Ясенево.**

Генерал-полковник Макаров шел по коридору комплекса СВР «Ясенево» из кабинета директора службы в свой кабинет. Только что он доложил о новой важной информации, поступившей от нашего агента под прикрытием с позывным «Клен». Директор наконец-то начал доверять поступающей от «Клена» информации, очевидно, исключив его из списка потенциальных двойных агентов, и уже дважды сразу докладывал по сути поступающих от него сведений, Верховному.

Помимо конкретных поручений по информации «Клена», которая требовала самого плотного взаимодействия с министерством обороны, Макаров в уме готовил новое поручение «Клену» об активизации сбора информации о дислокации и перемещениях иностранных наемников, а также пунктах хранения и сосредоточения иностранных артиллерийских орудий 155 калибра, а также ракетных комплексов «Javelin» и «Карл Густав».

«Сейчас приду в кабинет, надиктую поручение Булавину. Хотя нет, лучше соберу их у себя», — решил генерал. Зайдя в приемную, он бросил на ходу вскочившему адъютанту:

— Булавина и Михайлова ко мне пригласи, пожалуйста. И коллег из ФСБ из нашей совместной группы. Макаров еще не закрыл дверь своего кабинета, но уже услышал, что Михайлов идет к нему.

Через час все собрались в кабинете генерал-полковника Михайлова.

— Так, по «Клену» мы решили. Полученная информация важнейшая, оценена на самом верху, подбодрите его, скажите, что мы в курсе его семейной ситуации и все строго курируем. Он может не беспокоиться. Сейчас он будет под особым пристальным вниманием ЦРУ и СБУ, поэтому пусть будет осторожен. Связь только по самому надежному каналу, — дал поручение Макаров, — товарищ полковник, — он обратился к полковнику ФСБ Климову, — как у нас по «Клену» и как идет операция по «Задире»?

— Товарищ генерал, по «Клену» все под нашим полным оперативным контролем. Операция по внедрению капитана Еремеева в самом разгаре. Украинская агентура его несколько раз проверяла, но мы подкидывали им нужную информацию. Кроме того, они завербовали одного местного блогера следить за Еремеевым, но у нас все под контролем. Парень молодой, дурной, полгода назад условный срок получил за то, что за пятьсот рублей провоцировал малолеток на издевательства над сверстниками, снимал это все на камеру и выкладывал в сеть. Суд пожалел его, решили судьбу не ломать, дать шанс. А он, видите как решил. Короче, сделал свой выбор.

— Он знает, что на украинскую разведку работает? — решил уточнить Макаров.

— Знает и весьма гордится этим. Прямо важный такой стал и устремленный. Научили его проверяться, когда из дома выходит. Короче в шпиона играет. Но наши его плотно ведут и Еремеева прикрывают. Так что ждем дальнейшего развития ситуации. Буду вам докладывать, — заверил Климов.

Генерал-полковник Макаров кивнул в знак того, что принял информацию и одобряет дальнейшее развитие ситуации по этому направлению.

— Товарищ полковник, — он обратился к Михайлову, — вы отработали по участию американских военных?

— Так точно, товарищ генерал. Мы и раньше получали информацию, а сейчас она подтвердилась из других источников, в том числе и от «Клена», что Пентагон применяет на Украине новую тактику найма, так называемых, специальных контрактных помощников для участия в конфликте.

Грубо говоря, напрямую это не американские солдаты, а выполняющие их роль контрактные помощники.

— Слушайте, да как их не назови, армия США участвует в боях вместе с ВСУ с самого начала конфликта, — возмутился Макаров.

— Да, все верно, и сейчас Пентагон начал специально искать наемников для участия в боях на Украине, да так, чтобы они действовали повсюду, — доложил Михайлов, — кроме того эти самые контрактные помощники напрямую советуют ВСУ размещать огневые позиции в частных домовладениях.

Мы получили информацию, что так уже сделано в Северске и Соледаре. Прямо из частного сектора украинские националисты тяжелой артиллерией и РСЗО си-

стематически обстреливают подразделения российских вооруженных сил с целью вызова ответного огня. Ну а потом все понятно, обвинят нас в обстреле мирного населения. Но минобороны в курсе и мы по частному сектору не бьем, — продолжил доклад Михайлов.

— Хорошо, и вообще про наемников не забывайте, нам надо желательно всех задокументировать, — подчеркнул Макаров.

— Мы имеем информацию, что их число стало постепенно сокращаться, — вступил в разговор полковник ФСБ Климов, — с трех тысяч где-то до двух с половиной. Часть уничтожены нашими вооруженными силами, в том числе высокоточными ударами ВКС, а часть просто решила покинуть Украину, опасаясь за свои жизни. Быстрее всего сливаются поляки, но есть желающие и из США, Канады и Англии.

— А вы активнее доводите до них информацию, как их на «Азовстали» свои же украинцы постреляли. И как сейчас они при отступлении жгут их тела, чтобы опознать было невозможно. Глядишь, в голове и прояснится что-нибудь. Главное понагляднее, понагляднее, — предложил Макаров.

— Есть доводить информацию понагляднее, — что-то записал в блокнот полковник Климов.

— А что у нас на идеологическом фронте? Что по центру информационно-психологических операций Украины? — спросил Макаров.

— Пока работаем, — ответил Михайлов. Они стараются скрывать свое местонахождение. На северном направлении, они например, базировались в здании штаба их оперативно-тактической группировки. Как могли клепали фейковые новости и занимались распространением дезинформации.

— Ну клепали, это ты слишком пренебрежительно о них сказал, — поправил коллегу Макаров. Они достаточно успешно работают. А мы хоть и имеем там агентурные позиции, но эффективно обесточить их по всем направлениям пока не можем, — высветил проблему генерал-полковник.

— Так точно, не может, так как не хотим засветить наши позиции там. Но по фейкам же получаем сведения и даем профилактическую, упреждающую информацию. Так было и по инсценировкам и по торговому центру и по атомной станции, — начал перечислять Михайлов.

— Согласен, согласен, но все же не должно у нас быть этакое шапкозакидательского настроения в отношении их подразделений идеологической борьбы. С ними своими методиками разведки, как минимум, десятки стран, делятся. Так что, если даже их просто применять, не особо заморачиваясь на качестве создаваемого продукта, этого уже достаточно будет, чтобы полностью всем мозги на западе затуманить. Не забывайте, что и у нас тоже прослойка, мягко говоря, сочувствующих и жаждущих успехов ВСУ, имеется. С ними, вон, их разведчики все время на связи, а с некоторыми СМИ — иноагентами и вовсе Арестович с Гордоном интервьюируются и пиарятся. Задача понятная? — уточнил Макаров.

— Понятная, товарищ генерал-полковник, кивнул Михайлов, — сейчас проверяем информацию о дислокации упомянутого вами центра в Северодонецке в ЛНР. Подключили местные спецслужбы. Они, кстати, неплохо работают и позиции у них агентурные вполне себе.

— Давайте, работайте, — подбодрил всех Макаров, — я так чувствую, что территория ЛНР скоро будет освобождена, так что обратите особое внимание на спящие ячейки, которые они могут оставить. Тут надо с наши-

ми коллегами из ФСБ бок о бок работать, информацией в обязательном порядке обмениваться.

Присутствовавшие на совещании сотрудники ФСБ одобрительно кивнули. Макаров продолжил:

— Нам важно, чтобы на освобождаемых территориях этой коричневой заразы не осталось. Подчеркиваю, надо активизировать весь наш потенциал на получение информации о том, кого СБУ оставила на потерянных территориях. Кто под видом беженцев, рабочих или узкопрофильных специалистов может проникнуть на территорию России и там заниматься сбором разведывательной информации.

Участники совещания снова согласились.

— И еще. У меня есть информация, что отдельные сотрудники международной правозащитной организации «Amnesty International» поставили вопрос о необходимости проведения мониторингового визита на Украину. Так вот, нам важно, чтобы этот визит состоялся и, чтобы украинская сторона не препятствовала ему. Пусть правозащитники хоть раз посмотрят на то, как все есть на самом деле. А заодно посмотрим на их уровень принципиальности и готовности на деле бороться за права человека. Генерал Макаров нажал на селектор:

— Принесите нам воды и чай с чак-чаком, он улыбнулся, — вчера гости из Татарстана приезжали, свежий привезли, во рту тает, так что давайте отведаем.

**Июль 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

Колонна, состоящая из БМП и американской трофейной машины, медленно двигалась по проселочной дороге, свернув в итоге на колею, которая шла вдоль того самого поля, где накануне приняла неравный бой группа капитана Шалаева. Наши бойцы ехали молча, эфир разговорами не нагружали, все были сосредоточены, понимая, что по прибытии на место, придется действовать по ситуации. Не знали они, какие силы противника сосредоточены в засаде, расположенной в районе вчерашнего боя.

Поле имело не идеально круглую форму, а наступающий на него лес создавал причудливые изгибы, вдоль которых местные жители когда-то укатали шинами своих автомобилей, а также комбайнов и тракторов небольшую дорогу с колеями, между которыми обильно росла трава. Кроме того, дожди постоянно размывали глинистую почву, что превратило дорогу в настоящее испытание для любого легкового автомобиля — на таких ухабах можно

было оставить и подвеску и просто убить ходовую часть любого механизма.

Но БМП и трофейный джип были приспособлены для передвижения по пересеченной местности и неплохо справлялись с особенностями дороги. После того, как колонна выехала из-за последнего поворота перед довольно длинным прямым отрезком поля, ее выхватил из темноты мощный прожектор. Он был установлен на большом, но довольно потрепанном, еще советском армейском грузовике. Второй прожектор постоянно скользил по полю в противоположном направлении, пытаясь выявить возможное приближение противника.

— Готовились это место оборонять, вон на ночь даже не поленились мощные прожекторы сюда поставить, — отметил Филатов.

— Ничего, сейчас мы этих шайтанов в порошок сотрем, а порошок отошлем потом их комику Зеленскому, пусть нюхает, — сказал Мансур, проверяя свой автомат.

Луч вражеского прожектора, который освещал колонну, движущуюся по вьющейся по полю дороге, позволил украинским военным как следует рассмотреть приближающуюся к ним технику, ее бортовые номера и атрибутику на бортах. Поднимаясь и опускаясь на земляных кочках, колонна постепенно приблизилась к месту дислокации украинского подразделения, которое охраняло место боя и гибели капитана Шалаева.

Первым почти вплотную к ЗИЛу с установленными прожекторами подъехал и остановился трофейный внедорожник, рядом с ним встал БМП.

Из внедорожника на половину корпуса высунулся капитан Филатов и заговорил с несколькими офицерами и бойцами, которые вышли им навстречу:

— Майор Денисенко, СБУ. Ви з якого підрозділу будете? Тіло російського тут? Я маю вказівку від полковника Вілсона доставити його в штаб. У американських радників свої плани на нього. Так що тягніть його сюди і вантажите в багажник.

(Майор Денисенко, СБУ. Вы из какого подразделения будете? Тело русского здесь? Я имею указание от полковника Уилсона доставить его в штаб. У американских советников свои планы на него. Так что тащите его сюда и грузите в багажник).

— Разведка 18-ой бригады. А документи ваші можна побачити, пане майоре? А то сьогодні вдень там з'являлася диверсійна група росіян, потім відійшла незрозуміло чому. Ми передали в штаб, ті сказали, що будуть шукати. Ну а нам веліли посилити пильність.

(Разведка 18-ой бригады. А документы ваши можно увидеть, пан майор? А то сегодня днем там появлялась диверсионная группа русских, потом отошла, непонятно почему. Мы передали в штаб, те сказали, что будут искать. Ну а нам велели усилить бдительность), ответил старший офицер.

Филатов постарался максимально скопировать тон, которым два часа назад говорил с ним настоящий майор СБУ Денисенко.

— Ну на, глянь. Переконався? Давай не стій, завантажуй тіло.

(Ну на, глянь. Убедился? Давай не стой, грузи тело).

Чтобы как следует не разглядели удостоверение, Филатов издали махнул им и убрал в нагрудный карман.

Однако этого для украинского офицера оказалось мало:

— Мені треба буде зі штабом зв'язатися, тай замінували ми тіло, доведеться почекати вам, пан майор.

(Мне надо будет со штабом связаться, да и заминировали мы тело, придется подождать вам, пан майор), — сказал он и стал искать номер в списке контактов на телефоне.

— Ну що ж, почекаємо. Хоча чекати і наздоганяти не люблю.

(Ну что ж, подождем. Хотя ждать и догонять не люблю), ответил Филатов и подал условный знак Мансуру.

Тот кивнул в ответ и опустил в люк БМП. Через пару секунд по скоплению украинских бойцов заработал пулемет боевой машины. Выскочив из трофейного внедорожника, наши бойцы подбежали к ЗИЛу, за рулем которого сидел водитель. Оказав сопротивление, он получил удар армейским ножом прямо в грудь. Также метким выстрелом был ликвидирован еще один боец украинской армии, который управлял военным прожектором. Забравшись в кузов и взяв под контроль прожектор, наши бойцы направили его вглубь леса. Луч света четко пал на то место, где расположились украинские неонацисты.

По команде из БМП выскочили бойцы подразделения «Ахмат» и под прикрытием пулеметного огня стали теснить противника с занимаемых позиций. Филатов тоже выпрыгнул из бронированной машины, перебежал к ближайшему дереву и открыл огонь автоматными очередями по застигнутому врасплох противнику.

Но то, что кто-то из них уже успел сообщить в свой штаб о нападении, Мансур не сомневался. Поэтому по рации подгонял своих ребят, понимая, что они имеют достаточно ограниченное количество времени, для того, чтобы выполнить поставленную задачу.

Неожиданно погас один прожектор, потом второй.

— Снайперы бьют с деревьев, перенести огонь выше, — скомандовал Мансур. Пулемет и автоматы на-

ших бойцов заработали по густым кронам растущих вдалеке сосен, берез и дубов, на ветках которых могли оборудовать свои позиции украинские снайперы. Теперь единственным источником света стали фары БМП и джипа. Сидящий за рулем водитель переключил свет фар с ближнего на дальний, и лес вновь осветился. Конечно, не так как прежде, но цели были видны. Кроме того, яркий свет давил психологически и заставлял противника отступать.

И действительно, через пару минут среди деревьев замелькали фигуры отступающих разведчиков 18-ой бригады ВСУ. Их отход прикрывали три человека с неплохим боекомплектом, однако две группы российских бойцов обошли их с флангов и, настигнув, забросали гранатами.

Путь к месту последнего боя капитана Шалаева был открыт. Включив мощные фонарики, наши воины подошли к той самой яме, на дне которой и обнаружили лежащее тело.

— Он? — спросил Мансур у Филатова, освещая фонариком тело.

— Он. Макс, — ответил Филатов, губы его дрожали.

Штатный сапер стал постепенно осматривать самую кромку ямы, потом, нагнувшись, он пристально начал вглядываться в пространство между телом и землей.

— Они заминировали тело, взорвется, если будем трогать, — сообщил он.

— Значит, работай, посветите ему посильнее. Остальным готовиться к обороне. Сейчас противник вполне может в контратаку пойти, — сказал Мансур.

Как в воду глядел. Не прошло и десяти минут, как практически со всех сторон леса начался довольно интенсивный автоматный огонь. Ребята понимали, что подпускать близко противника нельзя, иначе закидают

гранатами. Ожесточенная перестрелка была в самом разгаре, а сапер все еще не мог разминировать тело Шалаева.

Мансур в рацию постоянно торопил его и спрашивал, «когда?», но тот просил его не торопить, ибо ремесло сапера не предусматривало спешки. Да и заряд, заложенный под тело Шалаева, был очень мощным. Так что ошибиться было нельзя.

Еще через десять минут охранявший машины боец доложил, что по той же проселочной дороге, по которой они раньше ехали, по направлению к месту боя на полном ходу движется колонна из пяти машин, а замыкает ее танк.

— У нас есть несколько минут, — сообщил всем Мансур, — после придется принимать бой на две стороны.

В этот момент сапер выдохнул и сказал в рацию:

— Все, я закончил, можете забирать.

Бойцы погрузили тело Шалаева на брезент и под огнем противника, мелкими перебежками потащили его к машинам.

— В джип кладите, на заднее сиденье, он быстрее и маневреннее, на нем уйти будет проще, — приказал Мансур, — все по машинам. Не ждем ничего, сразу трогаем на поле, в ту сторону, откуда первый раз пришли.

Первыми к машинам подбежали четыре человека, которые несли брезент с телом Максима, дальше стали подтягиваться остальные, таща на себе раненных и пытаясь попутно отстреливаться. Большинство из них сели в БМП, который начал разворачиваться. Пулеметные патроны закончились, и теперь только машина защищала бойцов от плотного автоматного огня противника.

Последним на пассажирское место джипа запрыгнул Алексей Филатов. Он уже почти закрыл дверь машины,

когда одновременно почувствовал два сильных толчка. Первый пришелся в бронежилет, а второй в плечо. Он отлетел на начинавшего трогаться водителя, при этом дверь машины по инерции захлопнулась сама.

Проехав метров двести по ухабистой дороге, по команде Мансура, машины выехали прямо на поле и развили максимальную скорость, рискуя попасть в воронку от снаряда или напороться на мину. Кроме того, по нашим машинам открыл огонь украинский танк. Когда снаряд взорвался в десяти метрах от головного джипа, Мансур приказал выключить фары и сменить направление движения, требуя вернуться ближе к кромке леса. Это лишило возможности украинского наводчика прицелиться прямой наводкой. Пара снарядов легли далеко в стороне от трофейных БМП и джипа.

Обогнув лес, машины выскочили на гравийную дорогу, оттуда на бетонку, а уже оттуда на ровную асфальтовую трассу, по которой они на полном ходу миновали один украинский КПП, забросав его гранатами, и чуть позже, в заданном квадрате погрузились на вертолеты ВКС России. Уже через двадцать минут приземлились в расположении российских частей.

**Июль 2022 года,
Новый Оскол, Белгородская область.**

— Что с чертежами делать будем? Они их ждут от меня уже завтра, — Еремеев взглянул на настенные часы на кухне, — нет, уже сегодня требуют.

— Вы же попросили вас не торопить, вот и придерживайтесь этой линии. Чертежами сейчас наши спецы занимаются. Вам надо максимально приблизить момент передачи чертежей к началу их операции по похищению комплекса. Тогда они не успеют их передать в свой центр, а тот американцам. А если и передадут, то америкосы не успеют разобраться, что мы им полную ерунду подсунули, — майор Хабаров был уверен в успехе данной операции.

Сейчас это было самое безопасное место для встреч, ведь Еремеев, скорее всего, находился под плотным наблюдением украинской агентуры. Правда, Хабарову пришлось бы срочно эвакуироваться, если бы у Наташи возникло желание прийти к Еремееву, но она спокойно отпустила его домой, даже не предложив остаться у нее.

— По аэродрому мы работаем. Если у них есть договоренности с кем-то из летчиков, то мы это выясним и очень скоро. Ваша задача тянуть время, задавать глупые вопросы и требовать денег. Кроме того, скажите им, что завтра вечером заступаете на ночное дежурство по части, это может подтолкнуть их к активизации действий, — Хабаров четко разложил ближайшую ситуацию перед Еремеевым, чтобы он успокоился и поверил в свои силы.

А в это время по воинской части ВКС и самому аэродрому шла активная оперативная работа, в ходе которой удалось выяснить, что одному из пилотов еще советского транспортного самолета АН-72 «Чебурашка», названного так за двигатели, которые расположены на крыльях, поступило предложение от некоего коммерсанта по имени Олег, выполнить в ближайшее время коммерческий рейс по перевозке партии дорогостоящих ноутбуков. Контейнер с такого рода техникой вполне поместился бы в грузовом отсеке самолета.

Но летчик сказал, что военные самолеты коммерческих рейсов не выполняют, да никто и не знает, каким будет следующее задание и куда будет направлен самолет. Но Олег был активен и настойчив, предлагал большие деньги, что удивило сотрудников ФСБ своей непродуманностью и нелепостью — за такие суммы вполне можно было бы нанять частный самолет.

А значит, интерес был один — склонить летчика к тому, чтобы тот начал доверять Олегу и в итоге нашел бы пути, как пустить его с грузом на борт. А далее, как предположили члены совместной оперативной группы, последовали бы захват самолета и попытка его угона на территорию, подконтрольную киевским властям.

В течение двух часов к летчику был приставлен новый напарник. Им являлся оперативный сотрудник

ФСБ, имеющий летные навыки. Вместе они и пришли на встречу с Олегом, который сначала слегка испугался нового человека, но потом его убедили, что экипаж такого самолета не может состоять из одного пилота, готовность обоих летчиков обсуждать его условия — большая удача.

Второй летчик предстал перед украинским вербовщиком как залихвацкий и рисковый парень, который готов на любое дело ради получения солидного куша. Такой вариант вполне устраивал Олега, теперь нужно было только изыскать возможность на законных основаниях поднять самолет в небо, а во время погрузки на борт контейнера с «ноутбуками» захватить самолет, ликвидировать одного из летчиков и под дулом автомата заставить оставшегося в живых поднять борт в воздух и взять курс на территорию Украины.

Там только и ждали информации о дате и времени вылета, маршруте и номере самолета, чтобы обеспечить ему безопасный воздушный коридор и сопроводить усиленным звеном истребителей до места посадки на западе Украины, поближе к границе с Польшей. Там украденный комплекс можно было бы надежно спрятать, изучить, попутно представляя все это как огромный успех украинских спецслужб. Кроме того, в качестве козыря всем можно было бы показывать Еремеева — офицера, который предпочел службе государству-агрессору свободную жизнь в Европе. Да и летчику ничего не осталось бы как перекраситься на ходу и заявлять о своем участии в операции с момента ее планирования.

Все это имело бы огромный резонанс в мире и дало бы режиму Зеленского повод требовать поставок новых вооружений и технологических разработок, передачи развединформации, а главное — денег, которых так жаж-

дали все мало-мальски причастные к их получению, хранению и распределению украинские чиновники.

Кроме того, у неонацистских властей появилась бы возможность подороже продать свою добрую волю и готовность передать своим американским «друзьям» российский лазерный комплекс, работающий на совершенно новых физических принципах. На проведенных полигонных испытаниях комплекс за 5 минут сжег воздушную цель, находящуюся на расстоянии 5 километров. Военные эксперты НАТО, а их на территории Украины было предостаточно, понимали, что применение комплекса в повседневное боевой работе позволило бы вооруженным силам России фактически ослепить ВСУ, лишив их возможности получения какой-либо информации о дислокации наших войск и вооружений в принципе.

На следующий день после разговора с Наташей Еремеев пошел на службу и весь день был сам не свой в ожидании вечера. В течение дня ему четыре раза звонила Наташа, спрашивала, как дела. В итоге она сказала, что придет сегодня ночевать к нему. Но перед этим зайдет Рома, «чайку с пироженками» попить. Еремеев тут же набрал Хабарова, чтобы сообщить ему, что вечером и ночью будет не один. Тот сообщил ему, что придет в часть к половине шестого, что встретиться надо будет в секретной лаборатории, телефон с собой не брать и готовиться к скорому финалу всей операции.

От этих новостей Еремеев разнервничался еще больше. Он примерно понимал, что стоит на кону такой важной операции, в которой ему довелось участвовать. Самое главное было не подвести тех, кто доверил ему важное государственное дело. И, конечно, наказать украинских агентов, которые решили, что он поведет себя на красивую женщину, деньги и Европейскую жизнь, и забудет об офицерском долге. В сердцах Еремеев даже

смачно плюнул на пол и растер плевков ногой. «Так и с тобой будет Ромочка. И с тобой, дорогая моя Натали», — шепотом произнес он.

Пришедший ровно в назначенное время майор Хабаров, сообщил Еремееву, что украинцы пытаются завербовать летчиков и что пора сообщить Роме о том, что ночь его дежурства по части — идеальное время для того, чтобы осуществить операцию. Похитить и чертежи, и сам комплекс, который только «сегодня вернули с испытаний». На самом деле это был муляж, который изготовили умельцы из конструкторского бюро, по картинке и весу полностью копировавший оригинал, но не имевший с ним ничего общего.

— Мы оставим им ночь и день на подготовку. Это совсем немного. Думаю, за это время мы сможем выявить и связников и способы передачи данных и взаимодействия вражеской агентурной сети с центром. Кроме того, центру придется сообщить им маршрут перелета и пролета по территории Украины. А также обозначить места дислокации подразделений ПВО и аэродром, куда они должны приземлиться. Все это очень поможет нам, очень поможет, — сообщил майор Хабаров, стараясь настроить капитана на боевой лад, — ваша задача строго следовать нашему плану, показывать готовность им максимально помогать. Ну и о Наталке этой не забывайте. Побольше желания и страсти, пусть думает, что полностью рулит вами.

— Не вопрос, — отозвался Еремеев, — страсти у меня будет хоть отбавляй. Уже сейчас аж весь кипю, то есть киплю, короче, блин, не знаю, как правильно сказать.

— Киплю. Ну вот и отлично, работайте спокойно, — подбодрил его Хабаров, вся ситуация у нас под полным контролем. Когда завтра выйдете на дежурство, мы с вами обязательно увидимся и как следует все проговорим.

**Август 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

Вечерний обход врачей прошел как обычно. Лечащий врач Борис Федорович Нефедов был доволен тем, как обстоят дела у раненого военнопленного Тараса Комко. Несмотря на потерю и крови и тяжелую минно-взрывную травму процесс восстановления организма шел достаточно быстро. Анализы свидетельствовали о скором возвращении основных жизненных показателей в норму.

Военный хирург уже не раз встречался с последствиями подрыва на украинских минах-лепестках. Как правило, это приводило к потере конечностей. Не стал исключением и капитан Комко. Борис Федорович оперировал его около четырех часов, стараясь купировать воспаление и возникновение сепсиса.

Тарас уже всю сидел на больничной кровати и даже выходил покурить, благо заботливая медсестра Нина принесла ему почти новую пару костылей. У этой милостливой девушки была легкая рука. Тарас помнил, что когда он отходил от наркоза после операции, то на его

настойчивые просьбы попить, она обтирала его губы мокрым полотенцем. Но даже этой влаги Тарасу было достаточно для того, чтобы на время утолить его жажду.

Когда он стал выходить на улицу, состоялся его первый допрос. Немного уставший следователь СК вместе с офицером разведки приехали работать в госпиталь рано утром. Тарас же попал к ним уже после обеда. Следователь заполнял ответы на ноутбуке, а офицер делал пометки в своем блокноте.

— Фамилия, имя, отчество, дата, место рождения, место службы, — начал стандартную процедуру следователь.

— Комко Тарас Григорьевич, 18 марта 1989 года рождения, г. Сумы, заместитель начальника штаба 36-ой бригады морской пехоты ВСУ.

— Какова численность бригады и из каких подразделений она организационно состояла?

— Штатная численность 2600 человек, организационно состоит из 7 батальонов по 350 военнослужащих каждый, — ответил Тарас, понимая, что эта информация у российских военных есть уже давно.

— Еще какие подразделения входили в бригаду? — уточнил следователь.

— Разведывательный батальон. Я был в последнее время к нему прикреплен, подразделение береговой артиллерии, зенитно-ракетный дивизион и приданная артиллерия, — перечислил Тарас.

— Какие задачи выполняли по должности?

— После того, как два месяца назад я был закреплен за разведбатом, выполнял задания по осуществлению разведки на местности, проверке населенных пунктов на наличие противника, анализировал информацию с дро-

нов и готовил материалы для командования бригады, — рассказал Комко.

— Вы участвовали в убийствах мирных жителей? — задал следующий вопрос следователь.

— Нет, не участвовал. Наоборот, когда видел, что подчиненные готовы применить силу или грубость в отношении мирного населения, старался это пресекать, — ответил Тарас.

Офицер разведки ухмыльнулся:

— Что, прям пресекал? Кто это подтвердить может?

— Да любой из моих бойцов, вы спросите у них, — разволновался Тарас.

— Спросим, обязательно спросим, не волнуйся, — осадил его офицер.

— В пытках и внесудебных расправах над российскими военнослужащими участвовали? — следователь щелкнул мышкой, переходя на следующую страницу протокола.

— Нет, не участвовал.

— Военнослужащих ДНР или ЛНР?

— Нет.

— Что-то знаете об этом? Были свидетелями таких фактов? Знаете, кто из ваших знакомых, подчиненных или начальников осуществлял подобные противоправные деяния?

— Нет, не знаю таких, — тихо ответил Тарас, отвернувшись к окну.

— Почему-то я так и думал, — произнес офицер.

Следователь кивнул:

— Согласен с вами. Как к нам попадают, память начисто отшибает. Так, снимите верхнюю одежду. Мы проверим вас на наличие татуировок запрещенных подразделений и нацистской символики.

Тарас снял больничную рубашку, потом привстал и показал ноги.

— Одевайтесь. На сегодня все, но мы с вами не закончили, — следователь достал сигарету и закурил.

В один из дней в палату зашел средних лет российский офицер в звании подполковника.

— Тарас Григорьевич, меня зовут Евгений Евгеньевич. По поручению командования у нас с вами будет три выезда. В Мариуполь, Донецк и одно место под Луганском.

— В связи с чем? Кроме Мариуполя я нигде не был, — удивленно спросил Тарас.

— Это не связано с местами вашей службы в рядах ВСУ. Цель нашей поездки немного другая — познакомить вас с жизнью гражданского населения. А также кое-что показать. Командование посчитало, что вам будет полезно, — довольно пространно объяснил подполковник.

— Это как-то связано с моей семьей? — начал прощупывать ситуацию Тарас.

— Никоем образом, а что с вашей семьей? Она имеет какое-то отношение к Донбассу? — в свою очередь спросил Евгений Евгеньевич.

— Да нет, не имеет, просто так спросил, — несколько удивленно ответил Тарас. Он был уверен, что русские давно выяснили, кто его отец и ждал соответствующих разговоров и внесения себя в список на обмен.

Но пришедший к нему подполковник был непроницаем, и Тарасу уже начало казаться, что во всей этой госпитально-прифронтовой неразберихе никто до сих пор не прочухал, кто его батя. «Хотя Леха Филатов должен был доложить. По любому должен был... А может забыл, сам же ранен был осколком... Да, непонятно...» — рассуждал про себя Тарас.

Следующие три дня, проведенные с Евгением Евгеньевичем полностью перевернули его мировоззрение. В первый день они поехали в Мариуполь. Там подполковник провез его по улицам города. Тарас не смог найти ни одного целого дома. В 22-ом квартале города они вышли из машины, чтобы переговорить с людьми, которые готовили на костре еду. Вместо стола на кирпичи была положена чья-то входная дверь. Пожилые женщины рассказали Тарасу, как почти сорок дней прятались по подвалам, как привыкали к постоянному гулу артиллерии, отмечая, что большая часть разрушений произошла по вине ВСУ: танки и артиллерия били по жилым домам или устраивали огневые точки и засады прямо около многоэтажек, чем вызывали ответный огонь. Кроме того, пользуясь тем, что часть жителей уехала, а часть пряталась по подвалам, украинские военные откровенно мародерствовали, а в квартирах, где брат было нечего, устраивали туалеты.

— Да шо там говорить, вот на моих глазах, украинский чи снайпер, чи просто отморозок какой уложил Мироську Марченко с дочкой. Они вон из того дома, из подвала бежали к нам. Так он сначала в Миросою стрельнул, в живот ей попал, та упала, корчится на земле. К ней Верка, дочка ее подбегает. Рядом села и как начала кричать: мамка, мамка вставай, побежали, мне страшно и трясет ее. А Миросю лежить, сказать не может ничего, кишки у нее через рану лезут только. Тут второй выстрел. Верке прямо в голову. Хоть не мучилось дитя. Когда ее убили, Мироська еще жива была. Как увидела это, как закричит, как на месте закрутится. Тут и померла. Вот так оно было. А этот, который стрелял, с трансформаторной будки спрыгнул, издалека глянул, чего натворил и дальше пошел. Говорят, он потом из города пытался в жен-

ском платье выйти, да не вышло вроде как ничего у него. Ваши его убили.

На второй день Евгений Евгеньевич повез Тараса в Донецк, на Аллею Ангелов, расположенную в парке имени Ленинского комсомола. Подойдя к железной прямоугольной арке, украшенной стальными розами и несколькими белыми птицами, а также висящей от самой высокой точки гильзой от снаряда, Тарас увидел черный гранитный камень с высеченными там именами. Около мемориала горели свечи, лежали цветы и детские игрушки.

— Смотри, Тарас, это мемориал убитым более чем за восемь лет на Донбассе детям. Они погибли от прилетов ВСУ. От вашей арты. А знаешь, что в докладе ООН есть строчки о том, что пол семидесяти погибших детей до сих пор установить не удалось? Что это значит, понимаешь? — настойчиво спросил подполковник.

— Понимаю, — ответил Тарас поникшим голосом.

Мемориал произвел на него глубокое впечатление, поразив монументализмом и скорбью. Все это вместе настолько подавило его, что он долго не мог сдвинуться с места.

— Самое страшное знаешь что, Тарас? — спросил его Евгений Евгеньевич.

— Что? — глядя в одну точку, пробормотал Тарас.

— А то, что сначала, в 2015 году на камне было 77 детских имен. А сейчас видишь сколько? Места не хватает давно уже. Вот что страшно. Поэтому мы и решили остановить этот кровавый калькулятор. Вы же никогда не остановились бы сами. Ты с этим согласен?

— Согласен. Наверное..., — неуверенно начал Тарас. Нам всегда говорили, что нет никаких жертв, а донецкие

обстреливают сами себя, чтобы потом оправдать получение российского вооружения и помощи.

— По этому мемориалу похоже, что матери добровольно отдали своих детей на заклятие для того, чтобы вам в Киеве можно было сказать такую чушь? — спросил Тараса сопровождающий.

— Нет, наверное. Точно, нет. Матери бы конечно не отдали своих детей, — подавленно проговорил Тарас. Он был под сильным впечатлением от увиденного, переполнен эмоциями, и удивлялся произошедшему осознанию совершенно новых для себя вещей.

На третий день их путь лежал под Луганск, на мемориальный комплекс «Не забудем, не простим». Там, на краешке большого поля были закопаны около восьми сотен жителей Донбасса, убитых украинскими военными. Сверху братской могилы был насыпан ров, не менее 30 метров в длину, вдоль которого и предложил немного пройти Евгений Евгеньевич. Тарас медленно прошел на костылях несколько метров и повернул обратно. По телу бежали мурашки, а желудок выворачивало наизнанку. У поминального креста была основа из камней, скрепленных бетоном. На ней лежали цветы, много цветов. Тарас простоял там довольно долго, не в силах вернуться в машину и посмотреть в глаза местной женщине, которая за 15 минут рассказала всю историю мемориала, а также остановилась на судьбах отдельных людей, похороненных здесь.

Вернувшись довольно поздно в госпиталь, Евгений Евгеньевич попрощался с ним, сказав напоследок:

— Сделаешь ли ты какие-то выводы, Тарас, дело твое. Мое дело было показать тебе небольшой кусочек правды, о которой не знает большинство граждан твоей страны. Или знают, но молчат. Потому как не с руки говорить,

а может, кто и одобряет такие методы истребления собственного народа. Но, в любом случае, теперь ты знаешь и обратную сторону, а скорее цену, которую вы платите за подмахивание своим американским хозяевам. Также они бомбили Белград и другие мирные города. Будут делать это и дальше. Только пройдет время, американцы сотрутся из памяти. А вот вы — украинские военные, исполнявшие их волю, останетесь, как звери и нелюди, которых, действительно, никто не забудет и не простит.

Так что подумай об этом на досуге. Ну, бывай, Тарас, — подполковник кивнул ему головой и вышел из больничной палаты.

**Июль 2022 года,
Севастополь, Россия.**

В тот день, когда тело Максима Шалаева готовили к отправке в родной город, вышел указ Президента России о присвоении ему звания Героя России посмертно.

Мария Федоровна находилась у Милы с Сережей с самого первого момента, когда стало известно о героической гибели Максима. Эту новость сообщил ей командующий Черноморским флотом, которого генерал-полковник Жданко попросил сделать это лично.

Как только Мила увидела в дверях командующего в сопровождении группы офицеров, она вскрикнула и опустилась на пол. Но потом собрала волю в кулак и пригласила всех пришедших в единственную их просторную комнату. Офицеры молча прошли за ней и встали возле серванта. Командующий флотом снял фуражку.

— Людмила Михайловна, крепитесь, я принес вам информацию о том, что всех нас постигла тяжелая утрата. Ваш муж, капитан-лейтенант Шалаев Максим Евгеньевич, геройски погиб во время проведения специальной

военной операции. Выполняя задание, группа под его командованием столкнулась с превосходящими силами противника и приняла бой, в ходе которого был ранен один из бойцов. Капитан Шалаев вынес на себе с поля боя своего боевого товарища и остался прикрывать отход основной группы с раненым. Вел бой в ходе которого уничтожил почти полтора десятка националистов. Получив тяжелое ранение, сражался до последнего, подорвал гранатой окруживших его врагов и себя. Командование направило представление о присвоении ему звания Героя России.

Примите мои искренние соболезнования в связи с тяжелой утратой. Мы сейчас занимаемся доставкой тела вашего супруга в Севастополь. Это сопряжено с некоторыми трудностями, но уверен, что боевые товарищи Максима их преодолеют.

У Максима были еще близкие кроме вас и сына? — спросил контр-адмирал.

— Да, Мария Федоровна, мама его близкого друга, она ему как мама была, — зарыдала Мила.

— Может быть, вы пригласите ее к себе, вместе все-таки легче, да и вам помочь с сыном нужно, — сочувственно сказал командующий.

— Да, да, сейчас, — Мила взяла телефон и набрала номер Марии Федоровны.

Когда та подошла к телефону, Мила ничего не могла сказать ей на протяжении нескольких минут. Рыдания душили ее и лишили возможности говорить. Не понимая в чем дело, Мария Федоровна пыталась как могла ее успокоить.

— Мила, Милочка, родная, что случилось? — обеспокоенно кричала в трубку Мария Федоровна, — с Максимом что-то?

Наконец Мила справилась с сотрясающими ее рыданиями и проговорила:

— Максим... Максима... Максим убит, — только и сумела выговорить она.

— Господи, Милочка, кто тебе это сообщил?

— Ко... командующий у меня, — захлебываясь в рыданиях, ответила Мила.

— Горе-то какое, горе. Я сейчас же еду к тебе.

По дороге Мария Федоровна зашла в аптеку, взяла валокордин, снотворное и болеутоляющее. Дверь квартиры Милы не была заперта и Мария Федоровна вошла туда без звонка. В прихожей пахло крепким мужским одеколоном, видно, офицеры ушли недавно.

— Мила, Милочка, ты где? — с порога спросила Мария Федоровна, после чего напрямик прошла в комнату.

Мила лежала на диване и плакала. Услышав, что пришла Мария Федоровна, она встала и, обняв ее, зарыдала еще сильнее. Мария Федоровна накапала валокордина в фужер и, разбавив водой, дала выпить Миле, после чего выпила сама.

— Что сказал командующий? Это важно, постарайся все вспомнить, — попросила Мария Федоровна.

— Рассказал, как он погиб, спрашивал, что нужно, — глядя в одну точку односложно ответила Мила.

— И все?

— Еще то, что сейчас предпринимаются какие-то меры, чтобы тело Максима доставить сюда. Там какие-то трудности есть... — задумчиво проговорила Мила.

— Конечно, если все произошло, как рассказал командующий, то тело Максима осталось на территории врага. И нашим надо его забрать. Я сейчас же позвоню адмиралу Елагину. Он должен быть в курсе.

— Да, позвоните, вдруг что-то прояснится, вдруг они ошиблись, — взмолилась Мила.

Мария Федоровна листала записную книжку телефона, наконец нашла нужный номер и набрала. После долгих гудков она услышала довольно молодой голос:

— Слушаю вас.

— Алло, Александр Николаевич, это вы? Мне нужен адмирал Елагин.

— А кто его спрашивает?

— Скажите ему, что это Мария Федоровна Филатова его беспокоит, он меня знает и должен помнить. Он моего сына и его друга Максима Шалаева из плена возвращал. Нам сегодня сказали, что Максим погиб, мы хотели бы все уточнить у Александра Николаевича.

— Хорошо, я посмотрю, что можно сделать, — пообещал голос в трубке, — ждите.

— Он перезвонит, обязательно перезвонит, вот увидишь, — проговорила Мария Федоровна, господи, только бы скорее. Она подошла к окну и посмотрела на небо. Через пять минут ее телефон зазвонил.

— Незнакомый номер, — наверное, реклама какая, — предположила Мария Федоровна, но трубку сразу же подняла и поставила телефон на громкую связь.

— Алло, Мария Федоровна, это Елагин. Вы хотели со мной поговорить?

— Слава Богу, вы позвонили. Да, сегодня Миле Шалаевой сообщили, что ее муж Максим погиб. Скажите, это правда?

— К моему огромному сожалению, правда, Мария Федоровна. Максим погиб, как герой, — подтвердил информацию Елагин.

Мила уронила голову и снова зарыдала.

— Александр Николаевич, когда тело Максима доставят домой? — спросила Мария Федоровна.

— Мы прямо сейчас активно работаем над тем, чтобы в самое ближайшее время привезти тело Максима в Севастополь. Кстати, в составе группы, которой поручено решить эту задачу, находится и ваш сын Алексей. На днях он получил легкое осколочное ранение в руку, но там ничего серьезного. И тем не менее изъявил готовность пойти вместе с группой спецназа на это задание.

— Господи, ранение? Он мне ничего не говорил, — вскрикнула Мария Федоровна.

— Ну там просто ничего серьезного, осколок вынули, рана почти уже затянулась. Так что он полностью готов к выполнению боевых задач. Кроме того, мне показалось, что для Алексея это дело чести.

— Да, Александр Николаевич, вы правы, как всегда правы. Скажите, а это не опасно? — обеспокоенно спросила Мария Федоровна.

— Не скажу вам, что это безопасно. Это пока все. Давайтеждемся результатов операции, — Елагин посмотрел на часы.

— Александр Николаевич, я у Милы — жены Максима. Можно вас попросить набрать мне, как только что-то станет известно? — попросила Мария Федоровна.

— Договорились.

Женщины просидели в ожидании звонка адмирала до глубокой ночи. В начале второго раздался звонок:

— Мария Федоровна, операция прошла успешно, тело Максима доставлено в расположение нашего штаба и опознано Алексеем, и другими сослуживцами, а также мною. Передайте мои личные глубокие соболезнования вдове Максима.

Да, и еще. При выполнении задания ваш сын Алексей получил ранение в плечо. Сейчас он в госпитале, ему делают операцию. Его жизни ничего не угрожает, так что я, думаю, он сможет достойно похоронить друга.

— Снова ранен? Господи... Александр Николаевич, родненький, попросите его набрать мне, когда сможет. Я же с ума сойду здесь, — взмолилась Мария Федоровна.

— Наберет. До свидания. Еще раз примите мои самые искренние соболезнования, — сказал Елагин и дал отбой.

Мария Федоровна взяла трубку и набрала номер Олеси:

— Олеся, Алексей ранен, а Максим убит.

**Июль 2022 года,
Новый Оскол, Белгородская область.**

— Что мой котик скажет свой кошечке? — мурлыкала Наташа, склонившись над ухом Еремеева.

— Котик скажет, что все в порядке, надо действовать. Когда твой Ромчик придет? — в тон ей ответил Еремеев.

— Ой, да скоро уже. Не переживай. У него сейчас встреча с одним важным человечком, а после он к нам и забежит.

В этот момент телефон Наташи зазвонил, она глянула на экран и радостно сказала:

— Вот вспомнили Ромочку, он и появился.

Послушав его несколько секунд, она выключила экран, подняв на Еремеева глаза с нарощенными ресницами. При этом ее нарисованные густые брови смешно изогнулись, превратившись в два черных треугольника, которые занимали чуть ли не весь лоб девушки.

«Брови то, как у Леонида Ильича Брежнева. Как я раньше этого не замечал?», — подумал Еремеев и воткнул ноготь безымянного пальца себе в ладонь, чтобы не

рассмеяться от этой мысли и комичного лица своей бывшей возлюбленной.

— Ромочка не придет. Говорит, что лучше нам встретиться в ресторане. Давай туда подскочим, котик? Я сейчас такси вызову.

В ресторане посетителей было немного, Рома взял себе чай, налил, но пить не стал. Вместо этого испытующим взглядом уставился на Еремеева и спросил:

— Что скажешь, Володенька? Где чертежи, сокол мой ясный?

— Не вижу оснований для сарказма, — ответил Еремеев, замолчал и отвернулся к окну.

— Мальчики, ну не ссорьтесь, нам же надо общее дело сделать, — закончила Наташа.

— Никто не ссорится, просто я устал жрать завтраки твоего хахеля, — с нетерпением бросил ей Рома, — все завтра, завтра. Одни обещания и никакой конкретики.

— Вот сейчас зря ты так, — сказал Еремеев, — у меня вполне конкретная конкретика. Завтра в 21.00 я заступаю на дежурство по части, а значит буду иметь практически неограниченные возможности. Пару дней назад с испытаний вернулся совершенно новый комплекс. Его сняли с установки, проверили, подготовили к хранению и отправят в войска, когда будет соответствующий приказ. Это раз.

Я уточнил, где лежат чертежи и инструкции по применению комплекса. Во время завтрашнего дежурства смогу их забрать из секретной части. Это два.

И, наконец, более подходящего времени, чем завтрашняя ночь для того, чтобы сдернуть комплекс, не будет. Так что думай Рома, все ли у тебя готово к отправке.

— Ну вот, это другое дело, — расплылся в радостной улыбке собеседник капитана. Вот это ты меня порадо-

вал сейчас. Все, все, беру свои слова обратно. Ну такой я нетерпеливый. А ты молодец, правильно все прикинул. Скажи, а мы грузовичок сможем из части какой забрать. Чтобы только на него погрузить изделие и до аэродрома доехать?

— Несколько грузовых машин у нас есть в части. Но если мы будем вывозить комплекс на нашей машине, может возникнуть вопрос у охраны. А так, приехали за изделием под мою ответственность, я типа документы все проверил. Погрузили и уехали. А так сами смотрите, можно, конечно, и наш транспорт взять, но опять-таки повторюсь, надо будет какую-то легенду разрабатывать, — деловито ответил Еремеев.

— И то верно, правильно говоришь. Ладно, грузовик возьмем где-нибудь, — по ходу разговора начал прикидывать Рома.

— Только номера чтобы армейские были. Советую ЗИЛок взять, который продукты со склада по местным частям развозит. Он вечерами иногда у больнички местной припаркован. У водилы там роман с врачихой, все знают об этом. Как у нее дежурство, так сержант всю ночь там отирается. Может, повезет, и завтра там будет, — посоветовал Еремеев, только номера смените, их знают все.

— Это понятно, ладно, хорошая идея, это мы постараемся устроить, — энергично ответил Рома, — так, вот, держи это телефон для связи. Там один номер забит — мой. Завтра будем на связи, если что-то будем корректировать. А так, я тебе около одиннадцати вечера позвоню, к этому времени мы точно будем уже готовы.

— Наташа с вами будет? — решил уточнить Еремеев.

— Наташа? Наташа будет нас всех около аэродрома ждать. Там и подсядет к нам, не беспокойся, никуда она

не денется. Ведь не денешься, а Наташ? — весело спросил Рома.

— Куда же я от вас денусь? Особенно от тебя, мой котик, — Наташа прильнула к Еремееву всем телом. Тот в ответ обхватил ее руками и прижал к себе.

— Ну будя, будя, оставьте ваши телячьи нежности на потом. Вот сделаем все и обнимайтесь, сколько вам влезет, — на радостях от появившихся новостей театрально проговорил Рома.

Следующий день Еремеев провел так, чтобы ничем не смутить украинскую агентурную сеть. Вышел из дома в половине одиннадцатого, сходил в магазин, купил немного еды и пару бутылок пива. Вернулся домой, сделал себе покушать и потом до вечера смотрел сериал про отважных и принципиальных милиционеров, которых хотели посадить в тюрьму их коррумпированные коллеги, но никак не могли.

В восемь вечера собрал небольшую спортивную сумку, набросав туда разных вещей и бумаг для вида. Надо было показать Роме, что он готов к бегству и собрал все самое ценное.

В 20.15 блогер Кирилл зафиксировал на камеру своего телефона выход Еремеева из подъезда и передал это видео Роме. Через полчаса Еремеев зашел на территорию части, принял дежурство, надел красную нарукавную повязку и пошел проверять центральный КПП, где предупредил дежурившего там прапорщика с двумя бойцами, о том, что через пару часов должен прибыть грузовик, на который необходимо будет кое-что погрузить и отправить по назначению.

Вернувшись в кабинет дежурного, на пульте он увидел внутренний вызов из спецчасти. Подняв трубку, он

услышал голос майора Хабарова, который сообщил, что ждет его.

— Товарищ капитан, операция вошла в завершающую стадию. Ваша задача остается прежней, сейчас я расскажу некоторые детали, чтобы вы ориентировались в ситуации, и все участники с нашей стороны действовали сообща.

Мы сделали так, что доктор Михеева сегодня вышла на дежурство, как мы и проговаривали, машина стоит у больницы. В районе шести часов вечера они скрутили номера у машины пограничников, которые передвигались в составе колонны, но отстали, так как решили отведать шашлыков в кафе «Встреча» на трассе. Они рассчитали все правильно, погранцы, вроде как, нарушили дисциплину, поэтому и не должны были кипиш поднимать. Но мы этот вопрос отконтролили и те спокойно поехали дальше. Так что номера у них есть.

А по аэродрому мы решили так: подведем к ним только одного летчика, потому как если будет двое, то есть основания предполагать, что второго они ликвидируют. Поэтому за штурвалом будет наш сотрудник. Он уже передал им пропуск для проезда на территорию аэродрома.

Мы решили провести операцию полностью, то есть, дав самолету возможность взлететь и приблизиться к границе Украины. Потом поймете, почему. В грузовом отсеке самолета мы оборудовали два металлических комода, имитирующих шкафы для базирования узла связи, пожарного оборудования и хранения парашютов. В них будут находиться два наших спецназовца, которые по общей команде «Звезда» нейтрализуют Рому и еще одного человека по имени Олег, которые собралась лететь.

— А Наташа? — удивленно спросил Еремеев, уверенный, что она тоже полетит. Он очень хотел увидеть ее лицо в момент, когда их план потерпит полное фиаско.

— Наташа и еще два связника будут уходить по земле. Думаю, тут тщеславие сработало. Не хочет Рома делить победу ни с кем. Кроме своего ближайшего помощника, конечно. Но нам это на руку. За тех, кто не поднимется в воздух, не переживайте Владимир Иванович. Никуда они не денутся.

Так вот, по команде «Звезда» наши ребята должны нейтрализовать Рому и Олега. Вы же действуйте по обстановке, на рожон не лезьте. Но если надо будет ребятам помочь, не стесняйтесь. Вам летчик покажет, где лежит мощный электрошокер, нам эти деятели невидимого фронта живыми нужны.

Ну что, в целом все ясно? — бодро спросил Хабаров.

— Ясно, товарищ майор. Спасибо, что предупредили меня, — ответил Еремеев.

— Тогда по местам, ждите звонка. Мои сообщают, что машину у больницы они уже угнали, номера поменяли. Сейчас стоят на пустыре, обсуждают последние детали. А мы их внимательно слушаем.

Ждите звонка от Ромы и удачи всем нам.

46

**Август 2022 года,
Киев, Украина.**

Агент «Клен» подъехал к Храму, вышел из машины, сказал шоферу ждать в обычном месте — под раскидистой липой у небольшого магазинчика с церковной утварью и свечами, который находился на его территории. Широко перекрестившись у входа, он зашел в притвор, а оттуда сквозь старые тяжелые двери и в само помещение церкви. Там царил полутьма, горели свечи и было очень тихо. По расчетам «Клена» служба уже должна была закончиться, таинство причащения совершено и батюшка, который уже несколько лет верой и правдой служил ему надежным связником, смог бы уделить ему время для «духовного разговора».

Но привычного оживления не было, как не было и причастников и воцерковившихся трудников, которые всегда приходили убирать храм после службы — отскоблить с пола капельки воска, расставить цветы у икон и получить личное благословение от батюшки.

Вместо этого к «Клену» вышла матушка Екатерина со слезами на глазах.

— А батюшка наш отошел ко Господу вчера, пан генерал, — сказала она.

— Да как же это? — только и смог проговорить «Клен»

— Всю эту эпидемию проходил, людей исповедовал и не болел. А тут подцепил эту заразу, первые три дня вроде ничего, а потом дышать стало трудно, мы в больницу поехали, а там говорят, 80 процентов поражения легких уже было. Батюшку перевезли, где аппарат ИВЛ был, да без толку все. Потеряли мы его, теперь с пределов небесных будет за нас молиться, — всхлинула матушка.

— Вы, матушка, примите мои соболезнования, примите, вот, — «Клен» достал бумажник и отдал всю наличность матушке, — возьмите на похороны вам и на памятник.

— Спаси Господи, пан генерал, вы приходите завтра на отпевание и похороны, батюшка вас любил очень и ценил. Слышала я, как он молился за вас. Почти всегда молился.

— Постараюсь матушка, обязательно постараюсь, — ответил «Клен» и быстрыми шагами вышел на свежий воздух.

Сев в машину, он начал размышлять. Информация у него была важнейшая и кончина батюшки поставила под угрозу саму возможность ее передачи в Центр. Не передать ее «Клен» не мог, слишком велика была ее цена и цена бездействия в складывающейся ситуации.

Пытаться получить альтернативный канал связи — значит ждать. Как минимум дня три-четыре. И то непонятно, к чему могла бы привести такая спешка. Когда-то у «Клена» была договоренность с Центром, что некоторую информацию он будет передавать через открытые источники — украинские сетевые издания и телевизионные программы достаточно часто обращались к нему за интервью и экспертным мнением. Им нравилось, что говорит он достаточно просто, без сложных терминов, что всем нравилось и заходило зрителям. Они принимали

его за человека из народа, то есть за своего. Начальство даже просило его добавить в выступление перцу, побольше угрожать клятым москалям и обещать их скорый разгром и парад украинских частей на Красной площади. Но «Клен» гнул свою линию, так как нащупал в своих выступлениях ту струну, которая была созвучна мыслям и чаяниям простых людей.

И теперь пришло время воспользоваться этой своей популярностью. Он решил, что передаст нужную Центру информацию во время интервью. Только оно должно быть в прямом эфире, чтобы потом ничего не вырезали и его план смог сработать.

Зайдя в кабинет, он порылся в записной книжке, многие телефоны он по старинке записывал, не надеясь на список контактов в своем телефоне. Найдя нужный номер, а именно ведущей ток-шоу на канале «PRO UA», он набрал:

— Алло, Надежда? Доброго дня вам, Наденька. Узнали? Отлично. Вы уж две недели просите у меня интервью, а я, негодяй, уваливаю. Простите, работы было много. Ну так вот, я готов. У вас же вечерняя программа в прямом эфире идет? А... прямее не бывает, что ж, отлично, готов рассказать о наших планах, как мы побеждать собираемся, людей подбодрить и обнадежить. Да, могу и на всю программу прийти. Понял, за 15 минут до мотора буду, понимаю. Да, подгримироваться надо будет. Добре, до встречи.

«Так, волна, скорее всего завтра поднимется. Пока им сообщат, что я там наговорил, пока они сами посмотрят, пока сообразят что к чему. Потом меня вызовут, я скажу, что сами же меня просили пожестче по москалям пройти, вот я решил рассказать, как мы русню подставим и потом уничтожим. Скажу, в запале наговорил всякого. Они проверку назначат. А за это время, дай Бог Центр меня эвакуирует» — рассуждал «Клен». В крайнем слу-

чае один звонок по запасному каналу связи у меня будет, надо только определиться, откуда позвонить, где камер нет... Не магазин точно. И не набережная, там теперь все просматривается. Подъезд? Там консьерж, а на этаже соседи могут увидеть. Нет, опасно. Где же, где же? Туалет на телевизионном канале? Да, можно. Там две кабинки, проверить их, если никого не будет, то сразу после эфира можно будет и набрать. И там аппарат разобрать на куски и закинуть за подвесной потолок по частям. Сим карту в унитаз. Так, вроде, намечается план понемногу...».

«Клен» залпом выпил предложенный редакторами крепкий черный кофе, одел звуковую гарнитуру и вышел под софиты в студию.

— У нас телевизионное шоу, нас смотрит много зрителей, так что не сдерживайте себя в эмоциях, спорьте, отстаивайте свою позицию, — напутствовала участников редактор программы.

Три участника согласно кивали, грим был нанесен, секундомер в студии отсчитывал последние секунды перед началом прямого эфира. Прозвучало музыкальное вступление, Надежда начала с текущих новостей, потом представила участников и перешла к обсуждению.

«Клен» специально не стал лезть в дискуссию первым. Он внимательно выслушал своих визави и только потом показал Надежде взглядом, что готов выступать. Она быстро прервала предыдущего выступающего и, подойдя вплотную к «Клену», представила его зрителями:

— А теперь давайте спросим мнение того, кто действительно знает, как обстоят дела по противостоянию российской агрессии, что нам предпринять, чтобы переломить ход войны? Пожалуйста, вам слово, пан генерал!

— Считаю, что все, что говорили здесь предыдущие ораторы — профанация и мелкое угодничество обществу мнению, — начал «Клен», — нам нужны карди-

нальные меры для того, чтобы выправить ситуацию и победить врага.

— Какие же это меры? — заинтересованно спросила Надежда.

Камера взяла крупный план «Клена».

— Все просто, нужны меры, которых от нас никто не ждет. Например, русские захватили Запорожскую атомную станцию. Важный объект? Критически важный для нас. Почему мы сидим, сложа руки? Надо показать врагу, что ради возвращения объекта нашей энергосистемы мы готовы на все. Если начнем вести по ней прицельный артиллерийский огонь, невольно покажем свою твердость миру. А там потребуем передать станцию под наш контроль. Пусть МАГАТЭ и ООН уговаривают Путина это сделать. А мы в любом случае получим дивиденды с этого. Станция-то на нашей земле стоит, наша собственность, а значит, и делать мы с ней можем все, что посчитаем нужным. Кроме того, если мы и повредим реактор, случится утечка радиоактивных веществ, тогда их спецоперация точно остановится. Русские войска займутся эвакуацией мирного населения, ликвидацией последствий аварийной ситуации. Им будет не до военных действий. И такая ситуация может продлиться довольно долго. Это даст нам возможность перегруппировать силы, получить новое вооружение и продолжить все на совсем других условиях.

А может и не придется ничего продолжать. Мировое сообщество стеной встанет, чтобы уговорить Россию идти на мирные переговоры. А там мы сможем получить все, что захотим, потому как москали будут под чудовищным давлением. Да и перерыв в войне сделает свое дело. Никто не захочет снова начинать. Так мы сохраним то, что есть, да еще и вернем то, что временно находится под российской оккупацией.

— Какое неожиданное предложение, — прокомментировала несколько удивленная ведущая.

— Далее, вот у нас в Днепропетровской области, в семидесяти двух километрах к северо-западу от города находится опорный пункт формирования «Иностранный легион», в Висунске Николаевской области в здании бывшего санатория «Энергетик» тоже размещены те, кто приехал с оружием в руках отстаивать нашу территориальную целостность. Но почему мы их отдельно держим? Мы же их приказами ввели в состав наших вооруженных сил, вот пусть они вместе с нашими воинами и дислоцируются. Они не дворяне, а мы не холопы. И раз мы им платим деньги из нашего бюджета, пусть все тяготы и лишения переносят вместе с украинцами. Это будет справедливо.

— Думаю, что многие украинские солдаты и офицеры поддержат вашу позицию, сейчас мы посмотрим реакцию зрителей на это предложение, попрошу вывести на экран наш чат. Тааак, вот пошли комментарии. Все поддерживают вас, как и ожидалось.

— Это хорошо, что поддерживают, — согласился «Клен», — еще один момент. Надо планировать контрнаступление. Есть выгодные для нас направления, например, южное, точнее — Харьковское. Там есть хорошая военная инфраструктура, которая позволит нам подготовиться, собрать все силы в кулак и этим кулаком нанести сокрушительный удар под дых русским. Да так, чтобы они сложились пополам и не встали больше. Пора показать, на что мы способны. Зря что ли мы получаем самые современные и технологичные вооружения? При интенсификации поставок, например, танков и артиллерийских установок крупного калибра на шестьсот и тысячу единиц мы сможем добиться изменения оперативной обстановки на всей линии соприкосновения.

«Клен» увидел, что ведущая плотнее прижала к уху динамик связи с редакторами, вслушиваясь в то, что ей говорили.

— Спасибо за ваши предложения, наше время на исходе, давайте уходить на рекламу, — сказала она с некоторым испугом и недоумением.

— Минуточку, — вклинился «Клен», что это вы пытаетесь меня прервать? Я еще не все сказал.

— Мы продолжим после рекламы, — гнула свою линию Надежда.

— Нет, мы продолжим сейчас, — на повышенных тонах сказал «Клен», — так вот, еще один момент. Мы получаем тысячи единиц иностранной военной техники и вооружений. А пользоваться этим не умеем. Все это стоит и лежит на складах, привезенное под видом гуманитарных грузов. Вот одна фура компании «UA logistic» с западных границ везет в логистический центр в Соledаре две американские гаубицы М 777. А сколько нам нужно таких фур? Правильно, много. А коммерсанты не очень-то стремятся помогать фронту. Деньги требуют или привилегии какие-то там. Нам надо дать все права ВСУ мобилизовать ресурсы любой фирмы и компании под наши нужды.

То же и по ремонту. Сколько мы уговаривали завод «Калибр» в Днепре брать в ремонт наши ракеты «Точка У»? Три недели владелец-олигарх кочевряжился. А эти ракеты, между прочим, наносят самый крупный ущерб живой силе и инфраструктуре противника.

Извините, если отнял у вас время, теперь можете уходить на свою рекламу, — сказал «Клен» и глубоко выдохнул.

**Август 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

Хирург военно-полевого госпиталя Борис Федорович Нефедов заполнял истории болезни своих пациентов. Был уже вечер и он заметил, что от постоянного перенапряжения утратил былую остроту зрения. Это было тревожно еще и с профессиональной точки зрения, так как операции, которые он проводил, требовали подчас безупречной точности каждого движения, что было невозможно без точного орлиного взгляда. Он размышлял о том, что надо будет позвонить в Москву, своему знакомому офтальмологу и попросить его подобрать хорошие очки и передать их ему сюда. И чем быстрее, тем лучше. А пока он решил поискать очки с подходящими ему диоптриями у кого-нибудь из штабных с плохим зрением. Те запасливые и обычно возят с собой запасные. В этот момент в дверь постучали.

— Да, войдите, — громко сказал Нефедов.

Через пару секунд дверь отворилась, сначала в кабинете появились костыли, а затем за ними в кабинет на одной ноге запрыгнул его пациент Тарас Комко.

— Борис Федорович, разрешите? — спросил визитер.

— Да вы уже вошли Тарас, чего спрашиваете. Болит что-то? — поднял на него глаза хирург.

— Да нет, доктор, ничего не болит, хотел вас об одном одолжении попросить.

— Валяйте, — разрешил Нефедов.

— Понимаете, мне очень нужно встретиться с самым главным, кто у вас тут есть. У меня есть очень важная информация, и сказать я ее могу только ему. Я слышал, что самый старший тут какой-то адмирал, то ли Ермаков, то ли Елагин.

— Елагин, — поправил его доктор.

— Да, Елагин. Так вот помогите мне, организуйте с ним встречу. Он точно не будет разочарован тем, что я ему сообщу, — просительно и одновременно достаточно уверенно сказал Тарас.

— Не знаю, молодой человек, что я смогу для вас сделать. Адмирал — человек очень занятой, не уверен, что он найдет время вас слушать. Но раз вы настаиваете, давай я попробую связаться с его помощниками. А там посмотрим. Может кто-то из них сможет с вами поговорить. От такой возможности я бы на вашем месте не отказывался.

— Вы все-таки скажите, что капитан Комко, подчеркните, Комко, очень просит о личной встрече и готов сообщить важную информацию.

— Хорошо, я вас услышал, а теперь идите в палату, скоро вечерний обход, — Нефедов нервно постучал зажатой между пальцами шариковой ручкой по краешку стола.

Спустя сутки Тарас уже сидел в большой штабной палатке, где за небольшим столом обосновался адмирал Елагин.

— Ну-с, Тарас Григорьевич, и что вы мне хотели сказать? — с легкой иронией в голосе спросил Елагин.

— Я Тарас Комко, сын генерал-лейтенанта Комко — заместителя начальника Генерального штаба ЗСУ, то есть, прошу прощения, ВСУ.

— Я в курсе, кто ваш отец, — сразу сообщил ему адмирал.

— А почему тогда.... Не понимаю.... — удивленно проговорил Тарас, — ну ладно, наверное, этому появится какое-то объяснение. Вы знаете, несколько дней назад один подполковник провез меня по трем местам Донецкой и Луганской областей, то есть, прошу прощения, Донбасса. Я все эти дни думал, о том, что увидел. Короче, я готов давать показания против тех, кто участвовал в расстрелах мирных жителей. А также казнях ваших военнослужащих.

Но сделать я это смогу только в одном случае. Если вы лично дадите мне гарантии, что меня не обменяют. Я уверен, что мой отец уже давно занимается этим вопросом и в любой момент меня могут увезти.

И в этом случае мне придется стать героем телевизионных шоу и рассказывать, как я героически сражался. При этом придется молчать, как мои же товарищи меня бросили, как потом они дали координаты того леса, по которому из всех калибров дала наша артиллерия, причем только с одной целью — скрыть следы своего предательства и не дать мне остаться в живых. А вынес меня, между прочим, мой друг по училищу — Леха Филатов с товарищами. Они жизнями своими рисковали, пораженные осколками все вернулись, а меня притащили.

А рассказ жителей Мариуполя, а мемориалы в Донецке и под Луганском? Мне же никто не даст об этом рассказывать. А врать я уже не смогу. Наврался за свою жизнь столько, на несколько жизней хватит, — посетовал Тарас.

— Об этом я в курсе. Это же ты выманил своих друзей Филатова и Шалаева на пункт пропуска «Чонгар» в Крыму, где их захватили СБУшники? Ты в награду за это уехал помощником военного атташе в Брюссель? Ты вместе со своими подчиненными издевался над бабушкой с красным флагом? — с нарастающим раздражением спросил адмирал.

— Все не совсем так. Ребят я вынужден был обмануть, меня отец заставил, иначе у него были бы неприятности и у меня заодно. А по бабушке той, это я не дал Процко ей вред причинить, он вместо этого просто флаг растоптал, это можно проверить, — скороговоркой выпалил Тарас.

— Проверим, обязательно проверим, — пообещал Елагин, — что касается вопроса выдачи, то могу успокоить, никто тебя обменивать не собирается. Да и украинская сторона ни по каким каналам не обращалась к нам с таким предложением. Насколько я информирован.

— Наверное, они считают меня без вести пропавшим, — предположил Тарас.

— Да, это их обычная практика, чтобы деньги семьям погибших не выплачивать и прямые потери занижать. Надо же сохранять хорошую мину при плохой игре. Так что делай выводы, Тарас, видать, не очень ты там нужен, на Украине, на этот раз, — многозначительно сказал адмирал.

— Может отец не знает обо мне ничего, поэтому и не хлопчет? — гнул свою линию Тарас.

— Тебе это так важно сейчас? — удивленно спросил Елагин. Даже если и захлопочет, ни к чему это не приведет. Так что можешь смело давать показания. Это правильно, сними грех с души. А там, глядишь, и зачтется это тебе, в новой жизни. А то, что вам придется все по новой начинать, это к бабке не ходи.

— Да, я это только здесь, в плену понял и осознал. Преподобней жизни уже никогда не будет, — проговорил Тарас.

— Ну, это не мы вас ее лишили, вы сами себя ее лишили. Каждый кузнец своего счастья и несчастья тоже. Вы думали, что бесконечно можно творить, чего вздумается? Удивительная черта у вас есть. Вот вы сделаете гадость, неважно кому — человеку, группе людей или даже целому государству или народу. А потом ждете, что те, кому вы сделали гадость или предали, к вам все равно должны, просто обязаны хорошо относиться. Более того, искренне удивляетесь, если на ваши просьбы никто больше не реагирует. Вы же великие, вам полторы тысячи лет, вы море Черное рыли, все великие открытия сделали, а мы, так, — жалкое ответвление славянообразующего украинского народа. Самим-то не смешно, а, Тарас?

— Если честно, то я особо в это не вникал, — признался Тарас, — так, слышал краем уха что-то подобное.

— А зря, если бы вник хоть раз, то многое бы понял. Например, истоки вашей русофобии, ненависти ко всему российскому, готовности принимать у себя любую шваль, лишь бы насолить москалям.

Кстати, твой бывший друг, Максим Шалаев, геройски погиб, забрав с собой почти два десятка наемников.

— Макс погиб? — ошарашенно спросил Комко.

— Да, погиб, ему присвоено звание Героя России посмертно. Филатов участвовал в операции по доставке его

тела на нашу сторону. Настоящий герой! Мы его к ордену Мужества представили. Так что смотри, как твои бывшие друзья Родине служат! Закалил ты их в жизненных передрягах, и они от этого сильнее стали. Честные, цельные, храбрые ребята. Не берет зависть?

— Есть немного, — потупил взгляд Тарас.

— Ладно, не о совести и не о зависти речь сейчас. Я рад, что ты на верный путь встал, давай показания по максимуму, никого не выгораживай и вспоминай, вспоминай, кого и где видел. Кто законы войны нарушал, кто над мирными издевался. Будет все нормально, переговорю с командованием, с протезом тебе что-нибудь придумаем, так что давай, вперед, для тебя все только начинается, — подбодрил его Елагин.

**Август 2022 года,
штаб-квартира СВР, Ясенево.**

— Задал «Клен» жару на их ТВ, — с восхищением проговорил генерал-полковник Макаров. Вы все поняли, все расшифровали, меры приняли?

— Так точно, товарищ заместитель директора службы, все расшифровали, информация важнейшая. Кроме того, в результате высокоточного удара по пункту дислокации «Иностранного легиона» в Днепропетровской области ликвидировано около 80 иностранных наемников, той же ночью до 250 иностранных наемников уничтожены в районе Николаева, — доложил Михайлов.

— Молодец, «Клен», — снова не удержался Макаров, — но с другой стороны, нам теперь его оперативно выводить надо. Что по реакции его начальства?

— Докладываю. Есть официальное заявление их заместителя министра обороны. Зачитываю: «Служба безопасности Украины начала расследование в отношении высокопоставленного военного, который допустил утечку информации о планах Вооруженных сил страны во

время интервью одному из украинских каналов. Он допустил раскрытие стратегических планов Вооруженных сил Украины. Министерство и дальше будет продолжать совместную с СБУ работу по предотвращению утечек важной военной информации», — полковник Михайлов оторвался от бумажки.

— Сложная ситуация. Все горит сейчас вокруг него. Во время сеанса связи по запасному каналу сказали, что принято решение о его эвакуации из Киева? — уточнил Макаров.

— Конечно, он сам об этом спросил, видно чувствует, что долго уже не продержится. И про сына спрашивал, я сказал, что опекаем его и что все под нашим полным контролем, — ответил Михайлов, — команда по эвакуации уже прибыла в Киев. Готовы начинать, ждут отмашку.

— Так давно надо было уже такую отмашку давать, счет идет на часы, если не на минуты. Заберут в СБУ и больше мы его не увидим. Так что давайте команду прямо сейчас начинать. И потом, наверняка его уже по полной обложили. И квартиру, и загородный дом, везде их наружка работает, — уверенно сказал Макаров.

— Мы его под эгидой сердечного приступа забираем. Домработница набирает в скорую, через 7 минут приезжаем мы, смотрим, делаем ЭКГ, говорим инфаркт, надо в больницу срочно. Выезжаем, под сиреной идем по городу, сбрасываем все хвосты. По ходу его гримируем, потом пересаживаемся в другую машину, едем в Борисполь. Там он с чистыми документами вылетает в Вильнюс, оттуда на машине три часа и он в Белоруссии. Из Минска прямой рейс на Москву. Такая вот логистика выстроилась, — доложил Михайлов.

— Неплохо, должно сработать, — согласился с ним Макаров, — обо всех этапах операции докладывайте мне лично. Вы свободны.

Макаров нажал на селектор:

— Соедините меня с адмиралом Елагиным, он командует донецким направлением СВО. Да, понимаю, поищите, да, когда сможет. Хорошо, я буду ждать.

Через полчаса адъютант доложил ему, что на проводе адмирал Елагин.

— Александр Николаевич, приветствую тебя, это генерал-полковник Макаров, на совещании у первого виделись с тобой недавно.

— Конечно помню, Станислав Евгеньевич, дорогой. Что разведку интересуешь? — спросил Елагин.

— У тебя там пленный один в полевом госпитале лежит, фамилия Комко, зовут Тарас. Насколько я знаю, он к тебе на беседу ходил?

— Все-то вы знаете, — с завистью сказал Елагин, — да, приходил, удивлялся, что не обменяли его до сих пор, что папаша его на связь не выходит, не мычит и не телится, чтобы его домой вернуть. Я ему тут три экскурсии устроил, так впечатлился парень, значит совесть не до конца потерял. Кстати, он у меня просил не обменивать его, видать обиду затаил на то, что товарищи боевые его с оторванной ногой оставили в лесу валяться и что затюжили тот лес потом артиллерией, чтобы навсегда его там похоронить.

Ну а предыдущую его историю ты, наверное, помнишь, когда я двух своих офицеров из плена возвращал. Когда еще флотом командовал. Так вот это как раз Тарас их на пункт пропуска выманил, рассказывал им байки про то, как плохо ему и как хочется обратно в Севасто-

поль вернуться. Те уши развесили и в итоге на три года в плен угодили.

— Конечно, помню, блестящая тогда у ФСБ операция получилась. По обмену. И ты всем на месте сидеть не давал.

Так вот, Александр Николаевич, я к тебе завтра с утра подошлю моего человечка. Он тебе все по порядку расскажет по тому парню. Нам очень нужно, чтобы ты в курсе был и помог нам, если что.

— Добро, пусть подходит, я своих ребят предупрежу, — отозвался Елагин.

**Август 2022 года,
Новый Оскол, Белгородская область.**

Звонок от Ромы раздался без пятнадцати одиннадцать.

— Все идет по плану, подъезжаем к воротам, можешь встречать нас, — раздался в динамике серьезный голос руководителя украинской агентурной сети.

— Принято, — коротко ответил Еремеев.

Зайдя на центральный КПП он дал команду открывать ворота и не усердствовать с досмотром машины.

— Мне из Москвы сейчас звонили по этой машине. Серьезная организация за изделием приехала. Так что «эта нога у кого надо нога», — пытался нагнать серьезности Еремеев.

— Да я и так по номерам вижу, из какого ведомства машина, — отозвался дежурный прапорщик, — только на нашу хозяйственную уж больно похожа.

— Слушай, Грищенко, не мудрствуй лукаво, они все на одно лицо, — постарался свести все в шутку Еремеев.

— Ваша правда, товарищ капитан. Попов, Попов, глухомань деревенская, отворяй ворота, пропускай ЗИЛ, товарищ капитан его ждет.

Ворота части открылись и машина медленно заехала на территорию. Еремеев запрыгнул в кабину, при этом Олегу пришлось сдвинуться ближе к водителю.

— Поехали, поехали, покажу, куда подруливать. Здесь прямо пока, вот тут налево, да, так едем, держись вон той антенны большой. Так, а вот тут направо. Все, ко входу подруливай, — распоряжался Еремеев, — вы где форму надыбали?

— Есть места, без нее никак, — ответил сидевший за рулем Рома.

— Сейчас я команду дам изделие грузить, — на ходу бросил им Еремеев.

— Погодь грузить, пусть специалист, — Рома кивнул головой на Олега, — посмотрит, что мы грузим.

— Да не вопрос, пошли, — согласился Еремеев, правда только время потеряем.

— А он быстро посмотрит, — ответил Рома, — давайте, давайте, пошли.

Еремеев завел ряженных украинских разведчиков в хранилище спецчасти и указал пальцем на стоящее в деревянном ящике и накрытое брезентом изделие:

— Смотрите, сколько влезет, потом ящик надо будет закрыть и пломбу поставить. Так полагается, наряд на выезде проверит обязательно, — сказал Еремеев и демонстративно отвернулся.

Олег подошел к изделию, первым делом сверил его внешний вид с какой-то картинкой, которую достал из кармана, потом проверил маркировку, полазил по блоку управления, стал нажимать на кнопки, звуковой сигнал оповестил об активации прибора.

— Все нормально, то, что надо. Забираем, — возбужденно сказал он Роме.

Еремеев по радиации вызвал бойца на электрическом погрузчике, тот зарулил на склад уже через три минуты после команды, лихо подъехал к ящику, подцепил его на две железные подставки и поднял в кузов грузовика.

— Так, трогаем, трогаем, — почти прокричал Рома.

— Ты чего это раскомандовался? — осадил его Еремеев, — у тебя погоны старшего сержанта, ты — водила, твое дело баранку крутить. А вот напарник твой в офицерской форме, он и должен команды отдавать. Так что не вылезай, а то спалишь всю контору.

— Понял, я понял, все равно поехали уже, — шепотом проговорил Рома.

— Иди кузов закрой, командир, — распорядился Еремеев, и, взяв сумку с вещами и тубус, залез в кабину.

— Да, иду, — на ходу бросил Рома.

Послышался звук закрываемых запоров, и машина тронулась обратно к КПП.

— Документы я проверил, все в порядке, вот разрешение на выезд, — Еремеев из окна машины протянул прапорщику Грищенко листок, одновременно зашипев на Рому:

— Чего сидишь, иди кузов открывай.

Рома выскочил из машины, как ужаленный, и судорожно стал открывать кузов.

— Да вы не суетитесь, товарищ старший сержант, мы все успеем, — размеренно проговорил Грищенко.

Осмотрев кузов и сверив маркировку на ящике с цифрами в разрешении он снова подошел к дверце, из окна которой торчала голова Еремеева.

— Ага, все в порядке, — подытожил прапорщик, — вот только сдастся мне, что это наша хозяйственная маши-

на, вон на двери и царапина в том же месте и на капоте знак от «Волги», который туда Колян приделал...че то не то, товарищ капитан.

— Послушай, Грищенко, ты чего воду мутишь, мало ли похожих армейских ЗИЛов по дорогам ездит. Царапины не показатель, а знак такой любой умелец, у которого воображение есть мог присобачить. В советское время на Кавказе все грузовики с портретом Сталина ездили и что, они от этого одинаковыми становились? — стал урезонивать его Еремеев.

— Это да, это да. Может вы и правы, товарищ капитан. А документик на машину можно глянуть?

Еремеев увидел, что Олег при этих словах вынул из кобуры пистолет и положил его себе на колени.

— Прапорщик Грищенко, — грозным голосом проговорил Еремеев, — отставить подозрения, не срывай мне важное государственное мероприятие. Видишь, я с ними еду, прослежу, чтобы все чин чинарем было. Давай, открывай ворота.

Грищенко кивком дал команду открыть ворота. Машина тронулась, заглохла, потом снова завелась и взревев мотором, выехала за пределы части.

— Странно, и экипаж военной автоинспекции их не сопровождает... — проговорил Грищенко, — пойду-ка я, наберу куда надо.

Взяв в руки лежавший на столе справочник, он довольно быстро нашел телефон районного отдела ФСБ и набрал номер дежурного:

— Алло, это ФСБ? Докладывает прапорщик Грищенко, дежурный по воинской части, где проходят испытание и хранятся секретные изделия. Только что с территории части выехал грузовик с номером 6478 АЕ, регион 12. Документы в порядке, вот только сама машина один

в один наша хозяйственная, те же царапины и эмблема та же. Кроме того, их машина ВАИ для сопровождения не встречала. Так ни разу не было еще. Всегда, когда секретные изделия перевозят и ВАИ, и охрана сопровождают. А тут водитель и офицер. Правда с ними наш дежурный по части капитан Еремеев поехал. Вот я и волнуюсь, не случилось бы с ним чего... Что вы говорите? Нет, никому больше не докладывал, вам первым позвонил. Да, понял, есть подождать минуту на трубке.

По тону дежурного отдела ФСБ прапорщик Грищенко понял, что его сообщение было принято всерьез, и решил ждать.

— Прапорщик Грищенко?

— Так точно, я!

— Подполковник Плотников, начальник отдела ФСБ. Мы проверили вашу информацию, все в порядке, отдел в курсе этой доставки. Выехали в ночное время, чтобы не привлекать внимание и соблюсти секретность. Мы отслеживаем машину по всему маршруту. Спасибо вам за проявленную бдительность, товарищ прапорщик.

— Понял, товарищ подполковник, ну вы же понимаете, я должен был доложить, тут ведь вот как, ошибешься, м-да.. а ситуация, сами знаете какая...

— Благодарю за службу, несите дежурство дальше, — в трубке раздались короткие гудки.

Довольный собой прапорщик Грищенко закурил и пошел заваривать себе кофе.

— Уж что, что, а кофе с вафельным тортом, я точно заслужил», — гордо сказал он себе под нос.

**Август 2022 года, зона проведения
специальной военной операции.**

Церемония награждения отличившихся бойцов и офицеров государственными наградами, по решению адмирала Елагина проходила раз в месяц. К определенному числу кадровики готовили для него список награжденных с описанием биографии и их подвига.

Елагин выезжал на передний край, где на небольшой площадке выстраивались отличившиеся. Адмирал выступал с небольшой речью, затем давал слово начальнику управления кадров, который оглашал Указ Верховного главнокомандующего, затем происходило непосредственное вручение наград. Не обходилось и без скромного стола, и боевых ста грамм.

Вот и накануне увидев в списке награжденных имя капитана Филатова, адмирал еще раз вспомнил события минувших дней, как забирал Алексея и его друга Максима Шалаева на пропускном пункте сразу после их обмена, как привез к матери — Марии Федоровне, как потом ребята отказались от годовой премии. Сказали, что не-

удобно перед сослуживцами, за то, что те служили, а они просто сидели в украинской тюрьме.

На следующий день адмирал Елагин стоял перед строем, в котором было двадцать пять человек. Он особо никогда не готовил поздравительные речи, ему достаточно было сориентироваться по складывающейся обстановке. А в данном случае лица и глаза солдат и офицеров говорили сами за себя, так что слова подбирать не пришлось:

— Дорогие мои боевые друзья, сегодня в соответствии с указами Верховного главнокомандующего, я буду вручать вам высокие государственные награды за проявленное мужество и героизм.

Для меня сегодня огромная честь поздравлять вас с высокими государственными наградами. В первую очередь, желаю вам успешного выполнения всех поставленных боевых задач, берегите себя и своих подчиненных. Только вперед и только к победе.

Вы знаете, кто противостоит нам. Помимо военнотружущих ВСУ, здесь собралось отребье со всего мира. Для чего? А для того, чтобы не было Русского мира, не было крепкой России, не было бы нашей веры, которая сплачивает народы страны. Я знаю, что здесь есть и православные и мусульмане. И именно руководствуясь неизблемыми законами Всевышнего мы отстаиваем добро, мир, спасаем людей от сатанистов и сторонников темных сил.

Они попытались протянуть свои гнилые щупальца к нашим домам и нашим близким. Но ничего у них не выйдет. Пока есть такие, как вы, пока есть наша армия и есть Россия, мир не скатится в пропасть.

Имена наших боевых братьев, отдавших свои жизни ради свободы и безопасности Родины, за чистое небо над нашими головами, навсегда останутся в наших сердцах.

цах. Среди них герои России: старший лейтенант Нурмагомед Гаджимагомедов, Владимир Жога, старший лейтенант Максим Песков, капитан Максим Шалаев.

Они — достойные сыны своего Отечества, проявившие небывалое мужество и героизм в сложных условиях. Доблесть, бесстрашие и героизм всегда отличали наших ратников, которые во все времена вставали на защиту своей Родины, в далеком прошлом, на фронтах Великой Отечественной войны и сегодня, когда речь зашла о возрождении нацизма, о реальной угрозе целостности страны, о жизнях народов братского Донбасса.

Я хочу, чтобы вы знали, что наш тыл работает и трудится для нас. Создаются новые виды военной техники, которая способна не только эффективно бить врага, но и защищать наши с вами жизни. Совсем скоро в войска поступит новая версия броневедомобиля «ВПК-Урал» с повышенной защитой, достигнутой за счет использования несущего бронированного корпуса. Ни в России, ни за рубежом на сегодняшний день не существует другого броневедомобиля в этом классе с таким уровнем защиты. Нашим конструкторам удалось повысить уровень баллистической защиты до третьего уровня по международным стандартам, а противоминную — до восьми килограммов в тротиловом эквиваленте.

Кроме того, постоянно модернизируется оружие нового поколения, в том числе, разработанное на основе совершенно иных физических принципов. Например, лазерный комплекс «Задира» способен уничтожать беспилотники противника на расстоянии до нескольких километров.

Дорогие мои боевые друзья, мы не на словах, а на деле воплощаем в жизнь слова великого Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай; воевать не числом, а умением;

стоянием города не берут; честь моя мне всего дороже; а покровитель ей — Бог».

Я верю в то, что мы выполним с честью все задачи, которые поставили перед нами Верховный главнокомандующий и министр обороны, завершим вместе освобождение многострадальной Донецкой народной республики, и здесь наконец-то поселятся мир, спокойствие и процветание. Мы сделаем все, чтобы Донбасс зажил счастливой жизнью.

Вы мои боевые друзья до конца дней. Спасибо, братцы.

Начальник управления кадров, зачитать указ Президента Российской Федерации.

Зазвучали строки президентского указа:

— За воинскую доблесть и проявленную отвагу награждены...

— Орденом Мужества — капитан-лейтенант Филатов Алексей Юрьевич.

Филатов вышел из строя и четким шагом подошел к адмиралу:

— Товарищ командующий, капитан Филатов для награждения прибыл.

— Ну что, Леша, поздравляю тебя, — сказал Елагин, вручая, ему орден, — теперь ты и воевать и жить должен за двоих. За себя и за Максима. Семью его не забывай ни на минуту. Сын пусть растет, мы ему обязательно поможем выбрать правильную дорогу в жизни.

— Так точно, товарищ адмирал, мама и моя Олеся все время с ними, — сообщил Алексей.

— Помню их, видел на похоронах Максима, замечательные они женщины, настоящий тыл! Так что я и за тебя спокоен и за память Максима, — капитан Филатов, встать в строй.

— Есть!

**Август 2022 года,
Москва, Россия.**

Рейс Минск-Москва подходил к концу. Самолет вынырнул из облаков и в иллюминаторе «Клен» увидел Химкинское водохранилище, водную гладь которого бороздили десятки яхт и катеров, потом какой-то большой мост с огромной автомобильной пробкой на нем, потом дачные домики и коттеджи. Вдалеке виднелась Москва с высотными зданиями Сити, Останкинской телебашней и сталинскими высотками.

«Сколько же я не был здесь? Да с 1988-ого вроде. Да, точно, именно тогда супруга уговорила его заехать и закупиться необходимым в столичных магазинах. Хотя времена уже были перестроечные, но в Москве тогда открылось множество разнообразных кооперативных магазинов, где его наивная супруга и мечтала отовариться. Но, увидев цены, все иллюзии были вмиг разбиты. В итоге они погуляли по Красной площади, а около ГУМа, жена «для порядку» купила себе совершенно непонятного вида леопардовые легенсы, в которых ходило пол Мо-

сквы. После чего они отправились дальше, в Мурманск, где служил его друг по военному училищу. Их жены были подругами, что сулило старым друзьям возможность спокойно посидеть за рюмочкой, пока их жены обсуждали последние сплетни.

Шасси коснулись бетона взлетно-посадочной полосы, и после небольшой встряски самолет ровно покатился, теряя скорость, и вскоре подрулил к рукаву под номером 13. Капитан поблагодарил всех за выбор авиакомпании «Аэрофлот», а стюардесса оповестила, что первыми покидают самолет пассажиры бизнес класса.

Накладные борода и усы уже изрядно надоели «Клену», он был человек военный и брился каждый день, поэтому растительность на лице создавала для него дискомфорт. А еще, для полной конспирации, нужно было носить парик, который доставлял «Клену» массу неудобств, но сотрудники российской разведки, которые занимались его переправкой в Россию проинструктировали:

— Лишних движений не делайте, ведите себя максимально естественно и поменьше трогайте лицо руками. Профессионалы прекрасно знают такие жесты и вычислят вас на раз-два. Поэтому категорически до того момента, пока вы не сядете в нашу машину в Москве, ничего трогать нельзя, — убедительно внушил ему «фельдшер скорой», пока та под сиреной неслась по улицам украинской столицы, пролетая светофоры с красным светом и уходя от слезки СБУшной наружки.

У них было очень мало времени, самолет на Вильнюс улетал через полтора часа. А еще нужно было пересесть в другую машину, доехать до аэропорта «Борисполь», пройти все процедуры таможни и пограничников, которые имели указание: граждан Украины мужского пола из

страны не выпускать. Именно поэтому «Клен» стал Арвидом Илвесом, гражданином Эстонии.

От наружного наблюдения пришлось отрываться чуть дольше, чем предполагалось. Дом «Клена» контролировали несколькими экипажами, что говорило о серьезности намерений СБУ. Но эта заминка пошла на пользу, пример смог не спеша загримировать и переодеть «Клена». В итоге в перелеске, недалеко от Киева, в такси сел совершенно другой человек, который был похож на степенного и чопорного эстонца в дорогих очках с кожаным саквояжем и длинным зонтом-тростью в руке.

Регистрацию и предполетный досмотр «Клен» прошел без всяких проблем. На таможенном посту его саквояж просто прогнали сквозь ленту досмотрового аппарата. А вот у пограничных кабинок царило оживление, от которого ему стало немного не по себе. Помимо пограничников там дежурили сотрудники СБУ, которые отсматривали всех проходящих пограничный контроль, периодически сверяясь с какими-то листами, на которых, скорее всего, были фотографии людей, находящихся в розыске. Кроме того, пограничники периодически подзывали того или иного сотрудника СБУ, который подходил и задавал пересекающим границу пассажирам, дополнительные вопросы.

Не сбавляя шага, «Клен» уверенно подошел к кабинке, перед которой стояло меньше всего людей, не озираясь по сторонам, дождался своей очереди, подал паспорт проверяющему, снял по его просьбе очки, ответил, что был в Киеве по делам своего бизнеса, взял паспорт и прошел на предполетный досмотр.

Уже пройдя рамку металлоискателя и засовывая ремень обратно в брюки, он увидел быстро идущего в его направлении сотрудника СБУ, который стоял рядом с по-

граничной кабинкой, через которую он проходил. Стараясь не выдать волнения, «Клен» посмотрел на него и с некоторым удивлением приподнял брови. Сотрудник контрразведки миновал металлоискатель с сотрудниками безопасности и подошел к «Клену».

— Господин э....

— Илвес, — ответил «Клен».

— Да, господин Илвес, вы забыли на стойке свои очки, с вами все в порядке? — спросил он, тщательно вглядываясь в глаза «Клену», после чего протянул ему очки.

«Не носил никогда, вот и оставил в первом попавшемся месте», — с досадой осознал «Клен».

— А, пан офицер, дякую, склероз создает трудности, — с некоторым извинением сказал «Клен»

— Бывает, щастливой дороги, — пожелал, вмиг потерявший интерес к нему, сотрудник СБУ.

Дальше шло все как по маслу. Перелет в Вильнюс, в ходе которого «Клен» сцепил руки и положил их на колени, лишь бы не почесать кожу под бородой, такси, которое на приличной скорости довезло его до границы с Белоруссией, прохождение границы, где его документы довольно тщательно изучили, но все же пропустили, задав дежурные вопросы про цель посещения Белоруссии.

Сразу за пунктом пропуска его ждала машина с российскими дипломатическими номерами, которая и привезла его в аэропорт Минска за час до вылета рейса «Аэрофлота» в Москву. Легенду ему решили не менять, поэтому сейчас из двери самолета в пересадочный рукав по-прежнему выходил Альвид Илвес.

В двух шагах от выхода, около железной дверцы, через которую работники аэропорта проходят к пульту управления рукавом, «Клена» окликнул молодой человек:

— Господин Илвес?

— Да, — кивнул «Клен».

— Пожалуйста, следуйте за мной, вас ожидают, — пригласил его выйти на внешнюю лестницу встречающий.

«Клен» вышел вслед за молодым человеком на лестницу, спустился вниз и сел в машину, которая ожидала их около самолетной стоянки. Машина тут же рванула с места и, проехав по территории аэропорта, выехала на трассу и взяла курс на Москву.

Сидящий рядом с «Кленом» человек, протянул ему руку:

— С приездом, Григорий Леонидович, добро пожаловать. Рад, что все прошло хорошо. Меня зовут Николай Александрович Михайлов. Мы с вами несколько раз говорили по телефону на сеансах экстренной связи. Кроме того, я последние два года курировал все вопросы, связанные с вашим обеспечением и прикрытием.

— Очень приятно, Николай Александрович, мое имя отчество вы знаете, представляться смысла не имеет, — улыбнулся в ответ генерал Комко.

**Август 2022 года,
Новый Оскол, Белгородская область.**

Проехав по улицам города, военный грузовик вырулил на дорогу, ведущую к военному аэродрому. Ночь была теплой, вдалеке еще виднелись отблески заката, а над лобовым стеклом повис огромный бледно желтый блин луны.

— Вот какие вы торопыги все же, — заговорил Еремеев, — все носились с этими чертежами, а в части даже и не вспомнили про них.

— Точно, Олег, ты чего молчишь? — с укором сказал Рома, — ну ладно, Володь, мы все поняли, а где чертежи?

— Вот они, родненькие, — Еремеев поднял с пола кабины тубус, — все здесь.

«Во дебилы, совсем их ослепила перспектива кражи комплекса, даже про чертежи забыли. И про деньги молчат, надо им напомнить», — подумал Еремеев.

— Рома, я свою часть выполнил, комплекс и чертежи у вас. Где мои деньги? Ты обещал, что половина сразу будет на счету, а после еще тридцать процентов подойдет. Покажи счет, — потребовал Еремеев.

— Володь, ну реально, не до этого сейчас, давай в самолет сядем, в воздух поднимемся и я тебе покажу все, — на ходу бросил Рома.

— Ром, ты меня за идиота держишь? В воздухе не будет приема у телефона и интернет работать не будет. Что ты мне собираешься там показать? — с подозрением спросил Еремеев.

— Да, ты прав, что-то я совсем о другом думаю, — сказал он и тут же нанес Еремееву короткий удар ребром ладони по горлу.

— Клади его на пол, подъезжаем к аэродрому, — приказал он Олегу.

Тот повалил обмякшее тело капитана себе под ноги и вынул пистолет из его кобуры.

На въезде на территорию аэродрома постовой проверил накладные, а также сверил номера грузовика со своей ведомостью, его внесли туда еще два часа назад. Транспортный самолет стоял рядом со взлетной полосой, летчик уже сидел в кабине. Грузовик задом подал к грузовому отсеку, который был предусмотрительно открыт и ждал погрузки. Рома попросил дежуривший около самолета технический персонал, подсобить им с Олегом. Им с трудом удалось перетащить ящик на борт. После этого Рома с Олегом вытащили из кабины Еремеева, объяснив, что их товарищ летать боится, вот и перебрал с успокоительным, надо его погрузить бережно и взлетать уже.

— Блин, Рома, чего с машиной делать будем? — обеспокоенно спросил Олег, — не можем же мы ее просто так оставить около взлетки.

— Не подумали, точно, давай садись и отгоняй ее к ангару, где у них машины с керосином стоят, — распорядился Рома.

Они даже не подумали, что техников может искренне удивить то, что водитель машины остался в самолете,

а сопровождающий груз офицер кинулся отгонять грузовик. Но украинским разведчикам сейчас было не до российской субординации.

Отгнав машину, забрав из кабины сумку Еремеева и тубус с чертежами, Олег с Ромой поднялись по откидному трапу в самолет и подошли к кабине пилота:

— У нас все готово, можно взлетать.

— Можно, так можно, — весело сказал пилот и запросил разрешение на взлет.

Получив положительный ответ, он начал руление и вскоре выехал на взлетную полосу. Постояв пару секунд, самолет тронулся с места, разогнался и взмыл в воздух.

Рома передал летчику карту, на которой был обозначен маршрут их перелета, указана точка, где самолет должен был оказаться на территории Украины и где его должны были начать сопровождать украинские истребители, а также места дислокации украинских ПВО. Все это предусмотрительно истребовал дотошный второй пилот российского транспортника.

От перемены давления Еремеев начал приходить в себя. Он сел на боковом сидении, покрытом потертым кожзаменителем и потер горло.

— Рома, мать твою, что это такое было? — хрипло спросил он.

— Володечка, недосуг мне было объяснять тебе, что ты все получишь, как полагается, как только мы прибудем на базу, — криво улыбаясь, сказал Рома.

— Нае....., обманули значит вы меня все-таки, — как можно печальнее сказал Еремеев, — а Наташа где?

— А Наташа твоя по сути едет, как бы мы ее в самолет у всех на глазах бы грузили? И так заморочились со списком пассажиров, этот летчик нам весь мозг вынес

своими просьбами. Весь вечер на него горбатились, документы готовили. Так что вы увидите уже в свободном мире, дома.

— Кому дома, а кому... — проворчал Еремеев.

Внутри самолета было довольно шумно, поэтому Еремеев понял, что спрятавшиеся в железных ящиках спецназовцы могут не услышать кодового слова для начала операции. Однако как только он об этом подумал, из грузового отсека метнулись две быстрые фигуры и четкими ударами вырубил Рому с Олегом. После чего ловкими движениям связали им руки и ноги, соединив их между собой, отчего украинские разведчики оказались в выгнутом положении, что напрочь лишало их возможности какого-либо движения.

Один из спецназовцев зашел в кабину и показал летчику поднятый большой палец. Тот удовлетворенно кивнул и что-то передал по рации. Еремеев прошел в кабину и присел на свободное место. Летчик подмигнул ему:

— Сильно досталось вам, товарищ капитан?

— Да живой вроде, — отозвался Еремеев.

— Когда они вас из машины тащили, я честно говоря подумал, что груз двести повезем, — признался летчик, — сейчас у точки пролета уже будем, их истребители должны выйти на связь, после этого поворачиваем домой.

— А как же истребители? — спросил Еремеев.

— Им не до нас будет, — заверил его летчик.

И действительно совсем скоро в наушниках, которые надел Еремеев, сквозь небольшой треск раздался голос украинского летчика, который проинформировал, что тройка их истребителей видит российский самолет и начинает его сопровождение до места посадки.

Через минуту после этого, «Чебурашка» сделал резкий разворот, при этом Еремеев увидел в окно кабины ноч-

ной воздушный бой. Внезапно одна из машин вспыхнула и огненным шаром устремилась к земле.

— Один есть, — прокомментировал происходящее летчик, — наши сейчас их всех повалят, для этого мы и летели сюда.

После приземления Еремеев вместе со всеми поехал в местный отдел ФСБ. Там уже всю допрашивали блогера Кирилла, двух связников и Наташу. Кстати от неминуемой смерти Кирилла спасло только то, что сотрудники ФСБ взяли его на пути к Роме. Судя по перехватам их с Олегом разговоров и записям, сделанным в помещениях, где они находились, а также дистанционной прослушке, в живых Кирилла оставлять никто не собирался, слишком велика была цена поставленного на кон. Испуганный блогер позвонил Роме и сообщил, что был задержан нарядом ППС за курение на детской площадке перед домом Еремеева, мол, жильцам это надоело, вот они и вызвали полицию. Рома обозвал Кирилла недоумком, и бросил трубку, не до него было.

Когда Еремеев с разрешения майора Хабарова зашел в кабинет, где проходил допрос, Наташа подняла на него испуганные глаза, подбородок у нее мелко дрожал, как у разнервничавшейся собачонки, а руки, скованные наручниками, затряслись в треморе.

Увидев Еремеева, она быстро заговорила:

— Ой, Володечка, скажи им, я же ничего плохого, я ж полюбила тебя... я же как лучше хотела... Володечка, миленький, ну скажи ты им...

Еремеев молча подошел к ней, поднял ее голову за подбородок и пристально посмотрел в глаза. Потом отпустил руку и, не сказав ни слова, вышел из кабинета.

**Август 2022 года,
штаб-квартира СВР, Ясенево.**

В кабинете генерал-полковника Макарова в Ясенево начиналось совещание. Когда все расселись за большим столом и помощники принесли чай и кофе, хозяин кабинета генерал-полковник Макаров взял слово:

— Ну что ж, у нас сегодня своего рода подведение некоторых итогов и конечно, будем знакомиться с текущей обстановкой и вырабатывать планы на будущее. Но сначала разрешите представить некоторых участников совещания, которые могут не совсем знать друг друга.

Адмирал Елагин Александр Николаевич, командующий донецким направлением нашей спецоперации, генерал-лейтенант ВСУ, а на самом деле наш кадровый разведчик с 1992 года Комко Григорий Леонидович. Мою команду вы знаете, это генерал Булавин и полковник Михайлов. Наши коллеги из ФСБ — генерал-лейтенант Заморенов, полковник Климов и майор Хабаров.

Несколько слов о Григории Леонидовиче. Он с честью выполнил все задачи, которые перед ним ставились на-

шим руководством, за время работы предоставил бесценную информацию, позволившую нам спасти не одну жизнь и призвать к ответу наших врагов. В принципе он мог бы работать и дальше, но мы предполагаем, а жизнь и оперативная обстановка располагают. Мы потеряли многолетнего связника, через которого Григорий Леонидович передавал нам информацию. Сам же он, в силу занимаемой должности в украинском Генштабе, находился под неусыпным контролем военной контрразведки, СБУ, ЦРУ и еще Бог знает кого.

Несколько слов по его сыну, Тарасу — офицер, кажется, в звании капитана? Я правильно говорю, товарищ адмирал? — Макаров обратился к Елагину.

— Да, капитан, зам начальника штаба бригады, но они его в разведку перевели, парень смысленный, — подтвердил адмирал.

— Так вот, — продолжил Макаров, — Тарас в ходе боя был тяжело ранен и попал к нам в плен. Кстати, с поля боя его вынесли наши бойцы. На Украине его объявили пропавшим без вести, но мы понимаем, что это их практика скрывать потери и количество пленных. Правда, они предприняли все усилия для того, чтобы о Тарасе никто и никогда больше не услышал. Уж не знаю, по чьему приказу, но полностью сравнивали с землей тот участок, где они его бросили тяжело раненного. И если бы не наши ребята — подчиненные адмирала Елагина, погиб бы Тарас смертью украинского героя — от огня своих же.

Но он выжил. И рано или поздно стал бы предметом особого внимания и давления на Григория Леонидовича. Это тоже стало фактором, по которому мы были вынуждены его отозвать.

Кроме того, генерал Комко был вынужден передать нам важную информацию по открытым каналам, вы-

ступив в прямом эфире украинского телевидения. Там, конечно, поначалу шок был. Но они сразу среагировать не смогли. Анализировали, откуда Григорий Леонидович взял ту или иную информацию, ибо не все сказанное им в прямом эфире, было доступно ему по должности и курируемому направлению.

Понятно, что минобороны Украины сделало заявление, что будет расследовать этот инцидент, ну а СБУ готовило его арест, перед которым Григорию Леонидовичу даже позвонил министр Резников и посоветовал поступить, как офицер, то есть застрелиться. Я ничего не путаю? — Макаров вопросительно посмотрел на Комко.

— Нет, товарищ генерал-полковник, все так и было. Резников набрал и сказал, что позор надо смывать кровью и что так будет лучше для меня и моей семьи, — подтвердил Комко.

— Да-а-а-, бравый министр, — протянул Елагин, — это тот который все время на этого полного афроамериканца, Ллойда Остина, набрасывается с объятиями, американского министра обороны? Знаете, коллеги, я всегда, когда смотрю кадры с их встреч, обращаю внимание на глаза американца. Он с ужасом ждет, что сейчас этот бородатый юркий украинец опять на него набросится, и нужно будет с ним нежно обниматься... Мне кажется, была бы воля Резникова, он на руки бы к нему запрыгнул и не слезал. Так бы и ходил с ним, как детеныш кенгуру.

Раздались смешки, видно участники совещания представили себе эту картину, которую так образно нарисовал Елагин. Но он продолжил:

— А что, удобно, в любой момент можно еще оружия попросить. Или данные со спутников, чтобы по нашим городам своими ракетами ударить. Так что внешность полунинтеллигентного научного сотрудника обманчива,

там хитро сделанные бандеровские мозги и установки. Думаю, если бы он мог, сам бы генералу Комко в висок бы стрельнул. Чтоб только ошибок своих не признавать, что б ему любимый Остин вопрос неудобный не задал.

В знак согласия с ним Комко кивнул.

— Но, давайте продолжим, — сказал Макаров, отпивая чай, — Были и другие факторы, обусловившие возвращение Григория Леонидовича, но о них упоминать не буду, они наши, сугубо профессиональные. Кстати, — Макаров обратился к Комко, — вашего сына с минуту на минуту должны привезти сюда. Хотите отдельно с ним поговорить, или пригласим его к нам? Александр Николаевич сделал все, чтобы парень осознал, что к чему и, насколько мы знаем, небезуспешно. Кроме того, по медицинской части мы сейчас ему хороший протез подбираем, так что будет еще бегать ваш Тарас.

— Спасибо большое, товарищ генерал-полковник, спасибо товарищ адмирал. Действительно, за сына у меня душа очень болела. И то, что тогда пришлось заставить его друзей выманить на пункт пропуска, я знаю, что адмирал работал по той ситуации. Но поверьте, не было у меня тогда другого выхода. Слишком уж подозрительным было отсутствие Тараса, а новой власти было не объяснить, что он с друзьями загулял. Они вообще не понимают, как с русскими можно дружить... Н-да.

Он, знаете, потом, как переживал, я думал, вообще не выдержит парень. А я ему даже ничего и сказать не могу, как все на самом деле, подбодрить, по-человечески направить в нужное русло, н-да.

Все жениться его уговаривал, думал семья появится, отойдет немного. От меня-то жена еще в голодные девяностые ушла, когда я не согласился уволиться и в стро-

ительную фирму к ее брату идти работать. Галя жила со мной, но, какая она ему мать...

— Я думаю, Александр Николаевич извинит нас за ту операцию с его офицерами, — вклинился в монолог Макаров. Мы их обязательно вернули бы. Это не обсуждалось. Но был и второй вариант, они же могли и не прийти на пункт пропуска. Но дружба оказалась сильнее чувства опасности.

— Да я уже понял, — махнул рукой адмирал Елагин. Но я, конечно, тогда все всерьез воспринимал.

— Так и все всерьез воспринимали. В том и задумка наша была. В результате этой операции Григорий Леонидович прочно закрепился на своих позициях в руководстве украинского Генштаба и получил довольно солидный кредит доверия, который и позволял ему в течение длительного времени эффективно выполнять поставленные задачи, — объяснил генерал Макаров, а насчет жениться, слышал я, у Тараса в госпитале симпатия появилась к местной медсестре. Так, Александр Николаевич?

— Подтверждаю, — согласно кивнул адмирал, — кстати, мы девушке еще не говорили обо всех особенностях... э.. сложившейся ситуации, но, если в общих чертах сказать, я, думаю, последние барьеры будут сметены.

— Почему бы нет, наши ребята поговорят с ней, — согласился генерал Макаров и кивнул головой полковнику Михайлову, тот записал поручение в блокнот.

— Так, а теперь давайте в общих чертах поговорим о текущей обстановке, кстати, Григорий Леонидович, как вы оцениваете текущее состояние боеспособности ВСУ?

— Я сразу могу сказать, что ВСУ не исчерпали ресурс и не утратили боеспособность. Если считать объективно, то на сегодняшний день у них чуть более ста тысяч по-

ть. Это санитарные и безвозвратные. При пятидесяти тысячах погибших нельзя говорить о том, что от этого украинская армия значительно потеряла свою боеспособность. Сейчас проводится дополнительная мобилизация, и общая численность бойцов приближается к семистам тысячам. А мы знаем, что вооруженные силы утрачивают боеспособность при потере примерно половины от личного состава. Сейчас же пока можно говорить о 17—20 процентах. Кроме того, кадровые военные и бойцы нацбатов имеют достаточную мотивацию, в том числе и в виде постоянных вливаний западного современного оружия, для того, чтобы продолжать сопротивление.

Но есть и еще один важный момент. Оружие, поставляемое на Украину с запада в значительной части до передовых частей не доходит. Дорогостоящие комплексы похищаются и выставляются на продажу на черном рынке оружия. И очень скоро оно начнет стрелять в европейских и других странах, короче везде, куда его можно будет доставить. Даже бронежилеты воруются вагонами и распродают потом по 9 тысяч гривен, это где-то 15 тысяч рублей. Вместо этого в зону боевых действий попадают облегченные варианты для игры в страйкбол. Эти жилеты с нулевой степенью защиты могут защитить разве что от детских «воздушек». Один осколок или пуля и боец либо ранен, либо убит. Все это, наряду с постоянными приказами осуществления бессмысленных диверсионных операций и непродуманных контрнаступлений, вызывает недовольство в среде военных, что вскоре может привести к серьезному конфликту между политической и военной властью на Украине.

Кроме того, их тактика затыкать дыры расходным материалом, пушечным мясом, а самим оставаться на

безопасных рубежах, планировать диверсионные вылазки и все, что может вызвать хоть какой-то резонанс в сознании украинцев и публичном пространстве. Я уже подробно описал в своем докладе ситуацию с подготовкой англичанами из специально отобранных ими украинских бойцов диверсионно-разведывательной группы для проведения специальной операции в районе Запорожской атомной электростанции. Эти люди сначала прибыли на базу 22-ого полка в городе Херефорде, где прошли медкомиссию, сдали экзамены по физической подготовке и прошли обучение для сдачи стандартных английских общевоинских тестов. После этого их переместили на базу английской разведки МИ-6, что говорит о том, что этих людей готовят для чего-то действительно серьезного.

— Очень ценная информация и важное наблюдение Григория Леонидовича, — а то слушаешь некоторых наших экспертов, так получается, что там уже и воевать некому. А на деле еще столько работы впереди, — поддержал Комко генерал Макаров.

— И еще об одной операции. Мы получали некоторые данные и от Григория Леонидовича и это подтвердили и наши коллеги, — Макаров кивнул в сторону сидящих рядом сотрудников ФСБ, — о попытках украинской разведки выкрасть наш лазерный комплекс «Задира».

Была проведена успешная операция, если не трудно, расскажите вкратце об итогах. Василий Игнатьевич, — обратился Макаров к генералу Замоленову, — вам слово.

— Ну если кратко... то вначале позвольте выразить от лица нашей службы и лично директора благодарность Григорию Леонидовичу за первичную информацию. Мы бы, конечно, эту сеть и сами выявили, но с вашей подачи это произошло гораздо быстрее и эффективнее.

Что ж, комплекс не покидал территорию секретной части, вся агентурная сеть в этом городе выявлена и нейтрализована, они полностью себя изобличили и дают признательные показания. Кроме того, нами получены карты с расположением объектов украинской ПВО, которые были уничтожены в течение последующих суток после завершения операции. Как и три украинских истребителя Су-27, вылетевшие для сопровождения нашего самолета до места посадки на западе Украины.

В целом же, украинская разведка переиграла сама себя, пытаясь завербовать и подкупить наших офицеров. А потом они заглотили наши наживки и стали допускать промахи и ошибки. В итоге — полный провал, можно сказать, позорище на весь мир.

Кроме того, благодаря полученной в ходе этой операции информации, нами предотвращена попытка подготовки украинскими спецслужбами диверсионно-террористического акта в Волгоградской области на объекте нефтегазового комплекса. Два диверсанта оказали сопротивление при попытке подрыва нефтепровода и были уничтожены. Сейчас выявляем их пособников и связников.

Мы направили ходатайство министру обороны о награждении капитана Еремеева государственной наградой за мужество и смекалку, проявленные в ходе реализации поставленных перед ним задач.

— А как, в целом, антитеррористическая работа? — уточнил Макаров.

— Считаю, что мы эффективно купуруем угрозы, — ответил генерал Заморенов.

В Черкесске предотвращен теракт, который готовил сторонник «Правого сектора» (организация запрещена в России). В розыске диверсанты, подорвавшие опоры

ЛЭП Курской АЭС и их сообщники. Отдельно работаем по Крыму и Севастополю, там активизировались спящие ячейки террористов и украинской агентуры.

— Да, к Крыму и Севастополю сейчас особое внимание нужно, говорю вам как человек, несколько лет там прослуживший, — поддержал Заморенова адмирал Елагин.

— Что по международным правозащитникам? — спросил Макаров у полковника Михайлова.

— Визит экспертов состоялся, они констатировали нарушение украинскими войсками международных правовых норм и военного права. Речь идет о случаях размещения вооружения на территории школ и в больницах городов.

Но на них уже давят, их полулояльный доклад вызвал ненужный резонанс. Теперь они заранее будут обхаживать все мониторинговые миссии и договариваться с ними на берегу — куда ехать, что смотреть и какие делать выводы. Так что теперь там независимых международных правозащитников не будет.

— У них своя там неадекватная есть, уполномоченная по правам человека Денисова. Слышали, чего она назаявляла? — спросил Елагин, — она-то и расскажет всему «свободному миру» про изнасилованных детей и стариков...

— Ну это клинический случай, ей лечиться надо. Кстати, по нашим данным, сегодня-завтра ее снимут с должности, — вступил в разговор полковник Михайлов.

— Ну и поделом, за такие вещи отвечать надо. У нее, кстати, через аффилированных лиц бизнес в Крыму есть. Кстати, много у кого из нынешних украинских функционеров тут коммерческие интересы. Надо бы взяться за

этот вопрос, а, Василий Игнатьевич? — Макаров перевел взгляд на генерала Заморенова.

Тот согласно кивнул головой.

В этот момент послышался вызов на одном из телефонов, стоящих на рабочем столе Макарова. Тот встал из-за стола совещаний, подошел к своему узлу связи и поднял трубку, выслушал и обратился к Комко:

— Григорий Леонидович, вашего сына привезли. Можете к нему спуститься?

Комко побледнел и встал:

— Да, да, конечно.

— Пойдемте, — распорядился Макаров.

Спустившись на первый этаж, они вошли в небольшой кабинет. Через несколько секунд дверь широко открылась, первым в кабинет вошел адъютант Макарова, с тем, чтобы придержать ее и дать пройти молодому человеку на костылях.

Тарас вошел в кабинет и первым увидел отца, который смотрел на него не отрываясь.

— Батя? Ты что тут делаешь? Это ты из-за меня здесь? Я же говорил, что не хочу обратно, — произнес Тарас.

— А обратно и не надо, сынок, — сказал Комко-старший, вышел из-за стола, быстро подошел к Тарасу и крепко обнял его.

— Как не надо, батя? — удивленно спросил Тарас.

— А вот так, сына, не надо. Наш дом здесь теперь. Все закончилось. «Клен» впервые дал волю своим чувствам, слезы покатались по его щекам.

— Бать, батя, ты чего плачешь? Не надо, не плачь... — просил его Тарас. Он отбросил костыли и тоже обнял отца.

**1 сентября 2022 года,
Запорожская область.**

В предрассветном тумане Каховское водохранилище выглядело, как настоящее море. Не были даже видны огни, находящихся по ту сторону водохранилища городов Никополь и Марганец, находящихся под контролем ВСУ.

Но именно с той стороны ранним утром 1 сентября 2022 года наши спецназовцы ждали появления украинского десанта, который должен был захватить Запорожскую атомную станцию и взять в заложники миссию международного агентства по атомной энергии — МАГАТЭ.

По первичной информации нашей разведки и сведениям ФСБ России, замысел диверсионной операции родился в недрах английской разведки МИ-6 еще два с половиной месяца назад. Для координации операции в пригороде Киева был создан специальный штаб, куда прибыло два десятка английских офицеров. А шестьдесят пять «счастливых» из украинских спецподразделений прошли обучение в Великобритании и приехали из Варшавы в Одессу 29 августа накануне проведения диверсии.

Батальон под командованием гвардии майора Алексея Филатова скрытно вышел на огневые позиции вблизи села Водяное, в трех километрах северо-восточнее Запорожской АЭС, в четыре часа утра. Распределив роты по периметру и полностью перекрыв возможности для десанта противника вклиниться на сушу, Филатов собрал командный состав, чтобы выслушать доклады и проговорить оставшиеся детали.

— Ну что, товарищи офицеры, как настроение? — бодро спросил собравшихся Филатов.

— Все в штатном порядке, настроение боевое, приборами ночного видения просматриваем все подходы. Да и по воде слышимость хорошая, — доложил ему заместитель по воспитательной работе майор Дзагоев.

Алексей присмотрел этого уверенного в себе офицера еще в самом начале специальной военной операции. Они несколько раз пересекались на одних и тех же марш-бросках, выполняли вместе спецзадание, а после того, как раненый Филатов вернулся с группой Мансура из рейда по украинским тылам, Артур нашел его в госпитале и от души пожал его здоровую руку в знак благодарности за героизм, проявленный при доставке тела Максима Шалаева с места боя. Кроме того, принес грецких орехов и сладкой чурчхелы, которую присылала ему заботливая супруга из Цхинвала.

Так что, когда Филатов получил добро от адмирала на формирование батальона разведки, по подбору кандидатуры на должность зама по воспитательной работе, у него вопросов не было. Алексей понимал, что Артур станет его полноценным боевым заместителем, так как никогда не прятался за спины товарищей, не позволял «забаранить» важные поручения, был душой коллектива и опекал молодых солдат как старший брат или даже отец.

— Слышали, Зеленский новую украинскую госнаграду учредил? — как всегда спокойно спросил Дзагоев.

— Это еще какую? — решил уточнить командир первой роты капитан Сычев со вполне понятным позывным «Сыч».

— За героическую сдачу в плен, — невозмутимо ответил Артур.

— Да ну тебя, — заулыбался Филатов, — думал, что-нибудь действительно новенькое ему имиджмейкеры посоветовали.

— Имидж...что? Товарищ майор, какие-то вы непонятные слова говорите, — подыграл шутливому разговору командир второй роты старший лейтенант Равиль Давлетов.

— Равиль, не издевайся над командиром, — сказал Дзагоев, — это такие лепилы, которые должны не дать понять всему миру, сколько Зеля кокаина за день снюхал.

— Так, отставить шутки, — скомандовал Филатов, — что у нас по предположительному времени высадки десанта? Разночтения устранены?

— Так точно, товарищ майор! По имеющейся информации начинать они хотят в 6 утра по московскому времени. Параллельно планируют нанести артиллерийский удар по Энергодару. Я так понимаю, чтобы отвлечь внимание и поддержать свою диверсионно-разведывательную группу.

Предрассветное время летело довольно быстро, и вот уже без пятнадцати шесть вдалеке послышался приглушенный шум моторов, к берегу приближались две самоходные баржи. Они были уже изрядно потрепаны временем и многолетними переходами по водохранилищу, но было видно и слышно, что шли они резво и тихо — техники хорошо поработали с моторами перед началом диверсионной операции.

— Даем подойти, и высадиться. Пусть человек сорок с обоих судов десантируются. Все. После этого работаем на полное уничтожение. Главное — не дать развернуться, око-

паться. Остальных будем дорабатывать на судах. Минометчики и гранатометчики готовы? — уточнил Филатов.

— Так точно, все готовы! Пусть только поближе подойдут, и сразу их экспрессом к Бандере и Шухевичу начнем отправлять, — пообещал Артур.

Вдали послышалась канонада, после которой в городе Энергодар начали взрываться снаряды, запущенные из американских дальнебойных артиллерийских орудий, которые состояли на вооружении у Украины.

Баржи противника почти вплотную подошли к берегу без бортовых огней, заранее заглушив моторы. Как только они уже готовы были уткнуться носами в прибрежное глинистое дно, раздался короткий свисток, после которого с бортов барж были синхронно спущены несколько надувных лодок, в которые гроздьями посыпались украинские спецназовцы. Несмотря на то, что до берега было еще метров пятьдесят, моторные лодки уже через минуту преодолели это расстояние.

На каждой лодке стоял старший, который жестами и свистком подавал команды. «Прямо англичане на выезде, — подумал Филатов, — ну ничего, сейчас мы этим “джеймсам бондам” дадим прикурить по полной!»

Как только первые украинские бойцы начали выпрыгивать из лодок на берег, Филатов приказал открыть огонь из всех видов вооружений, которые имелись в его батальоне. Заработали автоматы и пулеметы, гулко начали бить три батальонных минометных расчета, предрассветные сумерки прорезали мощные трассирующие следы от ручных гранатометов.

Эффект неожиданности был ошеломляющим для противника. Метким снайперским огнем в первую очередь были уничтожены старшие лодок, которые отдавали приказы, а под перекрестным огнем наших бойцов большинство украинских спецназовцев так и не успели добраться

до берега, а те, которые добрались, остались лежать в нескольких метрах от воды.

Ответный огонь открыли только те украинские бойцы, кто остался на баржах. Прикрываемые корабельной стальнойю, они на время оказались недосягаемыми для пуль разведчиков филатовского батальона. Однако интенсивность огня с нашей стороны возрастала, и баржи начали медленно отходить назад.

— Может, на лодки, и догоним их? — в горячке боя предложил Артур.

— Нет, лодки мы все огнем покروшили, и даже если одна целая осталась, то им будет проще нас с барж достать. Наши командиры видят все, думаю, их сейчас авиация доработает. Мы свою задачу выполнили. Дайте им на ход ноги еще троечку минометных залпов, и пошли их двухсотых и трехсотых собирать. Сами-то они уже никого не смогут забрать.

Завершив работу своего подразделения и передав контроль за береговой линией прибывшей смене, Филатов командовал погрузку на БМП и его батальон двинулся к обозначенному месту дислокации. Пройдя уже большую часть пути, и, настроив рацию на нужную волну, он доложил:

— Товарищ адмирал, попытка украинского десанта высадиться у населенного пункта Водяное пресечена. Вверенным мне подразделением уничтожено сорок три диверсанта, пятеро раненых взяты в плен, им оказана медицинская помощь. Докладываю, что под камуфляжем без опознавательных знаков у них находилась форма с нашими знаками различия и шевронами. Мы все зачистили, позиции передали смене, идем к месту дислокации.

Внезапно двигавшийся впереди разведывательный расчет передал в рацию, что слышит звук техники. Визуальное наблюдение установило достаточно большую колонну ВСУ, которая скрытно осуществляла марш бросок с целью внезапного удара по нашим позициям.

— Товарищ адмирал, в ходе движения обнаружили колонну украинской техники, сейчас поднимем птичку, чтобы точно все установить. Разрешите доложить позже?

— Разрешаю. Я, Леша, команду дам, чтобы авиация была готова вылететь в ваш квадрат, координаты «арте»^{*} передай, и отработаем эту колонну. А вы на земле там все зачистите. Работайте, ребята!

— Есть, товарищ адмирал.

Приняв доклад от Филатова, адмирал приказал соединить его с министром обороны:

— Товарищ министр, попытка высадки украинского десанта в районе Водяного пресечена, в ходе операции уничтожено 43 диверсанта, пятеро в тяжелом состоянии взяты в плен, около пятнадцати националистов блокированы на баржах, по которым сейчас работают наши ВКС. В течение двух часов операция будет завершена.

Да, товарищ министр, что характерно, под камуфляжем натовского образца у них была наша, российская форма. То есть они готовились захватить атомную станцию и удерживать ее под видом нашего спецназа! Кроме того, один из трехсотых — офицер главного управления разведки ВСУ, дал показания о том, что их конечной целью было взять миссию МАГАТЭ в заложники, минировать саму станцию и предъявить требования о выводе российских войск. Но исполнять это уже некому, товарищ министр. В свете полного провала их диверсионной операции не исключая, что в саму миссию МАГАТЭ могут быть внедрены их офицеры разведки.

— Понял тебя, Александр Николаевич, молодцы твои ребята. За миссией мы смотрим, сам понимаешь, они Зеленскому поперек горла. Увидят же, кто на самом деле станцию обстреливает и создает угрозу ядерной катастрофы. И даже если по своему обычаю половину правды ска-

* Арта — артиллерия.

жут, уже сдвиг в сознании у некоторых может произойти. Готовь представления на бойцов, отличившихся в ходе проведения данной операции. Удачи тебе.

А в это время по команде Филатова батальон остановился и занял боевые позиции. Три наших расчета с АГС (автоматический гранатомет) выдвинулись в зону непосредственного боевого контакта.

Через десять минут послышался сильный гул, а затем разрывы снарядов. Кроме того, судя по звукам с восточной стороны, успели подойти несколько танковых взводов и били практически прямой наводкой по противнику. Завершил дело пролет четырех наших вертолетов КА-52, которые прицельно отстрелялись имевшимся боекомплектом по украинской колонне, в которой были БМП, несколько артиллерийских батарей, три танка БТРы и пикапы с установленными на них крупнокалиберными пулеметами.

Бойцы ВСУ пытались открыть ответный огонь, однако они оказались дезориентированы внезапностью нашего удара и отсутствием целей, по которым можно было бы прицельно ударить. Кроме того, после окончания работы артиллерии и танков, в стрелковый бой с рассыпавшимися по полю бойцами ВСУ вступили разведчики батальона Филатова.

В течение полутора часов все было окончено. Как и обещал, Филатов снова настроил рацию и продолжил доклад:

— Товарищ адмирал, докладываю, услышали звуки техники, подняли птичку, сняли их координаты, передали арте, вскоре наши танки подошли. Плюс работала тридцатка и АГС. Шансов у них не было, накрыли по полной. Я дал команду предоставить им возможность забрать своих трехсотых. Видели, как их эвакуировали, мы огня не открывали. Двухсотых своих они, как всегда, оставили.

— Доклад принял. Молодец, сынок, — сказал Елагин и отключил связь.

**Сентябрь 2022 года,
Москва, Россия.**

Адмирал Елагин давно обещал дочери Юле, что придет в ВУЗ, где та работала молодым преподавателем, на встречу со студентами. Ему уже звонил ректор, и Юля трижды напоминала.

И вот в самом конце сентября, после перегруппировки российских войск на донецком направлении, у него выдалась двухдневная командировка в Москву. Перед вылетом Елагин позвонил дочери и сообщил, что после завтра часов в 14 сможет приехать к ним, рассказать о себе, своей работе и поделиться примерами мужества и героизма наших солдат. Юля выразила восторг воздушным поцелуем и бросилась согласовывать папину лекцию с ректоратом. Через пятнадцать минут все было улажено, она сообщила, что его очень ждут, начало в два часа дня, а для встречи выделена самая большая поточная аудитория на двести человек.

Без одной минуты два в назначенный день Елагин вышел из машины у входа в институт. Его встретил про-

ректор по научной работе и вместе с Юлей проводил в аудитории. На удивление там не было свободных мест.

Елагин наклонился к уху дочери и спросил:

— Чего, Юльк, нагнали зрителей-то?

— Пап, ты чего, они сами пришли. У нас особо и не нагонишь. Начнешь заставлять, такой бойкот потом могут устроить. Так что у нас все по интересам.

— Ну ладно, раз так, — ответил адмирал, — тогда, видать, и разговор ожидается серьезный, с вопросами каверзными.

— Не думаю, что есть вопросы, на которые ты не сможешь ответить, — подбодрила отца Юля.

Они вошли в аудиторию, ректор представил Елагина студентам и передал слово ведущей встречи завкафедры политологии. Это была достаточно молодая и энергичная женщина по имени Алена Николаевна.

Она взяла микрофон и встреча началась.

— Мы приветствуем нашего спикера. И, если позволите, начнем с вопросов, я знаю, у нас всех их много накопилось. И первый вопрос от меня, как от модератора этой встречи. Она вопросительно посмотрела на Елагина, тот кивнул, мол, задавайте.

— Вот объясните нам, Александр Николаевич, что это за такие красные линии России? В чем их суть и не является ли это некоторой аллегорией, а проще говоря, фикцией?

— Красные линии — это далеко не аллегория, не надейтесь. А слово «фикция», я уверен, вы употребили, чтобы задать тон нашей беседе, обострить ее и сделать интересной для слушателей.

Так вот, красные линии есть только у сильного государства и показывают не только границы терпения в сферах внешнего и внутреннего давления, но и преде-

лы, нарушение которых неизбежно приведет к ответным жестким мерам.

— Как это? — ведущая влезла в монолог Елагина.

— Ну не делайте вид, что не понимаете. Хотя ладно, объясню вам на простом примере.

Елагин на пару секунд задумался, а потом продолжил:

— Если уж совсем проще, то давайте так, возьмем эпизод из жизни. В детстве наш путь в школу лежал через довольно большой парк. На его окраине располагался интернат для детей из трудных семей, некоторые из которых состояли на учете в детской комнате милиции — а сегодня это подразделения по делам несовершеннолетних.

Так вот, совсем малолетки никому хлопот не доставляли, а вот те, кто был повзрослее, начиная с восьмого и по десятый класс регулярно выходили на незаконный промысел в этот парк. Сначала они просто беседовали с проходящими мимо школьниками, психологически давили на них, потом стали трясти мелочь, которую родители давали на карманные расходы. Потом стали требовать дарить им всякие модные тогда штучки типа бейсболок, зажигалок и иностранных ручек, которые имелись у школяров. Ну и дарить — это, конечно, громко сказано, они юридическим языком просто отнимали эти вещи под угрозой применения силы.

И вот когда они дошли до того, что избili нашего девятиклассника Кольку Фролова, тут у нас и наступило осознание той самой красной линии. Мы поняли, что дальше будет только хуже. Что уровень агрессии растёт с каждым днем, и что скоро за проход по парку мы просто будем каждый раз платить и, кроме того, они будут бить нас, когда им захочется.

Тогда-то мы и собрались за школой, пацаны девя-
тых и десятых классов. Взяли у кого что под рукой было
и пошли толпой по парку к этому интернату. Их лазутчи-
ки побежали предупреждать, так что мы честно ожида-
ли драки и были готовы к ней. Потому как надоела нам
уже сложившаяся ситуация хуже пареной репы. Так вот,
пришли мы к интернату, встали недалеко от заборчика
их, ждем. А никто не идет. Тишина.

Тут милиция подъезжает. Чего, говорят, ждете? Мы
честно отвечаем, интернатовских ждем, задолбали уже.
А они говорят, «о, все-таки задолбали они вас». И тут мы
поняли, что милиция местная про все знала и не вме-
шивалась. Давали интернатовским свободу действий.
И ждали, насколько нас хватит, до какого времени мы
терпеть будем? Когда заявления пойдут или когда драка
большая состоится.

Ну мы им и говорим: «не уйдем, пока не договорим-
ся». Тогда они говорят: «мы поняли все, расходитесь, а то
граждане уже волнуются, звонят, сигнализируют, что
толпа пошла бедненьких интернатовских сироток бить».
Вот и получается, что граждане сироток этих, которые
вовсе сиротками и не были, просто жалели, не вмешива-
лись и тем самым тихо поощряли агрессию этих трудных
подростков. Милиция обо всем знала и просто ждала ин-
цидентов.

И если бы мы не собрались и не пошли сами себя за-
щищать, то дальше бы все так и продолжалось. Так бы
и росли терпилами по жизни.

— И что в итоге было? — уже совсем другим тоном
спросила Алена Николаевна.

— А что в итоге? Все встало на свои места. Больше
мы интернатовских в парке не видели. Они знали, что
если появятся, мы опять соберемся и придем. Думаю, им

районные опера все объяснили, что путь из интерната в спецучреждение короткий. Одно заявление и они поехали из столицы километров за 250 в тихое место, где другой режим, другие последствия любого его нарушения, да и наказание за проступки тоже другие.

— Интересная история, это какие года? — решил уточнить ректор, который сел на первый ряд и не отрываясь слушал адмирала.

— Середина восьмидесятых. Только перестройка начиналась. Но не в этом суть.

А суть в том, что мы также терпели чужой диктат, потом нас в колонию фактически превратили, потом деньги с нас стряпали. А мы все терпели. Но затем осознали, что дальше только хуже будет. А всякие международные суды и организации созданы только для того, чтобы обслуживать интересы сильных и агрессивных мира сего. То есть тех, кто свои интересы и видение развития мира облек в красивую обертку международного права, и выдает любую попытку им не подчиниться за нарушение норм этого самого права. А что? Очень даже удобно. Я думаю, если есть в аудитории юристы, они меня поймут. Ребята, есть юристы?

Поднялось несколько десятков рук.

— О, больше, чем четверть зала, — отметил Елагин, — Так вот, мы, то есть наше государство, показали те самые красные линии, как и мои одноклассники тогда. Но нужно понимать, что, показывая красные линии, неизбежно нужно ждать их проверки, тестирования, если хотите. И попыток их отодвинуть.

Это касается и государства, и каждого из нас. Вы тоже можете прочертить границы вашего самоуважения и достойного общения с другими. И если кто-то зайдет за вашу персональную красную линию, отстаивать ее все-

ми разрешенными и приемлемыми в обществе методами и средствами.

Но помните, что самая главная задача того, кто прочертил красные линии не дать их отодвигать ни на один миллиметр. Иначе грош цена таким линиям. Их нужно держать, за них нужно стоять до конца, до последнего.

— Простите, а есть примеры государств, которые потеряли свои красные линии? — спросила ведущая.

— Да сколько угодно. Есть государства, которые просто легли, извините за аллегория, под своих более мощных хозяев. Полмира так живет. Прибалтика только и делает, что глазами ловит каждое возможное желание американцев, пожертвовав ради похвалы своими нормальными и выгодными отношениями, например, с Китаем.

Кроме того, они забыли, что вся их индустрия и промышленность — результат работы всего Советского Союза. И теперь даже требуют с нас какие-то суммы репараций за оккупацию. Но это небольшие страны, а есть такие, которые, пройдя через огромные испытания, став сильной державой, все равно утратили мудрость для того, чтобы держать свои линии, например Япония.

Вы все знаете, что 6 августа 1945 года американский бомбардировщик В-29 сбросил на центр города Хиросима четырехтонную урановую бомбу под названием «Малыш». Радиус полного разрушения составил 1,6 км, радиус взрывной волны — порядка 20 км. В результате взрыва атомной бомбы в один день погибли 100 тысяч человек. К концу 1945 года число жертв возросло до 140 тысяч, так как люди умирали от полученных ран и облучения.

Так вот, совсем недавно, на ежегодных памятных мероприятиях, посвященных этой трагической странице в истории Японии, главные виновники трагедии — Со-

единенные Штаты Америки, не были упомянуты вовсе. Как будто бомба на японцев из космоса прилетела. При этом всем говорили только об угрозе со стороны России. Более того, руководство Японии отметило, что единственная сила, которая может сдерживать Россию — это США — «авангард борьбы за мир». Ребята, вы можете представить себе такую ситуацию? И где, скажите, их красные линии?

А мы не только обозначили наши красные линии, но и показали, что их игнорирование чревато серьезными последствиями. И они могут быть не только военного характера, но и экономического. Видите, насколько проседает уровень жизни в странах, которые ввели самые жесткие санкции против нас. И это только начало. Но не стоит ждать, что тяжелая экономическая обстановка заставит запад по-другому взглянуть на Россию. Нет. Нам противостоит система, которая выстраивалась веками. Со своей мощной идеологией, со своим четким осознанием места в мире, с воспитанными в таком духе гражданами и экономикой, которая обслуживает эту систему.

Кстати, в этом наша системная ошибка 90-х годов прошлого века. Мы экономику, деньги поставили на первое место. Нам в перестроечные годы и времена гайдаровского ограбления людей вбили в голову, что деньги решают все. История, память, гордость, идеология, территориальная целостность — это все вторично по сравнению с финансовым благополучием и сытым пузом. Мы чуть не стали стадом потребителей, которые бы лениво взирали на то, как дербанят их страну на части.

Но, слава Богу, что произошел поворот. Я очень надеюсь, что он надолго, а лучше — навсегда. И в этом тоже наши красные линии. Мы за них будем воевать, мы их будем держать, это наша государственная граница соб-

ственной самоидентификации и осознания, кто мы есть и что мы оставим потомкам.

И вот поэтому, когда мы в следующий раз скажем, что здесь проходят наши красные линии, ни одна самонадеянная сволочь не посмеет даже близко к ним подойти. Потому как будет знать, что дальше получит по соплям. И что за нашу красную линию мы собой готовы пожертвовать, но перейти ее не дадим. Тогда и будет уважение и понимание, что мир не однополярный, что у каждого могут быть свои ценности и что со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Они должны понимать, что мы это просто так не оставим, отстаивая свои красные линии.

Нам другого и не надо. Мы же, по сути своей, мирные люди и прощаем достаточно быстро. А еще гостей любим у себя принимать. Да так, что они хотят к нам снова и снова приезжать в гости. Мы и не возражаем. Но только в гости и только с чистым сердцем и добрыми намерениями.

Вместо запланированных полутора часов встреча продолжалась почти четыре. Елагин рассказал о жизни и подвиге Максима Шалаева. О том, как чеченские спецназовцы вместе с лучшим другом Шалаева Алексеем Филатовым провели операцию по доставке тела погибшего героя в расположение российских войск. Он видел, как утирали слезы девушки, сидевшие в первых рядах.

Рассказал о буднях российских военных, о боевой работе, о наших героических летчиках, которые на малых и предельно малых высотах выполняют задания по уничтожению живой силы и техники противника, прикрывают нашу пехоту и артиллерийские расчеты, обеспечивают оперативное и тактическое господство нашей авиационной техники в воздухе. А иной раз выходят да-

леко за рамки действующих инструкций и приказов для того, чтобы остаться верными самым главным законам войны — законам боевого братства.

— Совсем недавно, во время попыток украинского контрнаступления, экипажи многоцелевых ударных вертолетов Ми-35 армейской авиации показали примеры эффективной боевой работы, — продолжил рассказ Елагин, — оценивая обстановку буквально за считанные секунды, летчики этих многоцелевых машин выполняют пуски ракет по обнаруженным укрепленным опорным пунктам, бронированной технике, личному составу подразделений ВСУ, практически полностью уничтожая все цели.

Елагин не смог не рассказать ребятам историю о наших вертолетчиках, которые каждый раз пролетая над окраинами одного из сел, видели одну и ту же бабушку, которая, увидев российские боевые машины, всегда выбегала из дома на поле и крестила уходящие в бой российские вертолеты. На ее доме развевался красный флаг, что в зоне проведения боевых действий уже было большой смелостью. Так продолжалось довольно долго, и в один прекрасный день солдатские сердца не выдержали. Пара вертолетов приземлилась на том поле, недалеко от дома бабушки. Не хватит слов и душевных сил, чтобы описать эту встречу. Для бабушки это было настоящее счастье, сквозь слезы и рыдания она рассказала, что единственная ее мечта — дождаться окончательного освобождения земель Донбасса от нацисткой нечисти и возвращения России. Не сдержали слез и наши ребята, обняв, как им казалось, очень близкого и родного для них человека. Это была очень трогательная встреча. Мудрая и сильная женщина, за ее плечами — огромный жизненный путь, она все же сохранила в своей душе веру на лучшую жизнь

и вселяла ту самую веру в своих освободителей. Теперь она стала для наших бойцов прообразом матери, которая благословляет своих сыновей на бой каждый раз, когда они приветствуют ее с воздуха.

Спросили студенты и о том, как воюют украинские солдаты. Елагин ответил, что там царит полная неразбериха в виду крайне неоднородного состава ВСУ: там есть и кадровые военные и призванные резервисты и мобилизованные совершенно мирные люди и наемники и те, кто выбрал для себя службу в националистических и карательных батальонах — прообразом которых являются подразделения украинской националистической армии, которая формировалась под руководством отъявленных мерзавцев Бендеры и Шухевича.

— А для иллюстрации вам совсем недавний факт. Под натиском наших вооруженных сил, остатки 58-й мотопехотной бригады бежали с позиций и оставили населенный пункт Уды в Харьковской области. И вот, якобы с целью пресечения паники и устрашения личного состава ВСУ, националисты вооруженного формирования «Кракен» показательно расстреляли 100 военнослужащих, покинувших свои позиции. Как вам такой поворот? — спросил Елагин окончательно притихших студентов.

— Но и это не все. Сейчас ввиду деморализации части украинской армии стремительно растет число наемников, особенно из Польши, Грузии, США. Нарастают поставки тяжелых вооружений.

А вся, так называемая, наступательная операция украинских сил в Харьковской области была разработана на основе данных и при участии Пентагона. Уже в конце февраля Соединенные Штаты начали предоставлять Украине информацию о командных пунктах, складах боеприпасов и других ключевых узлах на линиях снабжения рос-

сийской армии. Кроме того, у нас в районе Запорожской атомной станции через день украинский десант, то на барже, то на американских лодках надувных. По сто, сто пятьдесят человек пытаются прорваться, мы их, конечно, уничтожаем всех. Но ведь кто-то же их на убой отправляет? Так что делайте, ребята, выводы, с кем мы на самом деле воюем. И кто, не считая себя стороной конфликта, на самом деле принимает в нем самое активное участие, — предложил поразмышлять студентам адмирал.

Время текло незаметно и, когда Елагин в очередной раз посмотрел на часы, было уже почти без десяти шесть. Елагин тепло попрощался со студентами, постоял на трибуне, пока ему хлопали, пожал руку ректору, подхватил Юлю и быстрыми шагами пошел к выходу. Уже там, перед самой посадкой в машину, когда он обнял дочь, его догнали четыре запыхавшихся парня, он видел их на встрече.

— Товарищ адмирал, мы это... — замялся один.

— Михентий, чего ты мнешься, — прервал его другой, — короче, мы вчетвером хотели бы записаться в добровольцы, как нам это сделать? Помогите нам, Александр Николаевич, хотим туда, нашим ребятам помогать. Мы знаем, как с автоматом обращаться и в тир ходили. Так что, как вы говорили, боевую работу можем и хотим выполнять.

Елагин подошел и крепко пожал руку каждого.

— Вы сейчас учитесь, хорошо учитесь. Это ваша работа. А потом приходите, Юлия Александровна вам мои координаты даст. И не переживайте, у вас все еще впереди. Сейчас время России, а значит — время героев.

И спасибо вам, от меня и от всех наших бойцов, которые сейчас на передовой, спасибо, сынки.

**Октябрь 2022 года,
Москва, Россия.**

На следующее утро после выступления перед студентами, Елагин должен был улететь обратно, в зону проведения специальной военной операции. Его краткосрочная командировка заканчивалась. Юля решила проводить его на аэродром.

— Пап, я очень хочу проводить тебя!

— Ну, раз ты так хочешь, то, конечно, поехали, дочь. Водитель отвезет тебя обратно, — сразу согласился Елагин.

— Спасибо, папуль, это здорово, мы же так редко видимся с тобой в последнее время. Я скучаю, — Юля подошла и обняла отца.

— Я тоже скучаю, Юльк, — погладил ее по голове Елагин.

— К тому же мне нужно кое-что тебе рассказать и кое о чем спросить, — сказала Юля.

— Заинтриговала. Ну ладно, нам пора с тобой, машина уже внизу, давай присядем на дорожку, — предложил Елагин.

Они присели рядышком на небольшую кушетку около входной двери. Помолчали десять секунд.

— Ну, с Богом! — скомандовал Елагин, и они вышли из квартиры.

Машина ехала по утренней Москве. Жара уже давно спала, город готовился к осени, радуя жителей чистым и прозрачным воздухом. Деревья были еще, в основном, зеленые, но в некоторых местах уже появились золотые и красные листья. Первой начала разговор Юля.

— Пап, мне надо тебе кое-что сказать.

Елагин вопросительно и одновременно одобрительно посмотрел на нее.

— Как ты отнесешься к тому, что в моей жизни появится человек? Ну не просто человек, а мужчина. Любимый мужчина, — Юля вопросительно посмотрела на Елагина.

— Юль, да я буду очень рад за тебя. Ты умница, красавица, вся в маму. Работа у тебя прекрасная, кроме того, все условия есть. Главное, чтобы это был надежный человек, и он не должен даже пытаться разбить твое сердце. Кто он?

— Его зовут Ярослав, серьезный парень, работает вместе со мной. Живет пока вместе с родителями. Мама врач, а отец в полиции служит.

— В полиции, говоришь, ну, это уже неплохо, — пошутил адмирал.

— Да ну тебя, пап. Короче, в следующий твой приезд обещаю, что познакомишься с ним, — попросила Юля.

— Честное командирское, — пообещал Елагин.

— Ответь на один вопрос, об этом многие говорят, да и мне вопросы задают, зная, что я — твоя дочь. Я для них получаюсь как посредник что ли...

— Давай, задавай свой вопрос, а то мы уже к МКАДу подъезжаем, — поторопил ее адмирал.

— Почему мы первые начали спецоперацию? Не нужно ли было дождаться, пока те первые нападут, и тогда все было бы совсем понятно и безупречно с этической точки зрения. И не называли бы нас государством-агрессором.

— Серьезные вопросы волнуют молодежь. Понимаешь, Юля, мой отец учил меня так: «Саня, если ты точно понимаешь, что драки не избежать, то всегда бей первым». И добавлял слова своего отца — моего деда: «После драки кулаками не машут».

Вот чтобы получилось, не начни мы первыми? Было бы все то же самое. Та же западная пропаганда о том, что не начни Украина первой, ее бы уже не было, те же санкции против нас и изоляция. Все это готовилось и просчитывалось давно. Только мы бы отдали стратегическую инициативу, потеряли бы людей, оборонялись бы по всей линии Донбасс — Крым. Велика была вероятность применения бактериологического оружия, чтобы вызвать эпидемии и сделать военные действия невозможными. Американцы в их биологические лаборатории 250 миллионов долларов, зря что ли вложили?

Это как сейчас — они все пытаются нанести урон Запорожской атомной станции, вызвать утечку, потому как понимают, что такая катастрофа заставит нас спасать людей, а не завершать военную операцию. Вот и пришлось бы нам махать кулаками уже после драки. А так мы делаем все это сейчас, в нужное время и в нужном месте.

Ты же понимаешь, что на Украине тестируется современное западное оружие, технологии, тактические приемы? Им предоставляется самая актуальная разведывательная информация. Поэтому не упрощай. Мы воюем со всем блоком НАТО и другими зависящими от него странами. Вопрос только в том, что они трусливо выставляют на поле боя не своих, а украинских солдат, которые не

понимают, что никто не хочет их завоевывать. Никуда их Украина не денется. Сейчас самое важное, кто ею управляет и превращает в плацдарм для создания беспрецедентного военного перевеса врага рядом с нашими границами.

Я вчера говорил твоим студентам про наши красные линии. Так вот, мы их четко обозначили и сказали, что за ними, все — предел. Никто не мешал им настоять на нейтральном статусе Украины. И на здоровье, живите богато, европеизируйтесь до невозможности и грызитесь дальше за денежные и зерновые потоки, ездите разнорабочими туда и смотрите, как вывозят ваш чернозем вагонами. Но даже косить глазом не смейте в сторону России!

Но нет, наши оппоненты решили, что мы все это не всерьез говорим, что мы за тридцать лет настолько забыли, кто мы есть на самом деле, что у нас духу не хватит на то, чтобы отстоять свое право жить так, как мы считаем нужным, но жить в своей стране, на своей земле, по своим правилам. А они хотели сделать так, чтобы военное, экономическое и геополитическое превосходство давало им право руководить нами, приказывать нам, как нужно жить — ходить строем за их демократией и довольно странными правами человека, вроде всяких там гендеров, родителей номер один и номер два и другой всякой чушью и пошлостью.

Еще лет десять назад, все это нарастающее противостояние так и закончилось бы нудными и долгими переговорами. Они думали, что их время бесконечно, и мы уже никогда не вспомним, что делали наши предки с теми, кто хотел поработить российские земли и народы их населяющие.

Так что это был момент истины. Мы должны были сделать это сейчас или никогда. Проще говоря, снова стать

Россией или навеки остаться государством-бензоколонкой, как называл нас один американский сенатор.

А ты знаешь, как непросто далось это решение? Мы же понимали, насколько неоднородно наше общество! Как глубоко вдолбили многим из нас прозападную ориентацию: хорошо учись, чтобы потом работать в Европе или Америке. А эти бесконечные обучающие курсы, коучи, советники и практики у них? Так же было?

— Так, пап, подтверждаю, сама через все это прошла, — кивнула Юля.

— Так вот, Юль, я знаю, о чем говорю, к чему мы почти что пришли. Честно говоря, предатель на предателе и предателем погонял. Так вот, наши враги надеялись, что лишив нас привычных благ вроде сыра и вина с духами и шмотьем, можно поднять волну недовольства в стране, которая перерастет в революцию. И тогда, все! Смотри весь мир, чего стоит Россия! Пару модных сумок и свиную ногу хамона. Но не получилось же.

Да, высветились те, про кого мы и раньше знали много чего. Кто-то уехал, кто-то продолжает гадить здесь. Плохо, что мы это терпим. Пока терпим. И я очень опасаясь, что легко простим тех, кто в трудный час струсил и бежал. У них есть довольно высокие покровители и это будет самый дурной пример для людей. Сегодня от власти ждут не соглашательства и конформизма. Мы понимаем, что каждый сделал свой выбор. Так вот возвращение и реабилитация трусов и предателей полностью обесценит выбор тех, кто остался настоящим преданным гражданином своей страны и не прогнулся. Поэтому нам срочно нужны законы, которые бы карали тех, кто оскверняет и ставит под сомнение смелость наших бойцов, наши цели, законы, которые бы позволяли без оглядки выявлять предателей и не давать возможность

самым крутым западно-европейским лоббистам даже попытаться вернуть их обратно.

Да, такие еще есть. Но чем дальше будет идти разворот в обществе, чем быстрее мы осознали то, что растеряли за прошедшие годы, тем быстрее наступит трезвость, которая уже не даст свершиться несправедливости. Пойми, их разведки тридцать лет работали на то, чтобы Россия больше никогда не стала великой державой, ни в экономическом, ни в военном плане. А самое главное, они убивали нашу русскость, наши природные черты характера, нашу генетическую память.

Но тут опять ошиблись. Когда в «прибалтийских вымирающих» — этих странах с пониженной социальной ответственностью варварски, без обсуждения начали сносить памятники нашим погибшим за их же свободу солдатам, это же каждый раз какая пощечина нам была! Позор! А мы все терпели и обещали через МИД принять какие-то там ассиметричные меры. Какие меры? За это по щам бьют. Или когда по Крещатику пошли нацистские марши и факельные шествия? А это их отвратительное высокомерие. Вот у нас как по щелчку все и заработало. За-ра-бо-та-ло, Юля, понимаешь? И, слава Богу!

И теперь мне не стыдно смотреть моим боевым товарищам в глаза, потому что мы знаем, за кого и за что мы воюем. За Россию, за Донбасс, за те исконно русские земли, которые устали от гнета бендеровщины и хотят домой — жить в мире и растить детей.

Вон, Леша Филатов, помнишь его. Два ранения, майора получил, орден Мужества, мама из-за него с ума сходит, я его хотел себе в особые порученцы взять, а он после возвращения в расположение, пришел ко мне и говорит: «Товарищ адмирал, не велите казнить, дайте батальон, я дальше воевать пойду. Мне теперь и за Максима, и за

моих павших боевых братьев надо до конца этих гадов доработать. Вот как! Другой бы с радостью на командном пункте остался, а этот — нет.

И ведь, знаешь, Юль, как воюет? Помнишь, в конце августа противник решил провести наступление на Николаево-Криворожском направлении? Честно говоря, с их стороны — это какой-то массовый суицид был. Они же поняли уже, как русские умеют воевать. И все равно полезли.

А это знаешь, какая местность? Поля, поля без края и перелески. Вот они и повылазили из своих укрепрайонов и решили повоевать. Кое-где мы их поглубже заманили, там они все и остались. А где-то и вовсе сначала помесили поле, потом наелись свинца и отползли обратно. Заодно нам все свои лежки показали. Что у них за стратеги? Ну да ладно...

Так вот, батальон Филатова с таким боевым задором громил врага, что, глядя на них другие забывали об опасности. А все от кого зависит? Правильно, от личности командира, от его умения сплотить личный состав, подыскать себе такого замполита, который не лекции по бумажке читать будет, а личным примером покажет, что такое мужество и героизм.

— Пап, там очень страшно было? — неожиданно тихо спросила Юля.

— Где, дочь? — перевел на нее взгляд Елагин.

— Там, во время украинского контрнаступления....

Елагин поджал губы и посмотрел в окно машины. Потом повернулся к дочери и глядя ей в глаза сказал:

— Ты знаешь, Юль, война вообще страшная вещь и не всегда предсказать все получается. Враг создал на отдельных участках значительный перевес в технике и живой силе. Кресты вермахта намалевали на танках и поперли на наши позиции.

В некоторых местах только спецназ наш оборону держал. И несмотря на то, что их совершенно другому учили, выстояли. Там массовый героизм ребята проявили. Почти всю линию фронта в тысячу километров удержали. Сейчас резервы подошли.

И нам еще очень бойцы нужны. Опытные, нюхавшие порох. Поэтому и частичная мобилизация сейчас должна укрепить наши позиции, создать нужные резервы и дальше гнать врага с исконно русских земель.

— А у меня Ярослава призвать должны. В свое время его отец настоял на том, чтобы он служить пошел. Так получилось, что он и специальность военную имеет и спецподготовку прошел, а на последнем месяце срочной службы заключил годовой контракт и в разных переделках побывал. Я все досконально не знаю, он рассказывать не любит, но я у него две медали боевые видела, как у тебя, — обеспокоено сказала Юлия.

— А он у тебя боевой парень, я посмотрю. Что ж, может мы с ним и сослуживцами окажемся....

— Пап, я тебя ни о чем не прошу, знаю, что ты никаких исключений ни для кого не делаешь....

— Да, Юль, не время сейчас для исключений. Надо докрутить голову этой бендеровской сволочи. Они к открытому терроризму уже перешли. Вот референдумы прошли, и это уже наша земля стала. И любая атака на нее влечет совсем другие последствия. С одной стороны, это для простых людей успокоение и путь в будущее, с другой, для нацистов и их хозяев дополнительный стимул наступать и терроризировать мирное население. Так что знай, все то, что сейчас будет происходить там, это больше, чем военная операция, — ответил Елагин и взял дочь за руку.

— Я понимаю, вернее, стараюсь понять. Но это так все волнительно. Только бы все живыми домой вернулись! Пап, ты береги себя, ты мне очень нужен, — сказала Юля, прижавшись к его плечу.

— Не переживай, дочка, проводишь своего Ярика, не успеешь глазом моргнуть, а он уже вернется. Заодно и поймешь, как твоя мама меня из походов ждала, — Елагин погладил дочь по голове, — а если серьезно, все хорошо будет. Это я тебе говорю! С такими ребятами, которые сейчас на фронте, с их боевым духом, с теми, кто добровольно и по зову Родины идет к нам, мы обязательно победим!

— Дай Бог, пап, дай Бог!

— И такое поколение сейчас куется в боях. Уверен, что когда они вернутся с победой, то смогут сделать жизнь нашей страны гораздо лучше и честнее. Жаль, что только фильмов и книг про них пока нет. Но уверен, это дело времени. Ведь настоящий герой сегодня там, Юль, на Донбассе. И в прямом смысле, и в художественном. Не рассказывать о его подвиге — это непростительная близорукость. Ведь каждая такая книга и фильм будут приближать нашу победу!

И все это случится, дочь, обязательно случится. И никто и ничто им не поможет, ни американская разведка, ни наемники, ни контрастопы. Мы победим, потому как не было в истории такого, чтобы Россия не побеждала. А мы теперь — Россия!

Машина въехала на территорию аэродрома и остановилась у трапа военного самолета. Адмирал вышел из машины, принял рапорт командира воздушного экипажа, поцеловал дочь и, не оглядываясь, поднялся по трапу, который тут же был убран. Самолет, вырулив на взлетно-посадочную полосу, взмыл в небо.

К О Н Е Ц

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! Вы прочитали повесть «Красные линии». Очень надеюсь, что она не только увлекла вас своим сюжетом, но и заставила задуматься. О новой реальности, в которой жить нам и нашим потомкам, о гордости и чести, о Родине, о наших исторических традициях, о мужестве и героизме российского солдата.

Я очень прошу вас не оставаться равнодушными, ведь если мы все вместе и каждый в отдельности будем солидарны с нашими ребятами, то им легче будет воевать и вернуться домой живыми.

Давайте поддержим их если не делом, то хотя бы добрым словом, если не словом, то хотя бы мысленной молитвой за их здоровье и военные победы.

Я не раз бывал в Донбассе, в том числе и задолго до начала нашей спецоперации, и знаю, как люди восемь лет жили надеждой и верой в Россию, в то, что постоянное напряжение и страх за свое будущее когда-нибудь навсегда уйдут в прошлое. Но это возможно только вместе с уходом в историю неонацистского украинского режима.

Давайте уважать и чтить память погибших мирных жителей и тех, кто отдал свои жизни за безопасность

и целостность нашей страны, за мирное небо над головой, за будущее наших детей. Их семьям необходимо наше внимание и чуткое отношение, ведь они потеряли самую большую ценность на земле — жизнь своих близких.

В наших силах не дать опорочить подвиги российского воина, дать отпор тем, кто позволяет себе врать и искажать суть и цели проводимой специальной военной операции. Только тогда можно будет с чистой совестью смотреть на могилы наших дедов и прадедов, отстоявших нашу Родину в годы Великой Отечественной войны.

**ОТЗЫВЫ,
поступившие
на военно-приключенческую
повесть
«Красные линии»**

Для ветерана боевых действий не понаслышке знающего о «прелестях» войны с ее специфическими красками, звуками и запахами, несложно почувствовать подлинность описываемых событий или их творческую интерпретацию.

Знакомство с автором и самим произведением с позиции того, что они являются своего рода пионерами в этой зоне боевых действий, оставляет чувство неподдельной удовлетворенности.

При всех присущих жанру красках очень важно, что автор черпает свои сюжетные линии не по заказу политеса, а от первоисточника на передовой. Рад личному знакомству и с наилучшими пожеланиями.

Никто, кроме нас! Если не мы, то кто?

Юрий Евгеньевич Беляцкий,

Председатель правления региональной общественной организации ветеранов десантных войск «Союз десантников», полковник. Республика Коми

Вы являетесь уникальной личностью, внесшей весомый вклад в отечественную литературу. Ваши произведения – духовное достояние России. На основе обращения к общечеловеческим ценностям Вы рассказываете о нелегкой судьбе множества героев, в том числе и наших бойцов, а также придерживаетесь моральных принципов – чести, совести, долга – и в своей жизни.

Презентация книги «Красные линии» в Южной Осетии показывает теплое отношение автора к республике и играет большую роль в развитии взаимоотношений двух братских народов.

Желаю Вам дальнейших творческих успехов и новых проектов. Со своей стороны, мы готовы поддержать Ваши начинания. Ведь такие люди, как Вы, являются для всех нас примером.

*Алан Эдуардович Гаглоев,
Президент Республики Южная Осетия*

Книгу Ивана Соловьева «Красные линии» прочел с неослабевающим вниманием. Когда художественное произведение оказывается на самом острие политики (и внутренней, и внешней), оно не может не захватить. Тема наиактуальнейшая — наша специальная военная операция на Украине.

Издательство отнесло книгу к жанру военно-приключенческой литературы, что действительно оправдывается и динамичным интригующим сюжетом, и героическими схватками на поле боя, и борьбой разведок и контрразведок, и перипетиями личных судеб героев и антигероев повести.

Но фактически содержание книги, ее нравственное и политическое наполнение, ее общественное значение далеко вышли за привычные рамки жанра, что и является для нее большим плюсом. Важно, что она на деле помогает (особенно молодым) в осмыслении сути СВО, породивших ее причин и связанных с нею общественных размежеваний. Книга получилась современной и очень нужной. Она проникнута духом патриотизма и борьбы с русофобией.

Удачно, что в ней наряду с собирательными образами присутствуют и реальные люди, в том числе широко известные. Такая комбинация и то, что автор скрупулезно обозначает время и место действия каждого эпизода, повышает убедительность рассказа: он словно дышит документальностью.

Книга «Красные линии» — первая ласточка в русской художественной прозе, посвященной СВО. От души желаю ей доброго и долгого полета, желательно над всей территорией нашей бывшей общей Родины — Советского Союза.

Александр Михайлович Белоногов,
*Заместитель Министра иностранных дел СССР
(1989—1991 гг.), Чрезвычайный и полномочный посол*

С большим интересом на одном дыхании прочел книгу И. Н. Соловьева «Красные линии».

Увлекательное повествование, написано хорошим языком, правдивое. Автору удалось осветить без прикрас героизм участников СВО, показать суровые будни и боевую работу борцов с фашизмом, военные преступления киевского режима.

Проникся уважением к судьбам героев.

Лично знаком с автором, дорожу дружбой с ним.

Надеюсь на продолжение.

Гарри Сергеевич Купалба,

генерал-майор, Глава Официального представительства Приднестровской Молдавской Республики в Республике Абхазия

Прочитал увлекательную военно-приключенческую повесть «Красные линии», которую написал общественный и государственный деятель, заслуженный юрист РФ Иван Соловьев.

Это самая первая и пока что единственная художественная книга, написанная о самых актуальных событиях сегодняшних дней — о специальной военной операции на Украине.

Повесть захватывает моментально, книга читается на одном дыхании, и, читая, всецело погружаешься в события, которые происходят на ее страницах.

Помимо увлекательных сюжетных линий (о подвигах русских героев, борьбе спецслужб, взаимоотношениях между участниками событий), книга ценна еще тем, что она помогает по-новому взглянуть на происходящее и заставляет читателя задуматься о многих вещах: как о причинах спецоперации и о событиях, которые привели к ней, так и о том, что несмотря на огромное количество новостей, публикуемых в сети, какие-то вещи скрыты от нас, и многое происходит не совсем так, как кажется все на первый взгляд и как представляют зрителю эту информацию средства массовой информации и каналы в интернете.

По этой повести, на мой взгляд, мог бы получиться отличный захватывающий и динамичный фильм или сериал на шесть-восемь серий!

Рекомендую всем!

Иван Кузьмин,

автор и исполнитель патриотических песен

Уважаемый Иван Николаевич!

Мои неоднократные попытки написать литературную рецензию на Вашу новую книгу «Красные линии» оказались безуспешными по одной причине.

Я не смог спокойно отрешиться и посмотреть на Ваше произведение со стороны, как патологоанатом в морге, не предвзято выделяя его достоинства и недостатки, отмечая удачные компоновки сюжета и недостатки повествования.

Не смог, потому что Ваша книга разбередила мне душу, пробудила воспоминания детства и юности пацана, родившегося в 1954 году на Украине в городе Днепропетровске.

Перевернув последнюю страницу книги и посмотрев фильм «Пункт пропуска», я начал жить воспоминаниями своих поездок со сверстниками — сыновьями офицеров в летние военные городки 6-й гвардейской танковой армии, расположенные в Новомосковском районе Днепропетровщины, возвратился к перелистыванию своих альбомов с фотографиями курсантских будней в Донецком высшем военно-политическом училище, чтению вклеенных боевых листов, выпущенных мною на замполитовской стажировке в 121-м отдельном Гвардейском Фокшано-Мукденском орденов Александра Невского и Красной Звезды полку связи 6-й гвардейской танковой армии перед выпуском в 1976 году из ДВВПУ.

Сегодня боевые действия на фронтах СВО ведутся в городах и районах Юго-Востока Украины, знакомых мне с детства по поездкам с матерью и бабушкой к родственникам и знакомым, участию в многочисленных школьных творческих экспедициях клуба юнкоров «Луч»

городского Дворца пионеров, спортивных турнирах по фехтованию в составе команды ДЮСШ и Днепропетровского мединститута. Не скрою, что будь я помоложе и позрелее, я был бы сейчас там, вместе с отважными бойцами и офицерами, которые освобождают мои родные края от укронацистской чумы.

Вполне естественно, что участие десятков тысяч россиян в СВО побуждает в них желание выразить свои чувства и помыслы, облечь свои мысли в стихотворную, песенную форму. И в этом случае Ваша книга становится окопным романом, логическим продолжением фильма «Пункт пропуска, произведением, которым в передышках между боями зачитываются наши бойцы и командиры.

Конечно, придирчивый скептик, поклонник буквы и смысла уставов и наставлений найдет в ней и в фильме немало огрехов, но я уверен, что Ваша книга и фильм войдут в золотой фонд российского военного искусства, рожденного на полях сражений наравне с романом «Волоколамское шоссе» Александра Бека, поэмой «Василий Теркин» Александра Твардовского, стихами Константина Симонова, фильмами «Два бойца» Леонида Лукова, «Небесный тихоход» Семена Тимошенко, «Жди меня» Александра Столпера и Бориса Иванова.

Своими фильмом и книгой Вы, Иван Николаевич, взяли высокую планку творчества в отечественной литературе. Хочется в качестве напутствия дать Вам флотскую команду, как рулевому на мостике: «Так держать!».

С уважением,

Сергей Александрович Лобода, капитан I ранга в отставке, член Президиума Приморского регионального отделения общероссийской общественной организации «Офицеры России», вице-президент Федерации фехтования Приморского края, мастер спорта СССР по фехтованию на шпагах, инвалид II гр.

Во все времена для нашей молодежи неизбежно вставал риторический вопрос: «Делать жизнь с кого?» На этот и другие жизненные вопросы студенты Дальневосточного государственного гуманитарно-технического колледжа находили ответы во время проведения Карбышевских чтений, посвященных подвигу Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Дмитрия Михайловича Карбышева, чей памятник в 1984 году установлен в городском сквере у входа на нашу территорию.

Недавно в нашем колледже произошло знаменательное событие — творческая встреча с Иваном Николаевичем Соловьевым, настоящим патриотом нашей страны, чья жизнь и судьба являются примером служения интересам России, а его творческое наследие, уверен, войдет в золотой фонд современной российской литературы.

Выражая искреннюю благодарность Ивану Николаевичу за огромный духовный заряд от встречи, передаю надежду многим преподавателям и студентам колледжа, что Министерство обороны и Министерство культуры Российской Федерации смогут организовать по книге «Красные линии» съемки нового фильма, в котором все полюбившиеся нам герои будут защищать интересы России в условиях проведения СВО на Украине.

Александр Валентинович Аксенов,
директор Дальневосточного государственного гуманитарно-технического колледжа им. Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Д.М. Карбышева, депутат Думы города Владивостока, четырехкратный чемпион мира по самбо, заслуженный мастер спорта СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	3
2	7
3	11
4	14
5	18
6	21
7	25
8	30
9	33
10	39
11	41
12	45
13	50
14	56
15	63
16	68
17	71
18	79
19	84
20	89
21	93
22	98
23	105
24	110
25	116

[200-00]

26.....	121
27.....	127
28.....	134
29.....	139
30.....	144
31.....	150
32.....	156
33.....	165
34.....	174
35.....	180
36.....	185
37.....	190
38.....	194
39.....	199
40.....	205
41.....	211
42.....	218
43.....	223
44.....	231
45.....	237
46.....	243
47.....	250
48.....	256
49.....	260
50.....	265
51.....	269
52.....	274
53.....	279
54.....	289
55.....	296
56.....	307
Обращение к читателям	316
Отзывы, поступившие на военно-приключенческую повесть «Красные линии»	318

Иван Николаевич Соловьев – российский государственный и общественный деятель, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

С 1995 г. – на правоохранительной службе, работал в оперативных и следственных подразделениях налоговой полиции. В 2003 г. перешел на службу в центральный аппарат МВД России, где возглавлял уголовно-правовое управление, а затем стал заместителем начальника Правового департамента.

С 2012 по 2014 г. – руководитель аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции. С 2016 по 2018 г. – заместитель управляющего делами, а затем – руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ.

С 2019 г. занимается реализацией общественных и благотворительных проектов в Сирийской Арабской Республике, ДНР и ЛНР. В настоящее время оказывает помощь семьям, в которых дети были лишены статуса инвалида, а также курирует проект по противодействию телефонному и онлайн-мошенничеству.

Автор научных, публицистических и художественных книг: «Как не стать жертвой телефонного мошенничества?», подробного иллюстрированного комментария к Уголовному кодексу РФ для подростков, «Крымская весна», «Искушение», «Купец в сапогах», «Доброе утро, Хаджарат!» и др.

Военно-приключенческая повесть «Красные линии» посвящена мужеству и отваге российских военнослужащих, проявляемых в ходе проведения специальной военной операции на Украине, их готовности пожертвовать собой ради спасения жизни боевых товарищей, безопасности и процветания Родины.

Отдельной детективной линией сюжета является противостояние российской разведки и контрразведки попыткам украинских спецслужб и их агентов похитить оружие нового поколения и завербовать военнослужащих Вооруженных сил РФ для работы на противника.

Настоящими красными линиями для героев книги станут испытания, через которые им придется пройти: победить страх, не поддаваться искушениям, проявить твердость и цельность характера, сострадание и великодушие.

Читатель узнает о дальнейших судьбах уже полюбившихся по фильму «Пункт пропуска» героев: адмирала Елагина, офицеров Алексея Филатова и Максима Шалаева, их бывшего друга капитана ВСУ Тараса Комко и его отца и др.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

